

ИЗВѢСТІЯ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ВЪ НѢЖИНѢ.

ТОМЪ IV.

Выпускъ I.

1879 г.

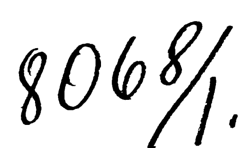
СОДЕРЖАНІЕ:

I. Оффиціальный отдѣлъ.

II. Неоффиціальный отдѣлъ.

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (І. І. ЗАВАДЗКАГО).
1879.

Печатано по опредѣленію Конференціи историко-филологическаго института князя Безбородко.

I.

Оффиціальный отдѣлъ.

Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана.

Эпизодъ изъ хорватской исторіи.

(Рѣчь, написанная ординарнымъ профессоромъ А. С. Будиловичемъ для произнесенія на торжественномъ актѣ въ Институтѣ кн. Безбородко, 30 августа 1878 года).

Народы славянскаго юга какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи распадаются на три вѣтви. Болгаре, занявъ восточную и срединную части Балканскаго полуострова, плотно примкнули къ Византіи, центру образованности восточноевропейской; подъальпійскіе Словенцы должны были стать въ такую же зависимость отъ Рима, источника и средоточія образованности западноевропейской; третья вѣтвь—Сербохорваты, занявъ древній Иллирикъ, попали на ту географическую полосу, гдѣ издавна соприкасались притягательныя дѣйствія двухъ противоположныхъ культурныхъ центровъ старой Европы. Матеріальныя и нравственныя силы послѣдняго народа были недостаточны для того, чтобы занять независимое положеніе между двумя противоположными теченіями; онъ долженъ былъ распасться на двѣ части: восточную—сербскую и западную—хорватскую. Это распаденіе совершилось очень рано: его зародыши существовали уже въ X вѣкѣ; они выразились между прочимъ и въ разсказѣ Константина Багрянороднаго о заселеніи Иллирика двумя дружинами: сербскою и хорватскою. Въ X и XI-мъ вѣкахъ Риму удалось, при помощи хорватскихъ королей, нанести тяжелый ударъ славянской церкви въ Хорватіи и тѣмъ оторвать ее отъ востока въ церковномъ отношеніи; въ концѣ XI в. Хорватія отложилась и отъ политическаго главенства восточнаго императора, вслѣдствіе чего она принуждена была въ началѣ XII в. признать надъ собою власть угорскихъ королей. Приморскія же области древней Хорватіи постепенно приходятъ въ зависимость и даже подданство республики св. Марка. Угрія и Венеція окончательно ввели Хорватію въ фарватеръ

образованности западноевропейской. Хорватское королевство продолжало свою жизнь, но лишь по имени; оно имѣло своею бана, свои сеймы, свою администрацію, суды и школы, но не имѣло своей мысли, своего направленія въ политикѣ. Пока существовало угорское государство, Хорваты усердно служили его интересамъ и цѣлямъ; когда же Будимъ завоеванъ былъ Турками, Хорваты, вмѣстѣ съ сѣверными и западными окраинами Угріи, подчинились Габсбургамъ, которые давно уже протягивали свои загребучія руки чрезъ Штирію и Крайну въ долину Дравы и Савы, къ теплымъ берегамъ Адріатики. Риму удалось разогрѣть въ Хорватахъ религіозный фанатизмъ и утвердить въ нихъ, подобно какъ въ Полякахъ, мысль, что единственная историческая задача ихъ состоитъ въ защитѣ христіанской или вѣрнѣе латинской Европы отъ восточныхъ схизматиковъ и невѣрныхъ. Проникнутые религіознымъ энтузіазмомъ, Хорваты оказали чудеса храбрости въ войнахъ угорскихъ, австрійскихъ и венеціанскихъ съ Турками; но это не мѣшало западноевропейцамъ всегда съ большимъ пренебреженіемъ относиться къ заслугамъ Хорватовъ и держать ихъ въ черномъ тѣлѣ. Лишь исключительныя условія могли доставить Хорвату вліятельное положеніе въ государствѣ; да и тогда правительство, особенно австрійское, относилось къ нему съ величайшимъ недовѣріемъ и несочувствіемъ. Оно какъ будто боялось пробужденія въ хорватскихъ патріотахъ здраваго взгляда на свое положеніе и стремленія измѣнить его. Но очень рѣдко оправдывались эти опасенія! Перелистывая страницы хорватской исторіи на протяженіи многихъ вѣковъ, мы встрѣчаемъ лишь одинъ энергическій опытъ протеста противъ австрійскаго гнета со стороны Хорватовъ. То былъ заговоръ графовъ Зринскаго и Франкопана въ 1670 году.

Событія послѣдняго времени, столкновеніе Австріи съ Турціею въ Босніи, па почвѣ сербо-хорватской, невольно привлекаетъ вниманіе мыслящихъ людей на хорватскую часть великаго восточнаго вопроса; для освѣщенія же отношеній Хорватіи къ Австріи и Турціи самымъ поучительнымъ событіемъ является упомянутый заговоръ 1670 года. Да остановится же на немъ благосклонное вниманіе слушателей, присутствующихъ на сегодняшнемъ актѣ.

Во второй половинѣ XVII в. политическія отношенія въ земляхъ габсбургскихъ были очень отличны отъ современныхъ. Границы владѣній Леопольда I и Магомета IV лежали не по Савѣ и Дунаю, а гораздо сѣвернѣе. Въ Темешварѣ и Канижѣ, Великомъ Варадинѣ и Будимѣ, т. е. въ центрахъ нынѣшней Угорщины, сидѣли паши. Воевода семиградскій

также былъ подъ сюзеренствомъ султана. Лишь русское и словацкое Подкарпатье, да узкая полоса земли въ западной Угріи и Хорватіи подчинялись тогда императору. Послѣдняя раздѣлялась на двѣ части: 1) гражданскую Хорватію или Бановину, сосредоточенную вокругъ Загреба, и 2) военную Хорватію, зародышъ Военной границы. Хотя много прошло времени отъ Фердинанда I до Леопольда I, однако земли угорскія и австрійскія мало срослись между собою въ этотъ полуторавѣковой промежутокъ времени. Турецкая гроза заставляла конечно угорскихъ Славянъ и Мадьяръ тяготѣть къ Австріи; но холодный и разсчетливый характеръ Габсбурговъ всегда былъ крайне антипатиченъ угорскимъ народамъ. Да и бюрократическія учрежденія Австріи, ея централизаціонныя наклонности, іезуитскій духъ и нѣмецкій запахъ очень мало соотвѣтствовали учрежденіямъ, обычаямъ и нравамъ означенныхъ народовъ. Это было причиною непрерывныхъ столкновеній австрійскаго правительства съ угорскими подданными императора. Заполья, Бочкай, Бетленъ Габоръ и пятеро изъ дома Раковскихъ (Ракоци) пріобрѣли себѣ славу въ борьбѣ съ Габсбургами за права Угорскихъ земель. Нельзя отрицать, что со стороны Австрійцевъ борьба эта велась съ большимъ умомъ и постоянствомъ; она и окончилась бы, безъ сомнѣнія, полнымъ торжествомъ германизма и папизма, подобно тому, какъ это случилось въ Штиріи, Хорутаніи, Крайнѣ и Чехіи, если бы Нѣмцамъ не мѣшали въ Угріи Турки.

Положеніе Угорщины съ Хорватіей въ періодъ времени, непосредственно предшествовавшій заговору 1670 года, можно видѣть изъ памятной записки, составленной Франкопаномъ, не безъ участія Зринскаго, въ 1665 г. для майнцкаго курфирста [1]). Угорщина, особенно верхняя, читаемъ мы здѣсь, доведена до такого отчаянія, что не видитъ себѣ другаго спасенія, кромѣ подчиненія турецкому господству! Императоръ навлекъ-де на себя всеобщее негодованіе своей политикой послѣднихъ лѣтъ; благодаря ей опустошено Турками Семиградье, занятъ ими же Великій Варадинъ, Уйваръ, Новоградъ и другія мѣстности въ верхней Угріи, уступленныя затѣмъ султану по вашварскому миру, который заключенъ Леопольдомъ тайно отъ чиновъ угорскаго королевства, къ великому вреду и негодованію всего населенія. Въ добавокъ напали-де еще на Угорщину хищныя нѣмецкія войска самаго императора, опустошившія всѣ области отъ Семиградья до Хорватіи, какъ будто непріятельскую землю. Права и обычаи Угорщины нарушаются-де на всякомъ шагу Нѣмцами, которые стремятся

---

[1]) Acta conjurationem Zrinii et Frangepani illustrantia. Agram 1873. p. 1 sq. Изъ этого сборника актовъ почерпнуты авторомъ подробности о заговорѣ 1670 г.

оттѣснить отъ управленія людей мѣстныхъ, чтобы затѣмъ привести королевство угорское въ положеніе наслѣдственныхъ австрійскихъ областей, чего не сдѣлали бы съ нимъ и Турки. Удивительно ли послѣ того, что населеніе Угорщины склоняется-де болѣе къ султану, чѣмъ къ императору?

Эта картина положенія и настроенія Угорщины и Хорватіи въ 1665 и слѣдующихъ годахъ вполнѣ подтверждается депешами венеціанскихъ пословъ, которыхъ издано до 70 югославянской академіей вмѣстѣ съ актами, относящимися къ заговору 1670 г. [1]). Недовольные австрійскимъ императоромъ подданные въ Угріи обращаются во всѣ стороны христіанской Европы съ просьбами о помощи противъ султана и защиты отъ обидъ императора: они сносятся для этой цѣли съ курфирстами Германіи, Венеціей, Франціей, Швеціей, Польшей, грозя въ крайнемъ случаѣ соединиться съ Турками противъ равнодушной, безучастной Европы. Венеція и Франція поддерживали сношенія съ вождями угро-хорватской оппозиціи, подчиняя конечно ихъ интересы своимъ собственнымъ планамъ и стремленіямъ. Курфирсты были безсильны сдѣлать что либо въ пользу Угріи; они и не понимали причинъ ея недовольства управленіемъ Нѣмцевъ. Швеція была далеко; да она и ослабѣла послѣ 30-лѣтней войны и нуждалась въ отдыхѣ. Польша не имѣла достаточно политическаго смысла, чтобы понять общность своихъ интересовъ съ угорскими; къ тому же іезуиты выработали уже тогда трогательную дружбу между королями польскими и австрійскими, скрѣпивъ ее сходнымъ реакціоннымъ направленіемъ обоихъ правительствъ. Устремивъ глаза на русскій востокъ, куда ихъ манила жажда къ папистской пропагандѣ и къ увеличенію числа хлоповъ шляхетской Рѣчипосполитой, Поляки уже не видѣли, что происходитъ у нихъ подъ носомъ на западѣ и этой глупой политикой много помогли распространенію власти Нѣмцевъ до Вислы, Буга и Нѣмана. Куда же оставалось Უграмъ и Хорватамъ обратиться съ протестами на Габсбурговъ, если не къ султану?

Такова была политическая обстановка, при которой выступили на поле дѣйствія графы Петръ Зринскій и Францъ Франкопанъ. Они были представителями двухъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ боярскихъ родовъ Хорватіи. Изъ рода Зринскихъ вышло 16 ея бановъ или вице-королей, какимъ былъ и графъ Петръ. Весь Мурскій островъ и много другихъ имѣній Хорватіи составляли удѣлъ Зринскихъ. Лучшія страницы въ исторіи австро-турецкихъ войнъ 16-аго и первой половины 17-аго вѣка заняты подвигами графовъ Зринскихъ. Особенно прославились два Николая Зринскихъ: одинъ въ половинѣ 16-аго а другой 17-аго вѣка. Первый извѣстенъ въ

[1]). Въ цитованномъ выше изданіи.

исторіи защитой Сиготской крѣпости противъ Солимана Великолѣпнаго (1566 г.); второй же замѣчателенъ въ исторіи не только военной, но и литературной, какъ основатель мадьярской поэзіи. Графъ Петръ Зринскій былъ вѣрнѣе преданіямъ своего рода и посвящалъ свои досуги литературѣ хорватской, а не мадьярской.

Обширное вліяніе, которымъ пользовались графы Зринскіе не только въ Хорватіи, но во всей Угорщинѣ, очень не нравилось нѣмецкимъ генераламъ и политикамъ, окружавшимъ дворъ Леопольда I. Этимъ объясняется неохота, съ какою согласился императоръ на возведеніе графа Петра въ баны Хорватіи, по смерти его брата Николая. Три съ половиною года проволакивали министры введеніе Зринскаго въ эту высокую должность, несмотря на приказъ о томъ императора. Еще болѣе оппозиціи встрѣтилъ Зринскій при дворѣ, когда онъ выступилъ кандидатомъ на вакансію граничарскаго генерала въ Горнемъ Карловцѣ. Несмотря на всѣ просьбы о томъ Хорватовъ, императоръ не согласился на соединеніе въ лицѣ бана двухъ столь важныхъ должностей—гражданской и военной и назначилъ въ Карловецъ комендантомъ гр. Герберштейна, завзятаго Нѣмца и рьянаго врага Зринскихъ. Съ тѣхъ поръ банъ Петръ окончательно охладѣлъ ко двору и сталъ склоняться къ мысли, что Турки все таки лучше Швабовъ.

Одновременно съ Петромъ Зринскимъ выступилъ на политическое поле и зять его Францъ Франкопанъ. Онъ происходилъ изъ знатной итальянской фамиліи Анниціевъ. Два брата Анниція командовали вспомогательнымъ итальянскимъ отрядомъ, который послѣ трехъдневной битвы на Гробницкомъ полѣ нанесъ рѣшительное пораженіе отряду Монголовъ и тѣмъ содѣйствовалъ спасенію отъ нихъ Угорщины и короля Белы IV. Въ награду за этотъ подвигъ Анниціи получили большой удѣлъ въ приморской Хорватіи, съ резиденціею въ замкѣ Терсатскомъ, близь г. Рѣки. Молодой гр. Францъ Франкопанъ уже извѣстенъ былъ своими подвигами въ войнѣ противъ Турокъ и потому имѣлъ право разсчитывать на награду со стороны императора. Нѣмцы стали однако и ему поперегъ дороги. Несмотря на протекцію папы и римскихъ кардиналовъ, между которыми Франкопанъ имѣлъ родственниковъ, онъ столь же мало успѣлъ въ кандидатурѣ на генералатъ карловецкій, какъ и Петръ Зринскій. Даже званіе Сеньскаго капитана Леопольдъ присвоилъ ему лишь послѣ долгихъ колебаній. Всѣ эти обстоятельства заставили Франкопана тѣснѣе примкнуть къ Зринскому и вмѣстѣ съ нимъ искать другой почвы для своей дѣятельности. Внутренней связью двухъ графовъ была Екатерина Зринская, жена бана Петра и сестра Франца Франкопана.

Въ исторіи заговора Зринскаго противъ Австріи необходимо отличать

два періода: 1) отъ 1665 по 1669-ый годъ и 2) съ конца 1669 по апрѣль 1670. Въ первые четыре года Зринскій, не скрывая своего недовольства летаргическимъ и пристрастнымъ вѣнскимъ дворомъ, не имѣлъ никакого довѣрія и къ Туркамъ, и искалъ въ христіанской Европѣ, особенно въ Венеціи и Франціи, защиты и покровительства своему пароду. Въ этомъ отношеніи Зринскій существенно отличается отъ заговорщиковъ верхнеугорскихъ, которые уже тогда болѣе склонялись къ Туркамъ, чѣмъ къ Нѣмцамъ. Къ концу 1669 года планы Зринскаго начинаютъ однако мѣняться. Отчаявшись въ императорѣ и въ христіанской Европѣ, онъ рѣшается вступить въ сношенія съ Портою. Двѣ причины привели его окончательно къ этой рѣшимости: 1) отказъ императора въ карловецкомъ генералатѣ и 2) взятіе Турками о. Кандіи. Первое переполнило чашу его долготерпѣнія къ интригамъ враговъ; второе же окружило новымъ обаяніемъ турецкое знамя и, съ усиленіемъ страха государей христіанскихъ, увеличило въ угорскихъ сосѣдяхъ Турціи желаніе искать спасенія въ добровольномъ подчиненіи могущественному царю востока. Это отразилось на отношеніяхъ Зринскаго къ Австріи и Венеціи съ одной стороны, а къ Турціи съ другой.

Въ концѣ 1669 года банъ отправилъ къ султану посольство изъ капитана Буковачкаго и нѣсколькихъ [illegible] офицеровъ Хорватіи. Трудно уяснить себѣ всѣ мотивы этого рѣшенія, имѣвшаго для виновниковъ послѣдствія столь роковыя; но чуть ли не самымъ вѣроятнымъ предположеніемъ будетъ то, что въ головѣ Зринскаго еще не опредѣлились тогда конечныя цѣли этой попытки: дальнѣйшія событія должны были дать ей то или другое направленіе. Да и вообще нельзя не замѣтить, что, будучи энергическимъ человѣкомъ и храбрымъ генераломъ, Петръ Зринскій не обладалъ тѣмъ вѣрнымъ и обширнымъ политическимъ умомъ, который былъ необходимъ для организаціи такого сложнаго движенія, какъ возстаніе Хорватовъ съ Унграми, при помощи Турціи, противъ габсбургской Австріи.

Враги бана очень скоро пронюхали о его посольствѣ къ султану. Уже въ янв. 1670 г. о томъ сообщилъ граничарскій генералъ Брейнеръ. Болѣе точныя свѣдѣнія доставлены были въ началѣ марта лазутчиками петринскаго капитана гр. Ердеди. Подтвержденіе этихъ свѣдѣній получено было дворомъ еще изъ двухъ источниковъ: отъ австрійскаго резидента въ Константинополѣ и отъ придворнаго исповѣдника, который узналъ о заговорѣ на исповѣди графини Зринской, вдовы бана Николая Зринскаго.

Въ началѣ марта 1670 г. молва о предстоящемъ нападеніи на Крайну и Штирію Турокъ съ хорватскимъ баномъ была уже столь распространена, что населеніемъ подъальпійскихъ областей овладѣла паника,

какъ сообщалъ о томъ венеціанскій резидентъ изъ Пальмы, называя имена и коноводовъ заговора—Петра Зринскаго и Ф. Франкопана. Такимъ образомъ австрійское правительство имѣло время обсудить и принять мѣры для подавленія заговора. Отчасти страхъ, отчасти же личная ненависть къ хорватскому бану вызвали необыкновенную энергію въ австрійскихъ генералахъ и гофратахъ. Очень поспѣшно собраны были въ подъальпійскихъ провинціяхъ нѣмецкія войска и посланы отчасти въ подкрѣпленіе гарнизоновъ хорватскихъ крѣпостей, отчасти же для атаки Мурскаго острова, на которомъ въ странномъ бездѣйствіи сидѣлъ мятежный банъ съ немногочисленными своими сообщниками. Его послы долѣе предположеннаго задержаны были въ своей поѣздкѣ въ Цареградъ, такъ какъ для свиданія съ великимъ визиремъ они принуждены были ѣздить на о. Кандію, а на обратномъ пути задержаны были глубокими снѣгами. Главною причиной замедленія была впрочемъ нерѣшительность турецкаго правительства въ отношеніи къ предложеніямъ Зринскаго. Турки предполагали въ нихъ военную хитрость; къ тому же они не имѣли желанія уже въ 1670 г. возобновлять войну противъ Австріи, нуждаясь сами въ отдыхѣ послѣ продолжительной борьбы съ Венеціанцами. Но съ другой стороны соблазнителенъ былъ случай захватить Хорватію, которая столько времени была камнемъ преткновенія въ турецкихъ походахъ на среднюю Европу. Министры султана согласились наконецъ принять Хорватію и австрійскую Угрію подъ свое покровительство за 12.000 червонцевъ дани, съ признаніемъ Зринскаго наслѣдственнымъ намѣстникомъ султана въ Хорватіи и прилегающихъ областяхъ; но они отказались отъ заключенія формальнаго договора съ посланцами Зринскаго. Когда послѣдніе вернулись въ мартѣ 1670 г. въ Хорватію, то Зринскій не могъ не замѣтить ненадежности турецкихъ обѣщаній, почему онъ и рѣшился возобновить сношенія съ имп. Леопольдомъ, надѣясь страхомъ турецкаго нашествія выторговать у него нѣкоторыя выгодныя условія для Хорватіи и своей фамиліи. Посредниками въ этихъ сношеніяхъ были загребскій католическій епископъ Борковичъ и августиніанецъ докторъ Маркъ Форсталъ. Отправивъ послѣдняго для переговоровъ въ Вѣну, Зринскій продолжалъ поддерживать сношенія и съ Турками, а равно съ вождями оппозиціи угорской, чтобы на всякій случай обезпечить себѣ союзниковъ противъ императора, а еще болѣе съ цѣлью произвести тѣмъ давленіе на рѣшенія его совѣтниковъ. Чуть ли не послѣднимъ соображеніемъ слѣдуетъ объяснять себѣ тотъ шумъ и гласность, при которыхъ развивался съ тѣхъ поръ заговоръ. Турки босанскіе и канижскіе средь бѣла дня посѣщаютъ Зринскаго въ его Чакатурнскомъ замкѣ; графъ Франкопанъ захватываетъ провіантскій транспортъ императорскихъ войскъ; въ Загребѣ онъ чуть

не на площади проповѣдуетъ послушаніе Зринскому, подъ страхомъ турецкаго погрома.

Разсчеты Зринскаго оказались однако невѣрными. Онъ забылъ, что имѣетъ дѣло съ противникомъ опытнымъ и холоднымъ, съ дворомъ окруженнымъ политиками школы испанской и австрійской и воспитанными на правилахъ Игнатія Лойолы. Лишь градецкій гофкригсратъ потерялъ было голову при слухѣ о предстоящемъ нападеніи на нѣмецкія крѣпости и земли Зринскаго съ 22.000 Турокъ и 22.000 Татаръ. Вѣнскіе совѣтники императора отнеслись къ дѣлу гораздо хладнокровнѣе. Въ засѣданіи 20 марта 1670 г. они приняли рѣшенія, которыя послужили руководствомъ для дальнѣйшаго направленія событій по заговору Зринскаго. Относящееся сюда донесеніе тайнаго совѣта императора очень важно для характеристики руководящихъ идей и обычныхъ пріемовъ австрійской политики 17-аго, а отчасти и 19 вѣка. Первой заботой австрійскаго правительства должно быть, по мнѣнію этого совѣта, не раздражать влаховъ (т. е. православныхъ Сербовъ) Хорватіи и тѣмъ лишить Зринскаго ихъ поддержки. Съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо-де позаботиться о скорѣйшемъ подавленіи движенія угорскаго, во главѣ котораго стоитъ Надажди, чтобы лишить Зринскаго опоры съ этой стороны. Въ отношеніи къ самому бану можно-де испробовать оба средства: и ласку, и грозу. Для этой цѣли можно бы снабдить полномочіемъ и инструкціей загребскаго епископа, съ увѣреніемъ, что если Зринскій оставитъ свои опасные планы и явится съ повинной къ императору, то дверь милосердія не закрыта будетъ предъ нимъ. Впрочемъ, прибавляютъ министры, императору вовсе не слѣдуетъ связывать себя обѣщаніемъ прощенія, такъ какъ въ случаѣ явки Зринскаго императору никакъ нельзя посовѣтовать прощенія, а напротивъ примѣрнаго наказанія. Хотя и трудно-де разсчитывать на добровольную явку Зринскаго, однако не мѣшаетъ еще испробовать, не удастся ли bona fide decipieren бана чрезъ bonum virum епископа Загребскаго, подобно тому, какъ нѣкогда французскій король Генрихъ IV поступилъ съ дюкомъ Вандомскимъ, чрезъ посредство его роднаго брата. Между тѣмъ необходимо-де предупредить крайнія мѣры, къ какимъ могъ бы прибѣгнуть Зринскій въ отчаяніи. Если ласка на него не подѣйствуетъ, продолжаетъ докладъ министровъ императору, то необходимо дѣйствовать грозою и овладѣть имъ живымъ или мертвымъ, возложивъ послѣднее въ величайшемъ секретѣ на гр. Брейнера съ Кайзерштейномъ, но не разглашая этого между другими тайными и военными совѣтниками, такъ какъ consilia sunt tam diu tuta, quam diu tecta. Одновременно съ тѣмъ надобно принять военныя мѣры, двинуть къ границамъ нѣмецкія войска, вербовать новыя, просить вспомогательныхъ отрядовъ отъ курфир-

стовъ и т. п. Постановлено наконецъ въ величайшей тайнѣ изготовить указъ о низложеніи бана и опубликовать его въ удобное время. Что касается Франкопона, то министры предлагаютъ возложить на генер. Герберштейна арестованіе его, одновременно съ арестомъ Зринскаго и штирійскаго гр. Татенбаха, который къ тому же богатъ и дорого можетъ заплатить за свою политическую блажь.

Въ заключеніе министры обращаютъ вниманіе императора на то, что съ божьей помощью онъ можетъ получить отъ конфискаціи имѣній заговорщиковъ порядочныя средства какъ для содержанія и вербовки войскъ, такъ и для погашенія не малой суммы своихъ долговъ.

Это представленіе было одобрено императоромъ и послужило руководствомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій австрійскаго правительства въ отношеніи къ заговору. Загребскій епископъ получилъ отъ императора письменное полномочіе на веденіе переговоровъ со Зринскимъ, съ обѣщаніемъ послѣднему особеннаго царскаго благоволенія и наградъ, въ случаѣ его согласія на предложенія императора (р. 95). Та же перспектива царской милости открыта была Зринскому въ письмахъ къ нему императора, князя Лобковица, епископа Борковича и въ сообщеніяхъ августиніанца Форстала.

Одновременно съ этими заманиваніями шли впрочемъ и другія политическія и военныя мѣры австрійскаго правительства. Влашскій епископъ получилъ 200 червонцевъ субсидіи для поддержанія вѣрности Сербовъ. Отовсюду стали надвигаться на Хорватію и Угрію нѣмецкія войска, хотя плохая организація военныхъ силъ имперіи и не позволяла Леопольду сосредоточить на одномъ пунктѣ значительную армію. Указомъ 3 апр. 1670 г. Петръ Зринскій объявленъ измѣнникомъ, лишеннымъ покровительства законовъ, а имѣнія его конфискованными въ казну. Въ должность бана назначены были временно епископъ Борковичъ по дѣламъ юридическимъ и гр. Ердеди по военнымъ.

Столько сѣтей раскинуто было отовсюду на хорватскихъ заговорщиковъ! Особенно заманчивымъ показалось Зринскому мирное соглашеніе съ императоромъ. Онъ заявилъ это загребскому епископу уже 29 марта. Затѣмъ онъ отправилъ въ Вѣну вышепоименованнаго д-ра Форстала съ формулированными условіями примиренія. Въ отвѣтъ министры совѣтовали ему безусловно сдаться на испытанное милосердіе Леопольда. Зринскій дался въ обманъ. 7 апрѣля онъ послалъ въ Вѣну повинную и въ заложники своего единственнаго сына. Одновременно съ тѣмъ и Франкопанъ послалъ въ Вѣну просьбу о помилованіи. Такимъ образомъ политика достаточно расчистила путь для нѣмецкихъ солдатъ въ Чакатурнскій замокъ

бана: когда они приблизились туда 13 апрѣля, то нашли ворота открытыми на-стежь. Мурскій островъ безъ сопротивленія занятъ былъ Нѣмцами. Днемъ раньше и столь же мирно сдались императорскимъ войскамъ Бакръ и другіе города и замки Франкопана въ Приморьѣ.

Но виновники движенія Зринскій и Франкопанъ не попались въ руки нѣмецкихъ генераловъ. Они во-время бѣжали изъ острова чрезъ Муру, направляясь въ Вѣну. Франкопанъ увѣрялъ впослѣдствіи, будто на пути графъ Зринскій нѣсколько разъ впадалъ въ отчаяніе и собирался своротить съ вѣнской дороги то въ Турцію, то въ Семиградье, то въ верхнюю Угрію, но онъ (Франкопанъ) всякій разъ освѣжалъ въ банѣ надежды на императора и рѣшимость итти въ Вѣну. Зринскій отрицалъ это показаніе, но оно довольно правдоподобно. Зринскій лучше зналъ дворъ и личность императора и потому не удивительно, что сомнѣніе въ великодушіи послѣдняго закрадывалось въ его грудь; Франкопанъ же отличался неисчерпаемымъ довѣріемъ къ австрійскому милосердію. Наканунѣ своей казни, уже по объявленіи смертнаго приговора, въ послѣднемъ письмѣ къ женѣ изъ темницы онъ заклиналъ своего родственника Орфея явиться къ императору съ повинною, съ полною вѣрою въ его милосердіе и въ полученіе награды за довѣріе (р. 552)!

Послѣдній шагъ заговорщиковъ въ Вѣну облегченъ былъ измѣною ихъ друга угорскаго дворянина Кери. Онъ принялъ сначала неожиданныхъ гостей съ большимъ почетомъ; но вслѣдъ затѣмъ арестовалъ и подъ конвоемъ отправилъ въ Вѣну.

Любопытна политика вѣнскаго правительства въ послѣдовавшемъ засимъ судѣ хорватскихъ графовъ. Сначала они приняты были довольно снисходительно. Ихъ свобода мало была стѣсняема: даже сабли предоставлено имъ удержать при себѣ. Правительство желало воспользоваться авторитетомъ Зринскаго для усмиренія его зятя Ракоци и верхнеугорскихъ мятежниковъ. Письма къ послѣднимъ Зринскаго дѣйствительно произвели желаемое дѣйствіе. Лишь послѣ того судьба плѣнниковъ сдѣлалась тяжелѣе. 20 іюня 1670 подписано было соглашеніе правительства съ Ракоціемъ, а 26 начались допросы Зринскаго и Франкопана. 7-го сентября они отведены были изъ Вѣны въ Вѣнскій Новгородъ (Нейштадтъ) и заключены въ холодную темницу, гдѣ имъ пришлось просидѣть болѣе 7 мѣсяцевъ, вплоть до казни 30 апрѣля 1671 г. Процессъ не былъ переданъ, какъ того бы требовалъ законъ, угорскому сейму, а возложенъ на вѣнскихъ юристовъ. На допросахъ Зринскій и Франкопанъ не признавали сначала себя ни въ чемъ виновными, объясняя сношенія съ Турками военною хитростью, желаніемъ вывѣдать намѣреніе варваровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнскихъ и градецкихъ интригановъ и такъ возстановить свое по-

ложеніе при дворѣ и въ государствѣ. Когда однако потомъ предъявлены были на слѣдствіи нѣкоторыя перехваченныя письма и другія компрометирующія бумаги обвиненныхъ, то Зрини сталъ сваливать вину на Франкопана и наоборотъ. Канцлеръ Гохеръ, руководившій допросами, съумѣлъ возбудить большое взаимное негодованіе между двумя обвиненными и этимъ путемъ добыто отъ нихъ достаточно данныхъ для уголовнаго обвиненія. Судъ былъ составленъ изъ разныхъ коронныхъ сановниковъ и юристовъ Австріи, подъ именемъ judicium delegatum. Обвиненіе возложено было на доктора Фрейена. Обвиненнымъ предоставлено право двукратнаго письменнаго отвѣта на обвинительную рѣчь и замѣчанія прокурора, при чемъ Зринскій прибѣгъ къ содѣйствію адвоката, а Франкопанъ, какъ юристъ, самъ составлялъ реплики. Такимъ образомъ всѣ формальности суда были соблюдены. Прокурору не трудно было подобрать данныя для доказательства, что какъ Зринскій, такъ и Франкопанъ совершили crimen laesae majestatis и потому должны быть казнены смертію. Напрасно обвиненные протестовали противъ компетентности для угорскихъ магнатовъ австрійскаго суда; напрасно ссылались на собственноручныя письма императора съ обѣщаніемъ помилованія. Судъ призналъ протестъ запоздалымъ, а императорскія обѣщанія условными или притворными: dissimulavit augustissimus, сказано въ этомъ приговорѣ, ut prius securitati, quam ultioni consuleret (p. 525)! Судьи единогласно приговорили обоихъ обвиненныхъ къ отрубленію правой руки и головы, безъ права на императорское помилованіе. Приговоръ этотъ поступилъ затѣмъ на разсмотрѣніе конференціи 8 тайныхъ совѣтниковъ. Три голоса подано было здѣсь за перемѣну казни Зринскаго на пожизненное заключеніе; но большинство требовало его смерти. 25 апрѣля 1671 г. приговоръ подписанъ былъ императоромъ: пресловутое австрійское милосердіе выразилось въ томъ, что правыя руки оставлены были обвиненнымъ,—лишь ихъ головы отрублены на эшафотѣ, на площади Вѣнскаго Новгорода 30 апрѣля 1671 года. Венеціанскій посолъ въ депешѣ къ сенату сообщаетъ, что Зринскій молча отдалъ палачу свою голову; но Франкопанъ сказалъ трогательную рѣчь—чуть ли не объ австрійскомъ милосердіи.... Палачъ лишь съ большимъ трудомъ могъ отрубить эту молодую и сильную голову...

Императоръ рѣшился искоренить родъ Зринскихъ и Франкопановъ. Екатерина Зринская, вдова бана, долго была перевозима изъ одного города въ другой, пока не сошла съ-ума и не умерла съ горя; 10-лѣтняя дочь ея, вырванная изъ рукъ матери, отдана была въ одинъ изъ женскихъ монастырей и скончалась тамъ безвѣстно. Молодой сынъ Зринскаго отосланъ Леопольдомъ въ Прагу, къ іезуитамъ: но имъ не удалось сдѣлать его патеромъ! Жена Франкопана Юлія и его родственникъ Орфео нашли

пріютъ въ Италіи. Такъ подрублены были два древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ рода Хорватіи! Ихъ обширныя имѣнія, источникъ зависти враговъ и несчастій обладателей, конфискованы въ камеральное владѣніе; но память о казненныхъ графахъ и понынѣ живетъ въ Хорватіи. На нѣкоторыхъ изъ Кварнерскихъ острововъ всѣ женщины носятъ черныя платья: народная молва гласитъ, что это трауръ по Франкопану.

Печатано по опредѣленію Конференціи историко-филологическаго института князя Безбородко.
Кіевъ, 1879 года, въ университетской типографіи.

ПРАВИЛА

для испытаній и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 16-го декабря 1878 года.

1. Студенты, по окончаніи каждаго учебнаго года, подвергаются переводному или курсовому испытанію изъ всего пройденнаго въ теченіе года, а по окончаніи четвертаго курса—выпускному экзамену на званіе учителя гимназіи.

2. Для производства переводныхъ или курсовыхъ испытаній, а равно и окончательныхъ испытаній на званіе учителя, распредѣляемыхъ заблаговременно Конференціей, назначается не болѣе шести недѣль.

3. Испытанія производятся въ особо назначенныхъ Коммиссіяхъ, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ Директора, или по болѣзни, отсутствію, а равно по особымъ занятіямъ его по своей должности, Инспектора, изъ преподавателя предмета и ассистента.

4. Испытаніе производится преподавателемъ предмета, при чемъ предоставляется право предлагать вопросы прочимъ членамъ коммиссіи. Въ случаѣ же болѣзни или отсутствія преподавателя, а также если каѳедра его осталась незамѣщенною, Конференція поручаетъ производство испытанія одному изъ наличныхъ преподавателей.

5. Испытанія бываютъ устныя и письменныя. Послѣднія назначаются въ первыхъ трехъ курсахъ и въ славяно-русскомъ отдѣленіи четвертаго курса по обоимъ древнимъ языкамъ, а студентамъ классическаго отдѣленія на выпускномъ экзаменѣ предлагаются письменные отвѣты по гре-

ческой и римской словесности. Кромѣ того, студентамъ перваго курса, при переходѣ во второй, и студентамъ славяно-русскаго отдѣленія въ четвертомъ курсѣ задаются сочиненія по славяно-русской филологіи.

6. Испытаніе по новымъ языкамъ производится только окончательное, по желанію студентовъ, въ началѣ или въ концѣ каждаго учебнаго года, хотя бы при пріемномъ экзаменѣ, но никакъ не позже начала четвертаго учебнаго года. При выпускныхъ же испытаніяхъ на четвертомъ курсѣ, экзаменъ по одному изъ новыхъ языковъ допускается только съ особаго разрѣшенія конференціи.

7. Испытанія производятся по вопросамъ, составленнымъ на основаніи программъ преподаванія, предварительно разсмотрѣнныхъ и утвержденныхъ Конференціей. Эти вопросы сообщаются студентамъ, не позже какъ за три дня до начала испытанія по каждому предмету.

8. Вопросы предлагаются студентамъ или по жребію, въ формѣ билета, или словесно, по соглашенію между членами коммиссіи. Число предлагаемыхъ вопросовъ предоставляется усмотрѣнію коммиссіи.

9. Оцѣнка познаній студентовъ по устнымъ или письменнымъ испытаніямъ, а равно и сочиненіямъ, опредѣляется цифрами: 1, 2, 3, 4 и 5, соотвѣтствующими словеснымъ опредѣленьямъ: слабое, посредственное, хорошее, очень хорошее и отличное знаніе.

10. При оцѣнкѣ познаній студентовъ на курсовыхъ испытаніяхъ принимаются во вниманіе ихъ годовыя отмѣтки на репетиціяхъ; по древнимъ же языкамъ, преподаваніе которыхъ, сопровождаясь ежедневною повѣркою приготовленія студентовъ къ лекціямъ и письменными упражненіями, отличается особымъ характеромъ, сравнительно съ преподаваніемъ всѣхъ остальныхъ предметовъ, годовыя отмѣтки по устнымъ и письменнымъ упражненіямъ выставляются въ особыхъ графахъ и входятъ въ сложеніе, для вывода средней отмѣтки, съ отмѣтками по испытанію, устному и письменному.

11. Окончательныя отмѣтки на выпускныхъ испытаніяхъ составляютъ по всѣмъ предметамъ, кромѣ древнихъ языковъ, среднiй выводъ изъ сложенія отмѣтки, полученной на выпускномъ экзаменѣ, если она не ниже трехъ, съ отмѣтками, полученными на прежнихъ испытаніяхъ по пройденнымъ въ предъидущихъ курсахъ отдѣламъ предмета, по которымъ испытаніе болѣе не повторяется. По древнимъ же языкамъ отмѣтка, полученная на выпускномъ экзаменѣ, по сложеніи ея съ отмѣтками за послѣдній годъ, считается окончательною.

12. Отмѣтки за письменные отвѣты на экзаменахъ, а также за сочиненія, назначаемыя студентамъ въ теченіи года, слагаются съ отмѣт-

ками на устныхъ испытаніяхъ изъ тѣхъ же предметовъ и изъ нихъ выводится средняя.

13. Отмѣтки ставятся преподавателемъ по соглашенію съ прочими членами Коммиссіи. Въ случаѣ разногласія въ оцѣнкѣ познаній студента, вопросъ рѣшается большинствомъ голосовъ, а при раздѣленіи голосовъ— выводомъ средней цифры изъ отмѣтокъ всѣхъ членовъ коммиссіи. Въ случаѣ же несогласія кого либо изъ членовъ коммиссіи съ результатомъ послѣдней оцѣнки, дѣло передается въ Конференцію, которая и рѣшаетъ вопросъ большинствомъ голосовъ.

14. Отмѣтка менѣе 3 на курсовыхъ испытаніяхъ лишаетъ студента права на переходъ въ слѣдующій курсъ, если не послѣдуетъ рѣшеніе Конференціи, по особо важнымъ соображеніямъ, ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о переводѣ, при чемъ ходатайство Конференціи возможно только при отмѣткѣ менѣе 3-хъ изъ одного предмета, при отмѣткѣ же менѣе 3-хъ изъ двухъ и болѣе предметовъ студентъ, по опредѣленію Конференціи, утвержденному высшимъ начальствомъ, или остается въ томъ же курсѣ или увольняется изъ Института. На выпускномъ же экзаменѣ, при отмѣткѣ ниже 3-хъ, хотя бы по одному предмету, студентъ лишается права получить аттестатъ на званіе учителя гимназіи, при чемъ онъ, по особому ходатайству Конференціи, можетъ быть оставленъ на второй годъ въ четвертомъ курсѣ.

15. Студентъ, не подвергавшійся экзамену по болѣзни, допускается къ экзамену послѣ вакаціоннаго времени только съ разрѣшенія Конференціи.

16. Кромѣ переводныхъ или курсовыхъ испытаній по окончаніи каждаго учебнаго года, для контроля надъ занятіями студентовъ въ теченіе года назначаются: 1) письменныя практическія упражненія по древнимъ языкамъ въ переводѣ съ русскаго языка для студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ безъ исключенія; 2) повѣрка домашняго чтенія древнихъ авторовъ для всѣхъ студентовъ за исключеніемъ студентовъ третьяго и четвертаго курсовъ славяно-русскаго отдѣленія; 3) репетиціи и 4) сочиненія, по возможности, по каждому изъ главныхъ предметовъ, для первыхъ двухъ курсовъ, а для третьяго и четвертаго курсовъ сочиненія только по предмету спеціальности.

17. Время для репетицій назначается Конференціей въ началѣ каждаго полугодія; при чемъ наблюдается, что бы на одинъ день не приходилось болѣе одной, а въ теченіе недѣли не назначалось болѣе трехъ репетицій въ каждомъ курсѣ. Распредѣленіе репетицій на полугодіе сообщается студентамъ немедленно по составленіи его Конференціей.

18. Сочиненія, въ порядкѣ предметовъ, опредѣляемомъ Конференціей, назначаются студентамъ съ начала учебнаго года, при чемъ каждый преподаватель въ установленномъ порядкѣ въ свое время предлагаетъ студентамъ на собственный ихъ выборъ нѣсколько темъ. Предлагаемыя темы должны относиться къ содержанію лекцій, при чемъ профессоръ указываетъ на источники и пособія для данной темы. Для сочиненія по каждому предмету назначается не менѣе одного мѣсяца.

II.

Неоффиціальный отдѣлъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗБОРЪ

ПОЭМЫ

Ивана Гундулича

ОСМАНЪ.

Романа Брандта.

ВВЕДЕНІЕ.

Жизнь и сочиненія Ивана Гундулича.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору Османа, скажу нѣсколько словъ о жизни и о сочиненіяхъ Гундулича. Біографію представлю самую краткую, но не столько по своему желанію, какъ по скудости данныхъ [1]).

Иванъ Францовичъ Гундуличъ (Ivan Franjin Gundulić, по италіански

---

[1]) Основана эта біографія, главнымъ образомъ, на жизнеописаніи, составленномъ аббатомъ *Аппендини (Memoria sulla vita e sugli scritti di Gianfrancesco Gondola, patrizio Raguseo, autore del poema illirico intitolato l'Osmanide)*, помѣщенномъ въ *Versione libera dell' Osmanide poema illirico di Giovanni Frco Gondola, patrizio di Ragusa, colla di lui vita scritta dal padre Francesco Maria Appendini delle Scuole Pie. Ragusa 1827*. Далѣе, я пользовался статьею *Адольфа Вебера (Ткальчевича) Ivan Franjin Gundulić*, служащей введеніемъ къ изданію Османа 1854 года *(Ivana Gundulića Osman u dvadeset pievanjah. Drugo izdanje. U Zagrebu)*. Впрочемъ, эта статья представляетъ только сокращенный переводъ Аппендиніевой біографіи, къ коему добавлено нѣсколько словъ о двухъ пѣсняхъ, присочиненныхъ къ Осману Мажураничемъ, и нѣкоторыя указанія на италіанизмы нашего поэта. Говоритъ о Гундуличѣ еще тотъ-же біографъ его Аппендини, въ своихъ *Notizie istoriche-critiche sulle antichità, storia e letteratura de' Ragusei, divise in duo tomi e dedicate all' Eccelso Senato della Repubblica Ragusea. Ragusa MDCCCIII. Tomo II, pag. 233—234*. Тамъ же (pag. 262—268) пересказано и содержаніе Османа и приведено по отрывку изъ самой поэмы и изъ дополнительныхъ пѣсень Соркочевича (см. ниже). Само собою разумѣется, что Гундуличу отведено мѣсто и въ Любичевомъ словарѣ далматинскихъ знаменитостей *(Dizionario biografico degli uomini illustri della Dalmazia compilato dall' Abb. Simeone Gliubich di Città Vecchia. Vienna 1856)*. Статья о немъ принадлежитъ

Gianfrancesco Gondola) родился, 8 Января 1588 года, въ Дубровникѣ (Рагузѣ) и скончался тамъ же, въ 1638 году. Впрочемъ, эти хронологическія данныя невполнѣ достовѣрны [1]).

Поэтъ нашъ принадлежалъ къ высшей знати своего города, и родственники его, да и самъ онъ, занимали высокія должности въ аристократической республикѣ Дубровчанъ: такъ, одинъ его дядя ѣздилъ, въ качествѣ посла, къ иностраннымъ дворамъ, въ Римъ, въ Неаполь и въ Царь-градъ [2]). Образованіе Гундуличъ получилъ хорошее: учился онъ въ коллегіи дубровницкихъ іезуитовъ [3]), гдѣ занимался словесными науками, особенно классическими языками и философіей. На двадцатомъ году своей жизни, онъ посвятилъ себя изученію права, подготовляясь такимъ образомъ къ государственной дѣятельности, за которую впослѣдствіи и принялся, съ большимъ успѣхомъ: онъ добился высокихъ почестей и былъ даже ректоромъ родной республики [4]).

Казначичу. Первые біографы Гундулича—Серафинъ Цріевичъ († 1759. *Seraphini Cervae Bibliotheca Ragusina in qua Ragusini scriptores eorum gesta et scripta recensentur)* и Себастіанъ Дольчи († 1777. *Sebastiano Dolci. Fasti litterario-ragusini. Venezia 1767).* Труды Цріевича и Дольчи мнѣ извѣстны только по ссылкамъ Аппендини; первый даже не изданъ. Есть о Гундуличѣ и небольшая монографія Адама Ржонжевскаго *(Rzążewski Adam. Jan Gundulicz i poemat jego „Osman" 8-a str. 26. Warszawa 1868).* Это оттискъ изъ *Варшавской библіотеки 1868. T. I (Marzec).* Впрочемъ, ни статья Ржонжевскаго, ни другія журнальныя статьи о нашемъ поэтѣ, на сколько мнѣ извѣстно, большого значенія не имѣютъ.

[1]) Аппендини (Memoria pag. 1—2) вычисляетъ годъ его рожденія по показанію Дольчи, что Гундуличъ скончался въ 1638 году, 50-ти лѣтъ отъ роду; на мѣсяцъ же и на число указываетъ де „какой-то" писатель.

[2]) Аппендини говоритъ, именно, о дядѣ и называетъ этого дядю Францемъ Гундуличемъ. Веберъ сообщаетъ то-же самое объ отцѣ его, разсудивъ, очевидно, что дядя нашего Ивана Гундулича не могъ быть соименникомъ его отца, и что, значитъ, дубровницкій посолъ Францъ Гундуличъ и былъ ему отецъ, а не дядя. Однако, у Аппендини не сказано, чтобы это былъ родной дядя.

[3]) Joannis Francisci Gondulae patricii ragusini Osmanides a Blasio e baronibus Ghetaldi ejus conterraneo latinis versibus expressa. Venetiis MDCCCLXV. Ratio operis ab interprete reddita p. VII.

[4]) Ректоръ выбирался изъ сенаторовъ. Титулъ этого сановника до XIV вѣка былъ Comes, еще раньше—Prior; срокомъ его власти былъ, первоначально, одинъ годъ, потомъ полгода, а, наконецъ, одинъ мѣсяцъ (В. Макушевъ. Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. Приложеніе къ XI тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. № 5. Санктпетербургъ 1867, стр. 11).

Въ 1617 г. Гундуличъ женился на одной знатной дѣвушкѣ, Николеттѣ Соркочевичъ (Nikoleta Sorkočewić). Отъ этого брака родились у него три сына и одна дочь.

На литературное поприще поэтъ нашъ выступилъ въ 1610 году. Писалъ онъ и оригинальныя произведенія, и перелагалъ чужія: такъ онъ переложилъ „Освобожденный Іерусалимъ" Торквата Тасса, драму Убальда Бонарелли „Филлида на Скиросѣ" (Filli in Sciro) и стихотвореніе Іеронима Прети (Girolamo Preti) „Застѣнчивый вздыхатель" (L'amante timido) [1]. Впрочемъ, надо признаться, что выборъ двухъ послѣднихъ произведеній не дѣлаетъ чести нашему автору: они крайне слабы и недостойны перевода. Тассъ, какъ мы убѣдимся впослѣдствіи, былъ любимымъ поэтомъ Гундулича, и очень было бы любопытно видѣть, какъ онъ его переводилъ, но, къ сожалѣнію, переложеніе „Освобожденнаго Іерусалима" потеряно [2]. Не сохранилось и „Филлиды", о потерѣ которой, однако, жалѣть нечего. Такимъ образомъ, изъ переводныхъ пьесъ дошелъ до насъ только „Застѣнчивый вздыхатель (Ljubovnik sramežljiv)".

Къ переводнымъ произведеніямъ Гундулича можно, пожалуй, отнести и стихотворное изложеніе нѣсколькихъ псалмовъ, изданное имъ въ 1621 году, въ Римѣ. Заглавіе этой книжки—„Piesni pokorne kralja Davida" [3].

Въ слѣдующемъ году, въ Венеціи, напечатаны „Слезы блуднаго сына" (Suze sina razmetnoga). Это произведеніе состоитъ изъ трехъ стихотвореній, которыя почти не представляютъ эпическаго повѣствованія, а только

---

[1]) У Аппендини (Memoria p. 13) мы читаемъ, что Гундуличъ переложилъ эти произведенія „въ первомъ юношескомъ порывѣ"; но слова его едвали не пустая фраза. По крайней мѣрѣ, на счетъ Освобожденнаго Іерусалима онъ, положительно, ошибается: объ этой поэмѣ у насъ есть показаніе самого Гундулича, который, въ 1621 году, въ предисловіи къ одному изъ своихъ произведеній, говоритъ, что работаетъ надъ переложеніемъ Тассова эпоса, но еще не окончилъ его (см. ниже, гл. V).

[2]) Въ Загребѣ, въ библіотекѣ Югославянской академіи, находится одна рукопись I и II пѣсень Освобожденнаго Іерусалима, но, рѣшительно, нѣтъ доказательствъ, чтобы онѣ принадлежали Гундуличу. Поэтому загребскій академикъ Арминъ Павичъ даже полагаетъ, что Гундуличъ только началъ переложеніе Тассовой поэмы, но не довелъ его до конца (Stari pisci hrvatski: Diela Ivana Gundulića, str. XIII—XIV).

[3]) Указаніе на это, равно какъ и на другія изданія Гундуличевыхъ произведеній можно найти у Кукулевича: Ivan Kukulević Sakcinski. Bibliografia hrvatska. Dio prvi. Tiskane knjige. U Zagrebu 1860.

изліяніе чувствъ заблудшаго юноши: онъ сперва живо рисуетъ свои безумныя увлеченія; затѣмъ, также образно, выражаетъ свое раскаяніе и рѣшается возвратиться къ отцу, и отецъ съ радостію принимаетъ его и прощаетъ. Въ Слезахъ блуднаго сына немало прекрасныхъ образовъ и стиховъ, но образы какъ-то ужъ слишкомъ громоздятся одинъ на другой; да и, вообще, образное изложеніе событій весьма хорошо и умѣстно, когда поэтъ говоритъ отъ себя, но, въ устахъ участника и жертвы ихъ, оно выходитъ нѣсколько странно. Кромѣ того, все произведеніе несомнѣнно растянуто. Несмотря на то, одинъ изъ позднѣйшихъ дубровницкихъ писателей, Джорджичъ, говоритъ о Слезахъ блуднаго сына „nihil esse pictius“, а Цріевичъ называетъ ихъ „insigne opus et nunquam satis laudandum“.

Въ томъ же 1622 году, также въ Венеціи, явилось еще одно стихотвореніе Гундулича—„Пѣснь о величіи Божіемъ“ (Pjesanca o veličanstvu božjem). Произведеніе это—стихотворное извлеченіе изъ катехизиса: будь оно чуть-чуть подлиннѣе, не хватило бы терпѣнія дочитать его до конца. Даже похвальныя слова Джорджича и Цріевича [1]), по коимъ Гундуличъ, въ этомъ стихотвореніи, „основательно, кратко и учено изложилъ христіанское вѣроученіе“, въ сущности, сводятся къ тому же порицанію: развѣ дѣло стихотворца излагать христіанскіе догматы?!

Также и элегія Гундулича на смерть одной знатной дубровчанки (U smrt Marie Kalandrice) не отличается особенною поэтичностью.

Лучше, или, по крайней мѣрѣ, интереснѣе для насъ ода къ Фердинанду III, великому герцогу тосканскому, о которой придется еще говорить, при разборѣ Османа. Тамъ (глава V) будетъ приведенъ и отрывокъ изъ нея.

Гундуличъ сочинилъ также нѣсколько драмъ, и драмы эти публично представлялись въ Дубровникѣ, при чемъ актерами были самъ авторъ и аристократическіе друзья его. Драмы Гундулича суть слѣдующія: *Аріадна*, напечатанная въ первый разъ въ Анконѣ, въ 1633 году [2]), *Похищеніе Прозерпины* (Proserpina ugrabljena), *Дубравка*, *Галатея*, *Діана*, *Армида*, *Любовная жертва* (Posvetilište ljuveno), *Церера* (Cerere), *Клеопатра*, *Адонисъ* (Adon) и *Коралька*. Кромѣ Аріадны, ни одно изъ этихъ произведеній, до послѣдняго времени, не было издано, и бóльшая

---

[1]) Appendini. Memoria, pag. 21.

[2]) Написана она раньше, до 1620 года, какъ видно изъ предисловія Гундулича къ „Псалмамъ“.

часть ихъ успѣла пропасть; дошли до насъ только „Аріадна", „Похищеніе Прозерпины" и „Дубравка", да по одной сценѣ изъ „Діаны" и изъ „Армиды". Сцена изъ „Армиды" представляетъ почти переводъ одного эпизода изъ Освобожденнаго Іерусалима [1]). Драмы нашего поэта, какъ и вообще дубровницкія драмы, не отличаются особенными достоинствами: въ нихъ нѣтъ ни оживленнаго дѣйствія, ни развитія характеровъ.

Всѣ дошедшія до насъ произведенія Гундулича изданы въ Загребѣ, подъ заглавіемъ: *Diela Ivana Gundulića, troškom narodne matice izdana U Zagrebu. Tiskom Dr. Lj. Gaja 1844.* До самаго послѣдняго времени это было единственное полное изданіе сочиненій Гундулича [2]). Состоитъ оно изъ двухъ небольшихъ томовъ: одинъ томъ содержитъ въ себѣ всѣ произведенія нашего поэта, кромѣ главнаго, которое составляетъ другой (первый) томъ. Произведеніе это и есть эпосъ „Османъ", которому Гундуличъ преимущественно обязанъ тѣмъ, что слылъ и слыветъ первымъ поэтомъ Далмаціи.

Прославляемымъ лицомъ въ „Османѣ" является польскій королевичъ Владиславъ [3]), къ которому авторъ относится съ восторгомъ; но съ восторгомъ, не чуждымъ, можетъ быть, и личныхъ соображеній. Дѣло въ томъ, что у Гундулича были какія-то связи съ польскимъ дворомъ и съ Владиславомъ: въ одномъ анконскомъ дворцѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Гундуличамъ, сохранился портретъ королевича, съ слѣдующею подписью: Vladislao Sigismundi Polonorum regis filio Scytharum Turcarumque triumphatori invicto Gundula familia hospiti suo, ut cujus humanissimam Majestatem semel in his aedibus aspexit semper in imagine suspiciat [4]). Кромѣ того, извѣстно, что свой переводъ Освобожденнаго Іерусалима Гундуличъ собирался посвятить отцу Владислава, Сигизмунду III [5]).

---

[1]) Gerus. lib. C. XX, st. 123—136.

[2]) Только въ 1877 году издала Гундулича Югославянская академія.

[3]) Впослѣдствіи король, четвертый этого имени.

[4]) Дворецъ, въ коемъ находится этотъ портретъ, принадлежитъ дубровницкой фамиліи Бондъ (Bonda). Упоминается объ немъ въ историческихъ матеріалахъ дубровчанина Іоанна Маріи Маттеи, находящихся въ францисканской библіотекѣ въ Дубровникѣ (В. Макушевъ. Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника стр. 239), а также и въ латинскомъ переложеніи Османа, pag. XVIII, nota. Впрочемъ, переводчикъ Османа говоритъ, что портретъ изображаетъ не самого Владислава, а отца его, Сигизмунда.

[5]) См. ниже, гл. V.

Когда поэтъ нашъ принялся за сочиненіе Османа, неизвѣстно: есть о томъ только показаніе Цріевича, говорящее о 1620 годѣ; показаніе нелѣпое, по которому выходитъ, что Гундуличъ воспѣвалъ несовершившіяся еще событія! По мнѣнію Амвросія Марковича [1]), Османъ написанъ въ 1627 году, но онъ не приводитъ, въ пользу того, никакихъ доказательствъ. Впрочемъ, мнѣніе его недалеко отъ истины: въ самой поэмѣ встрѣчается косвенное указаніе на время ея сочиненія, а именно на тридцатые годы XVII столѣтія. Указаніе это состоитъ въ томъ, что въ Османѣ королемъ Польши является еще Сигизмундъ III, и что Владиславъ собирается, въ то время, вступить въ бракъ [2]): такъ какъ Владиславъ женился, уже будучи королемъ (въ 1637 г.), а Сигизмундъ умеръ въ 1632 [3]), то бракъ Владислава былъ, очевидно, задуманъ незадолго до смерти его отца, и къ тому-же времени придется отнести и сочиненіе Османа.

Неизвѣстно также, кому Гундуличъ, умирая, завѣщалъ свою рукопись: знаемъ только, что въ концѣ прошедшаго столѣтія, когда *Лука Ивановичъ Волантичъ* (Luka Ivanov Volantić) [4]) задумалъ издать его поэму, подлинника уже не оказалось. Ему удалось, однако, собрать порядочное количество списковъ, изъ чего видно, что Османъ былъ распространенъ въ рукописномъ видѣ. Волантича, подъ самый конецъ его двадцатилѣтнихъ трудовъ надъ Гундуличемъ, застигла смерть, и поэма не была издана. Однако, послѣ него остались драгоцѣнные матеріалы для изданія: критически возстановленный текстъ [5]), объясненіе темныхъ мѣстъ и интересное предисловіе къ предполагавшемуся изданію. Въ этомъ предисловіи Волантичъ говоритъ, что всѣ рукописи сильно испорчены: мѣстами, въ нихъ нѣтъ ни стиха, ни риѳмы, ни смысла, такъ что приходилось крохоборнымъ образомъ возстановлять Гундуличевы выраженія. Нерѣдко, впрочемъ, представлялся выборъ между нѣсколькими варіантами одинаковаго достоинства. Послѣднее обстоятельство навело Волантича на мысль, что въ основаніи списковъ Османа лежитъ черновая рукопись, въ которой у поэта иногда стояло рядомъ по нѣскольку варіантовъ однихъ и тѣхъ же стиховъ, между коими онъ самъ еще колебался, и что переписчики изъ этихъ варіантовъ выбирали какой-нибудь одинъ, по личному вкусу.

---

[1]) Предисловіе къ дубровницкому изданію Османа (1826 года), стр. 4.

[2]) Osm. VIII 8—13.

[3]) Niemcewicz. J. U. Dzieje panowania Zygmunta III. Tom III. W Warszawie 1819. str. 550. О бракѣ Владислава, см. ниже (гл. II).

[4]) По-италіански Gianluca Volanti.

[5]) Не будучи знакомъ съ рукописями Османа, о достоинствахъ критическихъ пріемовъ Волантича судить не берусь.

Неодинаковость списковъ, конечно, не ограничивается отдѣльными словами: въ иныхъ недостаетъ цѣлыхъ стиховъ, и даже строфъ, которые являются въ другихъ. Но важнѣйшимъ изъяномъ, общимъ рѣшительно всѣмъ рукописямъ, оказался недостатокъ двухъ цѣлыхъ пѣсень [1]). Цріевичъ утверждаетъ, что Гундуличъ, въ 1620 году, издалъ свою поэму, при чемъ XIV и XV пѣсни, какъ говорятъ, не были пропущены правительствомъ, изъ-за того, что онѣ могли возбудить неудовольствіе Турокъ. Объясненіе это Волантичъ отвергаетъ, и—вполнѣ основательно: Цріевичу де, вообще не чужды маленькіе промахи, и если онъ изъ „Филлиды на Скирѣ (Скиросѣ)," сдѣлалъ двѣ драмы, одну „Филлиду" а другую „Скиру," и если онъ заставляетъ Гундулича, въ 1620 г., издавать сочиненіе о событіяхъ двухъ послѣдующихъ годовъ, то могъ напутать и на счетъ пропажи недостающихъ намъ пѣсень; къ тому же, самъ Цріевичъ передаетъ это извѣстіе, какъ слухъ, да и правительство, если ужъ боялось оскорбить Турокъ, не дало бы ходу и остальнымъ пѣснямъ. Кромѣ того, на старѣйшихъ рукописяхъ (напр. на рукописи 1648 года) отмѣчено, что, по смерти автора, двухъ пѣсень его не могли доискаться. Послѣднимъ обстоятельствомъ опровергается и другое объясненіе неполноты Османа, по коему двѣ недостающія пѣсни пропали во время землетрясенія, постигшаго Дубровникъ въ 1667 году. Опровергнувъ эти объясненія, Волантичъ, впрочемъ, въ видѣ чистаго домысла, высказываетъ мнѣніе, что Гундуличъ самъ уничтожилъ эти пѣсни, которыя, въ припадкѣ старческаго ханжества, могли ему показаться непристойными, такъ какъ въ нихъ, вѣроятно, описывалось, какъ Османъ принималъ набранныхъ для него со всѣхъ концовъ свѣта красавицъ-одалыкъ и какъ одна вѣрная невѣста, послѣ долгой разлуки, возсоединилась съ женихомъ (!).

На счетъ недостающихъ въ Османѣ пѣсень была высказана еще иная догадка,—что онѣ никогда и не были сочинены. И, дѣйствительно, поэтъ, составивъ себѣ общій планъ, могъ разрабатывать его по частямъ, такъ, что пѣсни XIV и XV дольше всѣхъ оставались безъ обработки, а за смертью автора и совсѣмъ ея не получили. Впрочемъ, Арминъ Павичъ, которому принадлежитъ эта догадка, не такъ смотритъ на дѣло. Въ своей статьѣ „O kompoziciji Gundulićeva Osmana" онъ предполагаетъ, правда, что недостающія

[1]) По однимъ рукописямъ, недостаетъ XIII и XIV, по другимъ—XIV и XV. Амвросій Марковичъ говоритъ (въ предисловіи къ изданію Османа 1826 года, стр. 4), что, насколько ему извѣстно, во всѣхъ рукописяхъ отмѣчены, какъ недостающія, пѣсни XIV и XV, но онъ ошибается. Stari pisci. Knj. IX, str. XVI.

пѣсни никогда и не существовали, но вмѣстѣ съ тѣмъ думаетъ, что это не составляло никакого пробѣла въ поэмѣ, потому что Османъ, въ теперешнемъ своемъ видѣ, не есть вовсе произведеніе Гундулича, а состряпанъ кѣмъ-то изъ двухъ отдѣльныхъ поэмъ нашего автора [1]). Поэмы эти, вѣроятно, назывались, по своему содержанію, одна Османидой, другая Владиславіадой. Основывается Павичъ, съ одной стороны, на показаніяхъ нѣсколькихъ далматинскихъ писателей, съ другой, — на разборѣ самой поэмы; но ни одинъ изъ его доводовъ не выдерживаетъ строгой критики.

Писатели, на коихъ онъ ссылается, суть: Градичъ (+1679), Джанкарло де-Анджелисъ (+1755) и не разъ уже упомянутый въ этой статьѣ Серафинъ Црѣевичъ (+1759). Первый изъ нихъ называетъ Гундулича inclitum edito illustri poemate, въ чемъ Павичъ видитъ намекъ на Владиславіаду, такъ какъ Османъ до нашего вѣка оставался неизданнымъ, къ тому же, по объему своему, долженъ называться epos или, poema epicum, а не просто poema. Однако, въ выраженіи Градича едва-ли слѣдуетъ предполагать математическую точность, и слову edere можно придавать смыслъ „создать, сочинить", или относить его къ хожденію поэмы по рукамъ въ рукописномъ видѣ. Poema значитъ и стихотвореніе вообще, а такъ какъ объ „изданной" Гундуличемъ поэмѣ впослѣдствіи ни слуху, ни духу нѣтъ, то слова эти теряютъ всякую доказательную силу, тѣмъ болѣе, что Градичъ, если бы подъ „поэмою" разумѣлъ Владиславіаду, не преминулъ бы упомянуть тутъ же и о главномъ произведеніи Гундулича, объ Османидѣ [2]). Не убѣдительнѣе и показаніе де-Анджелиса, который обращается къ нашему поэту со слѣдующими стихами:

threicias neces
Versu grandiloquo et funera militum
Non deflenda canis.

Конечно, подъ ѳракійскими убійствами слѣдуетъ разумѣть убіеніе Османа и его приближенныхъ, и „гибель воиновъ" относится къ хотинскому сраженію; но гдѣ же тутъ хоть какой нибудь намекъ на то́, чтобы эти происшествія воспѣвались въ двухъ отдѣльныхъ поэмахъ? Нельзя, на-

---

[1]) Rad Jugoslavenske Akademiji. Knj. XXXII. U Zagrebu 1875. str. 104—150.—Ту-же мысль Павичъ высказалъ уже ранѣе, въ статьѣ „Kak se je izgubilo 14 i 15 pievanje Gundulićeva Osmana (Izvěstje o kraljevskoj velikoj gimnaziji w Požegi koncem školske godine 1870—71).

[2]) Павичъ и самъ чувствуетъ вѣскость этого возраженія и старается устранить его довольно страннымъ предположеніемъ, что Градичъ, переселившись еще въ молодыхъ годахъ въ Римъ, не узналъ тамъ о появленіи Османиды

наконецъ, удовлетвориться и ссылкою на Црiевича, упоминающаго о сочиненной Гундуличемъ поэмѣ de Vladislao Polonorum Principis in bello turcico gestis, такъ какъ эти слова можно относить прòсто къ „Осману,“ въ коемъ Владиславъ настолько выдвинутъ впередъ, что его, не съ меньшимъ правомъ, чѣмъ самого Османа, можно считать героемъ поэмы.

Доказательства, взятыя изъ самаго эпоса, слѣдующiя. Шестнадцатая пѣснь годится въ непосредственное продолженiе первой: пѣсни II—XIII представляютъ совершенно ненужную вставку. Далѣе, Павичъ отмѣчаетъ въ Османѣ разныя странности и противорѣчiя: онъ указываетъ на тò, что вдовствующая султанша, называемая во второй пѣсни колдуньей, впослѣдствiи ни къ какимъ чарамъ не прибѣгаетъ; что демоны, въ тринадцатой пѣсни, положили возбудить народное волненiе, а затѣмъ возстанiе происходитъ само собой; что посланный въ Польшу паша выѣзжаетъ въ путь весною, а въ Варшаву прiѣзжаетъ только въ концѣ Августа мѣсяца; что тотъ же посолъ, проѣзжая хотинскiя поля, спустя полгода послѣ сраженiя, находитъ на нихъ неразложившiеся еще трупы.

Наиболѣе важный изъ этихъ доводовъ первый, и если бы до насъ дошли положительныя свидѣтельства, что Гундуличъ сочинилъ двѣ поэмы— одну о хотинскомъ походѣ, другую о смерти Османа,—то всякiй призналъ бы, что нынѣшняго Османа слѣдуетъ считать составленнымъ именно изъ этихъ поэмъ. Но, за неимѣнiемъ такихъ свидѣтельствъ, гораздо проще допустить, что въ Гундуличевой поэмѣ не было полнаго единства дѣйствiя. — Что касается прочихъ доказательствъ Павича, то они имѣютъ еще менѣе силы. Если Мустафина мать дѣйствуетъ противъ Османа не заклинанiями, а обыкновенными происками, такъ это объясняется просто тѣмъ, что она вовсе не колдунья, и что ей только приписываются разныя чародѣйства, причемъ даже говорящее о томъ лицо невполнѣ вѣритъ этимъ слухамъ [1]). Что демоны не возбуждаютъ янычаръ противъ Османа, опять-таки совершенно естественно, такъ какъ они на своемъ вѣчѣ рѣшили погубить Польшу, а совсѣмъ не Турцiю, которую они, напротивъ того, хотятъ усилить и возвеличить: возбудить Турокъ они собираются не противъ султана, а противъ заключеннаго съ Польшею мира, отъ коего тотъ первый готовъ отказаться. Продолжительное путешествiе

[1]) Osman. II, 51. Врочемъ, если и считать эту женщину волшебницею, то можно указать на Тассова Измена, который, хотя и пользуется волшебствомъ, но не пускаетъ въ ходъ самую важную часть своего искусства: умѣнiе воскрешать мертвыхъ, которое поэтъ, въ ясныхъ словахъ, ему приписываетъ. Освоб. Iерусал. Пѣснь II. окт. 1.

Османова посла можно объяснить простымъ недосмотромъ поэта, который, съ одной стороны, принялъ въ соображеніе, что смерть Османа случилась въ Маѣ, и потому высылаетъ посла весною, а, съ другой стороны, перенесши сцену дѣйствія въ Варшаву, не могъ воздержаться, чтобы не изобразить годовщины Владиславовой побѣды, которая произошла осенью. Сохраненію на полѣ битвы, черезъ полгода, цѣлыхъ еще труповъ, дѣйствительно, нельзя не удивляться, но выводить изъ этого обстоятельства, что самая поѣздка была совершена вскорѣ послѣ сраженія тоже нельзя: поэтъ прямо говоритъ, что только нѣкоторые трупы сохранились въ цѣлости; и что они сохранились, благодаря дѣйствію *мороза*, т. е. пролежавъ на полѣ зиму [1]). Ссылка на опасенія паши передъ козаками, которые vȁrtjahu se sa svieh stranah [2]), также ничего не доказываетъ, ибо переводить „*возвращались* со всѣхъ сторонъ" и при глаголѣ подразумѣвать дополненіе „изъ хотинскаго боя", едва-ли удобно, когда, не подразумѣвая ничего, можно переводить „вращались, вертѣлись", т. е. сновали, разъѣзжали, ища случая поживиться чѣмъ-нибудь.

Остальныя, еще менѣе убѣдительныя доказательства Павича, напр. его эстетическія соображенія, позволю себѣ пройти молчаніемъ и приведу, кромѣ уже сказаннаго, только конечные—по моему, далеко не доказанные—выводы его. Османиду составляли I-я пѣснь теперешняго Османа, и пѣсни XVI—XX, причемъ еще изъ I-й надо исключить воззваніе поэта къ польскому королевичу, а изъ XIX единоборство Дилавера-паши съ Хайдаромъ, изъ-за красавицы Бегумы; исключенные же отрывки, а также и описаніе турецкихъ [3]) и польскихъ [4]) войскъ, бой турецкой героини Соколицы съ Поляками [5]), да еще нѣкоторые другіе эпизоды, входили въ составъ Владиславіады, которую кто-то заблагоразсудилъ передѣлать и, гдѣ обрѣзавъ кусокъ, гдѣ приклеивъ, вставить въ Османиду. Выходитъ, значитъ, что нѣкоторыя пѣсни Османа только отчасти принадлежатъ нашему поэту, а другія (II, VII, XII и XIII) даже цѣликомъ присочинены. Что состряпанная такимъ образомъ поэма могла считаться произведеніемъ Гундулича, Павичъ старается объяснить предположеніемъ, что передѣлыватель и самъ былъ изъ рода Гундуличей, скорѣе всего, младшій сынъ знаменитаго поэта, Сигизмундъ, тоже занимавшійся поэзіею. Но дубровницкіе писатели, которые всѣ принадлежали къ двумъ, тремъ

[1]) Osman Piev. V. kit. 6—8.
[2]) Osman. Piev. X. kit. 69.
[3]) Piev. IV.
[4]) Piev. XI.
[5]) Piev. IX, kit. 126—159.

близкимъ другъ къ другу семействамъ, едва-ли могли смѣшать Сигизмунда Гундулича съ Иваномъ. Кромѣ того, въ такомъ тѣсномъ литературномъ кружкѣ передѣлка выдающагося произведенія не могла пройти незамѣченною: если бы окончательная редакція Османа принадлежала не Ивану Гундуличу, а сыну его, то до насъ, навѣрно, дошло бы нѣсколько прозаическихъ, или стихотворныхъ упоминаній о литературномъ подвигѣ Сигизмунда, увѣнчавшаго де искусною рукою отцовское здапіе [1]).

Впослѣдствіи, Павичъ нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на Османа: въ своемъ предисловіи къ сочиненіямъ Гундулича [2]) онъ говоритъ, что, вѣроятно, самъ поэтъ незадолго до смерти, задумалъ слить воедино Владиславіаду и Османиду, но успѣлъ только, такъ сказать, сшить ихъ на живую нитку, да и то не вполнѣ. Главная мысль, однако, осталась у него та-же, не прибавлено и новыхъ доказательствъ въ пользу ея.

Итакъ, съ мнѣніемъ Павича о составѣ нашего Османа согласиться нельзя, хотя предположеніе его, что якобы пропавшія пѣсни никогда и не были сочинены, мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ.

Отъ чего, однако, ни произошелъ пробѣлъ въ Османѣ, онъ разрываетъ поэму Гундулича на двѣ, несвязанныя между собою, части. И вотъ, чтобы соединить эти части, Петръ Соркочевичъ, внукъ самого поэта, по просьбѣ Волантича, присочинилъ двѣ пѣсни, которыя и вошли въ изданіе Османа, состоявшееся въ 1826 году, въ Дубровникѣ (см. ниже).

Пѣсни Соркочевича Волантичъ расхваливаетъ, хвалитъ ихъ и Аппендини [3]); но впослѣдствіи разубѣдились въ ихъ достоинствѣ: Веберъ [4]) произноситъ надъ ними совсѣмъ иной приговоръ, и въ послѣдующихъ изданіяхъ Гундуличева поэма была пополнена не ими, а новыми пѣснями, вытекшими изъ пера Ивана Мажуранича [5]). Кажется, нельзя не согласиться съ Веберомъ. У Гундулича, въ первой половинѣ эпоса, красавица Сунчаница была похищена для султанскаго гарема, и одна знатная дѣвушка, пришедшая переодѣтою въ Царь-градъ, чтобы освободить какъ-нибудь своего плѣннаго жениха, была обманута тюремщиками и тоже заключена въ темницу, а, въ XVI и слѣдующихъ пѣсняхъ, объ этихъ лицахъ уже не упоминается: Соркочевичъ и доканчиваетъ эти эпи-

[1]) Листы эти были уже отпечатаны, когда я познакомился съ направленною противъ Павича статьею Луки Зоре (Luka Zore. O kompoziciji Gundulićeva Osmana. Rad. Jug. Ak. Knj. XXXIX).

[2]) Stari pisci hrvatski. Knj. IX, str. XVII.

[3]) App. Notizie II, 266.

[4]) Стр. XXI.

[5]) Мажураничъ—нынѣшній банъ (намѣстникъ) Хорватіи, авторъ извѣстной поэмы „Ченгичъ-ага“.

зоды. Развязка у него крайне простая: Сунчаницу приводятъ въ гаремъ, и Османъ, тронутый ея просьбами и слезами, возвращаетъ ее отцу. Плѣнники освобождаются также по приказанію султана, ибо свобода ихъ выговорена Поляками въ заключенномъ тогда съ Турціей мирномъ договорѣ. Женится Османъ на своей возлюбленной, воительницѣ Соколицѣ. Отъ нея онъ узнаетъ, что плѣнники его—женихъ и невѣста, и, удивленный ихъ геройствомъ, любовью и вѣрностью, съ радостію возвращаетъ имъ свободу и оказываетъ великія почести.

Гораздо лучше пѣсни Мажуранича, которыхъ, однако, не стану вырывать изъ общей связи, а включу въ пересказъ самой поэмы Гундулича.

Возвратимся теперь къ изданіямъ Османа. Нѣкоторыя изъ нихъ уже и раньше приведены, но, кажется, не будетъ излишнимъ представить теперь полный перечень ихъ и присоединить къ нему еще кое-какія замѣчанія.

Первое изданіе Османа вышло въ началѣ нынѣшняго столѣтія (въ 1801 году?), въ Дубровникѣ; но это изданіе далеко не полное: напечатано всего пять пѣсень. Эта книга извѣстна мнѣ только изъ „Хорватской библіографіи“ Кукулевича Сакцинскаго [1]).

Второе изданіе озаглавлено: „*Osman, spievagne vitesko Giva Gundulichja vlastelina Dubrovackoga.* Oſnanjegnem djellaa Gundulichjevieh i ʃcivotom Osmanoviem priteceno, ſdàrſcjanima Pjevagnaa naresceno, Nadomjeregnima stvarji od Spjevaoca u kratko nareceniеh, i Iſgovaragnem rjecji tkomugodi sumracnieh sljedjeno. U Dubrovniku po Antunu Martekini 1826“. Издателемъ былъ Амвросій Марковичъ. Текстъ напечатанъ по Волантичу; недостающія пѣсни возмещены вставкою Соркочевича, которая составляетъ XIII и XIV пѣсни. Тому же Соркочевичу принадлежатъ и оглавленія къ пѣснямъ, писанныя также стихами (шестистишіями).

Третье изданіе Османа напечатано кириллицею и вышло въ Пештѣ, подъ заглавіемъ: Разна дѣла Іевте Поповића. У Будиму 1827.12⁰. Первая и вторая книга „Поповичевыхъ“ сочиненій содержатъ нашего Османа, подъ заглавіемъ: Осман спѣван Иваном Гундулићем властелином дубровачким 1621 године [2]). Книга эта не представляетъ, впрочемъ, самостоятельно провѣреннаго текста—Поповичъ просто перепечаталъ другимъ шрифтомъ дубровницкое изданіе, при чемъ надѣлалъ еще не мало промаховъ и ошибокъ, и въ текстѣ, и въ объясненіяхъ [3]).

[1]) Кукулевичъ указываетъ на нее слѣдующими словами: Osman. U Dubrovniku kod Ochia, ali samo 5 pjevanjah. g. 1801 (?) u mal. 8. (Bibliografia hrvatska. Dio prvi, str. 48).

[2]) Только въ третьемъ томѣ мы находимъ собственное произведеніе Поповича, весьма слабую поэму Милошіаду.

[3]) Въ предисловіи, напр., онъ смѣшиваетъ Владислава IV съ павшимъ подъ Варною Владиславомъ III и относитъ хотинскій походъ къ 1444 году!

Четвертое изданіе Османа есть первый томъ собранія Гундуличевыхъ сочиненій: *Diela Ivana Gundulića. Troškom narodne matice.* U Zagrebu. Tiskom D-ra Lj. Gaja. 1844. 8⁰. Изъ предисловія, писаннаго Вѣкославомъ Бабукичемъ, мы узнаемъ, что текстъ этого изданія основанъ на дубровницкомъ изданіи, но свѣренъ еще съ семью рукописями, которыми не пользовался Волантичъ [1]). Въ случаяхъ разночтеній, издатели руководствовались не большинствомъ рукописей, стоящихъ за то́ или другое чтеніе, а своимъ художественнымъ чутьемъ. Такимъ образомъ они произвели нѣкоторыя перемѣны въ текстѣ, между прочимъ, нѣсколько водянистыхъ и, по всей де вѣроятности, вставочныхъ, строфъ выкинули, а одну, засвидѣтельствованную нѣсколькими рукописями, прибавили [2]).

Пробѣлъ повѣствованія восполненъ уже не пѣснями Соркочевича, а новыми, которыя сочинилъ тогда Иванъ Мажураничъ. Первыя исключили потому, что онѣ даютъ слишкомъ странную развязку исторіи цареградскихъ плѣнниковъ; да, кромѣ того, онѣ были собственностью книгопродавца-издателя Антонія Мартеккини. Послѣ предисловія, въ двухъ словахъ разсказана жизнь Гундулича, и сдѣланъ перечень его произведеніямъ, при чемъ означены и изданія ихъ. Въ концѣ томика помѣщенъ словарь, переводящій малопонятныя слова на языки Нѣмецкій и Италіянскій и поясняющій географическіе и историческіе намеки стихотворца; словарь составленъ тѣмъ-же Иваномъ Мажураничемъ и братомъ его Антономъ [3]). Кромѣ того, къ этому изданію приложена гравюра, изображающая Гундулича на 33 году его жизни.

Пятое изданіе: *Ivana Gundulića Osman u dvadeset pievanjah.* Drugo izdanje. U Zagrebu. Narodna tiskarnja D-ra Ljudevita Gaja. 1854. 16⁰. Текстъ этого второго загребскаго изданія перепечатанъ съ перваго; только добавленія къ словарю включены въ самый словарь, а въ началѣ, вмѣсто Бабукичева введенія и краткой біографіи Гундулича, помѣщена статья Вебера.

---

[1]) Дополнительныя рукописи загребскихъ издателей относятся къ слѣдующимъ годамъ: къ 1699, 1727, 1765, 1766 и 1786. Кромѣ того, были у нихъ въ рукахъ и двѣ непомѣченныя рукописи (Предисл. стр. VI—VII).

[2]) Исключены слѣдующія строфы дубровницкаго изданія I, 53; VII, 22; XX, 125,—добавлена VII, 103. Предисл. стр. VII—VIII.

[3]) Антонъ Мажураничъ извѣстенъ своею сербскою (хорватскою) грамматикой, въ которой онъ первый указалъ на отношеніе акцентовки штокавскаго нарѣчія къ чакавской, а слѣдовательно и къ русской. На его изслѣдованіи и основано, преимущественно, высказанное у насъ гг. Потебнею и Бодуэномъ-де-Куртенэ мнѣніе объ исконности русско-чакавскаго ударенія. По этому вопросу я, въ настоящее время, готовлю болѣе подробное изслѣдованіе.

Шестое изданіе Османа входитъ въ девятый томъ далматинскихъ писателей, издаваемыхъ Югославянской академіей, который былъ приготовленъ къ изданію Арминомъ Павичемъ: Stari pisci hrvatski. Na sviet izdala Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Knj. IX. Djela Iva Frana Gundulića. U Zagrebu 1877. Павичъ въ рѣдкихъ только случаяхъ отступилъ отъ чтеній своихъ предшественниковъ, притомъ измѣненія его, какъ мнѣ кажется, не всегда можно назвать улучшеніями [1]).

Изъ иностранныхъ языковъ, Османъ переложенъ разъ на Латинскій языкъ и два раза на Италіанскій. Два послѣднихъ перевода, по словамъ Казначича, заставляютъ желать третьяго [2]). Самъ я ознакомился только съ однимъ изъ нихъ [3]), но относительно достоинства его не могу не согласиться съ Казначичемъ. Переводъ этотъ очень вольный: подчасъ онъ отягчаетъ простой и краткій разсказъ подлинника всякой риторической трескотней [4]), подчасъ сокращаетъ его до безцвѣтной лаконичности. Примѣромъ перваго пріема могутъ служить слѣдующія слова Гундулича: „Быстрый лучъ солнца распространяется по ясному небу, а султанскій посолъ сѣлъ на коня, привѣсивъ при бедрѣ золотую саблю [5]). Это четырестишіе переводчикъ растянулъ на двадцать одинъ стихъ (хотя и безъ того въ стихахъ его не по восьми слоговъ, какъ у Гундулича, а по одиннадцати) говорится тутъ и о ясности неба, счастливомъ предзнаменованіи для посла, и о бѣлоснѣжной масти и пышной збруѣ его коня и, Богъ

---

[1]) Конечно, подъ улучшеніями я не разумѣю введеніе въ текстъ наиболѣе изящныхъ оборотовъ рѣчи, а возстановленіе, по возможности, подлинныхъ словъ сочинителя.

[2]) Gliubich. Dizionario biografico, подъ: Giovanni Francesco Gondola.

[3]) Это указанная уже выше книга „Versione libera dell' Osmanide.“ Авторъ этого перевода не называетъ своего имени, издатель же говоритъ о немъ, что онъ далматинецъ, да и только. У Шафарика, впрочемъ, сказано, что переводъ этотъ приписываютъ одному задрскому чиновнику, Николаю Гіажичу (Giažić. Safařík. Geschichte der Südslavischen Literatur. Illirische Literatur. S. 173).

[4]) Не скажу, впрочемъ, чтобы разсказъ Гундулича всегда былъ кратокъ и простъ: онъ тоже не чуждъ риторики, о чемъ однако рѣчь еще впереди.

[5]) Sunčana zraka plaha
Po nebu se pruži vedru,
A poklisar carski uzjaha
Zlatnom sabljom reseć bedru. III. 3.

Замѣчу кстати, что эта цитата, какъ и всѣ цитаты изъ Османа, выписана изъ второго загребскаго изданія, коимъ я пользовался преимущественно; только правописаніе измѣнено по терешнему. (Настоящая статья написана еще до выхода въ свѣтъ академическаго изданія Гундулича).

вѣсть, о какихъ еще прелестяхъ. Въ примѣръ обратной процедуры надъ Османомъ можно привести конецъ девятнадцатой пѣсни, гдѣ 176 стиховъ замѣнено 22-мя [1]): у Гундулича подробно разсказано, какъ султанъ явился въ домъ начальника янычаръ и упрашивалъ его поднять за него голосъ среди возстанія воиновъ, какъ тотъ исполнилъ его просьбу и палъ жертвою своей вѣрности, какъ затѣмъ такимъ-же образомъ погибъ и другой приближенный падишаха, какъ мятежники безчинствовали по городу, и какъ наконецъ хватаютъ султана и ведутъ на судъ передъ новаго властителя; а у переводчика просто сказано: послалъ Османъ къ янычарамъ предводителя ихъ, его убили, убили и другого сановника, затѣмъ пограбили немного городъ, и, отыскавъ Османа, повели его передъ своего государя. Размѣръ этого перевода—бѣлые, одиннадцатисложные ямбы.—Другой италіанскій переводъ, написанный октавами, принадлежитъ Марку Видовичу [2]).

Что касается латинскаго переложенія (писаннаго, конечно, героическимъ размѣромъ—гекзаметромъ), то авторъ его, баронъ Гетальдичъ [3]) (Ghetaldi), не позволилъ себѣ дѣлать ни пропусковъ, ни добавленій; зато онъ охотно заимствуется готовыми выраженіями изъ латинскихъ поэтовъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ Гундуличъ подражаетъ Виргилію, постоянно вставляетъ въ свой переводъ соотвѣтствующіе стихи изъ Энеиды.

Отрывокъ изъ Османа (изъ IX пѣсни), а также нѣсколько строкъ изъ Слезъ блуднаго сына переведены на Польскій языкъ, Леономъ Потоцкимъ, и, рядомъ съ подлинникомъ, напечатаны въ Варшавской библіотекѣ, въ видѣ приложенія къ одной статьѣ о Гундуличѣ [4]).

---

[1]) Osm. XIX, 233—276.

[2]) Изданъ онъ былъ въ Дубровникѣ, въ 1838 г. Ghetaldi. Ratio operis, pag. XI.

[3]) На Гетальдича не разъ уже приходилось ссылаться—заглавіе его книги выписано на стр. 4, прим. 3. Небольшой отрывокъ изъ Османа уже раньше былъ переведенъ извѣстнымъ Джаманичемъ (Bernardus Zamagna), латинскимъ переводчикомъ Одиссеи, Гезіода, Өеокрита, Мосха и Біона. Отрывокъ этотъ приведенъ у Аппендини (Notizie. T. II. pag. 265). Гетальдичъ, безъ измѣненія, включилъ его въ свой переводъ. См. предисловіе Гетальдича, pag. XVI.

[4]) Piotr Dubrowski. O Janie Gunduliczu. Biblioteka Warszawska 1842. Tom. IV, str. 276—287. Отрывокъ изъ Османа взятъ, именно, изъ IX пѣсни а не изъ XI, какъ, по опечаткѣ, или по недосмотру, сказано у Дубровскаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Содержаніе „Османа".

Пѣснь I.

Послѣ лирическаго вступленія, выводится на сцену молодой султанъ Османъ, негодующій на пораженіе, нанесенное ему подъ Хотинымъ польскимъ королевичемъ Владиславомъ. Причиною Османовой неудачи было непослушаніе воиновъ, измѣннически бросившихъ своего государя, вслѣдствіе чего огромное полчище Турокъ [1]) понесло пораженіе и потеряло множество народу: напрасно падишахъ дѣлалъ лично чудеса храбрости и всячески старался остановить бѣглецовъ. Вспоминаетъ Османъ о доблестяхъ прежнихъ Турокъ, закаленныхъ въ бою воиновъ, и противополагаетъ ихъ современнымъ ему Туркамъ, слабымъ и изнѣженнымъ. И вотъ, онъ задумываетъ возстановить прежніе порядки. Съ этою цѣлью, онъ собирается зачислить въ ряды своихъ янычаръ и спахіевъ [2]) новыхъ воиновъ-азіатовъ, для набора которыхъ самъ хочетъ отправиться въ Азію. Кромѣ того, онъ твердо рѣшился впредь повышать и награждать только за дѣйствительныя заслуги, а не по своей прихоти. Объ этихъ планахъ Османъ сообщаетъ только тремъ лицамъ: великому визирю Дилаверу, котораго онъ, въ награду за спасеніе своей жизни, поставилъ на мѣсто прежняго визиря Хусеина; ходжѣ, т. е. воспитателю своему, и кизларъ-агѣ (начальнику евнуховъ). Желая лучше скрыть свои замыслы, султанъ рас-

---

[1]) О многочисленности турецкаго войска поэтъ говоритъ неоднократно (Пѣснь I, стр. 19; III, 83; IV, 5 и 119), желая, какъ можно ярче, выставить позоръ Турокъ и славу ихъ побѣдителей.

[2]) Спахіи—конница.

пространяетъ слухи, будто собирается на богомолье въ Мекку, а оттуда отправляется въ Палестину, чтобы покорить отложившагося отъ Порты Саидскаго эмира.

Пѣснь II.

Дилаверъ, боясь, что нетерпѣливость и опрометчивость юнаго султана могутъ испортить его же замыслы, является къ нему, вмѣстѣ съ ходжою и кизларъ-агою [1]). Визирь, послѣ обычныхъ поклоновъ, заводитъ рѣчь и совѣтуетъ юношѣ, прежде чѣмъ уѣзжать изъ Цареграда, умертвить, какъ это водится, своихъ братьевъ и дядю Мустафу, а также мать и зятя послѣдняго, Даута. Особенно Дилаверъ опасается Мустафиной матери, которая слыветъ колдуньей и способна на всякое злодѣяніе, чтобы вернуть своему сыну престолъ, на коемъ смѣнилъ его Османъ. Ходжа соглашается съ Дилаверомъ, но прибавляетъ, что, до отъѣзда, султану надо взять законную и знатнаго происхожденія супругу, или нѣсколько супругъ; затѣмъ отца главной изъ нихъ ему слѣдуетъ назначить регентомъ, на время своего отсутствія: не будучи отмановичемъ, онъ самъ не можетъ вступить на престолъ, но вѣрно соблюдетъ его для своихъ внуковъ. Старикъ доказываетъ затѣмъ, что падишаху и неприлично брать жены низкаго происхожденія: если этого не дѣлаютъ даже другіе государи, какъ же поступать такъ ему, царю надъ царями? Послѣднимъ говоритъ глава евнуховъ, который, одобривъ совѣты визиря и ходжи, указываетъ на то, что, прежде чѣмъ пускаться въ новыя предпріятія, необходимо заключить окончательный миръ съ Польшею. Тутъ онъ рисуетъ грозныя силы этого государства и обращаетъ вниманіе султана на одно обстоятельство, которое можетъ быть весьма полезнымъ при заключеніи мира: обстоятельство это—плѣнъ польскаго вельможи Коревскаго, коего кизларъ-ага и совѣтуетъ стеречь какъ можно бдительнѣе.

Совѣтъ Дилавера Османъ, съ негодованіемъ, отвергаетъ—ни своего предмѣстника на престолѣ, ни родныхъ братьевъ онъ убивать не хочетъ, а чаръ Мустафиной матери онъ не опасается, ибо имъ не измѣнить предначертаній судьбы. Иначе султанъ отнесся къ словамъ ходжи и кизларъ-аги: негру онъ поручаетъ набрать отовсюду дѣвушекъ для гарема, красивыхъ и знатнаго происхожденія; надзоръ за плѣнникомъ онъ велитъ усилить и, на другой же день, рѣшается отправить въ Польшу мирнаго посла. Посломъ назначается герцеговинецъ Али-паша.

---

[1]) Собственно, кызларъ-ага (qyzlar-agha=начальникъ дѣвушекъ). Павичъ не рѣшился, подобно прежнимъ издателямъ, исправить рукописи и внесъ въ текстъ своего Османа очевидно исковерканную форму kazlar-aga.

Пѣснь III.

Али-паша отправляется въ путь и проѣзжаетъ по разнымъ мѣстностямъ до рѣки Марицы, гдѣ, по преданію, пѣлъ нѣкогда Орфей, праотецъ славянскихъ пѣвцовъ, на сладкій голосъ котораго стекались дикіе звѣри лѣсовъ, и слетались птицы небесныя, а вода останавливала свое теченіе: теперь еще Сербы и Болгары показываютъ путнику семь родниковъ, начавщихъ бить изъ земли, подъ чарующія пѣсни его. Затѣмъ, проѣхавъ еще разныя области, паша прибываетъ въ Бессарабію, на прошлогоднее побоище. Тутъ обращается къ нему спутникъ его, вновь назначенный воевода Молдавіи, желая отъ него, какъ очевидца, узнать подробности злополучнаго сраженія.

Пѣснь IV.

Паша указываетъ воеводѣ расположеніе обѣихъ ратей и подробно говоритъ о турецкомъ полчищѣ, объ отрядахъ его и предводителяхъ.

Пѣснь V.

Посольство продолжаетъ свой путь по полю, усѣянному костьми и отчасти изсохшими трупами воиновъ и коней [1]). На берегахъ Днѣстра, молдавскаго воеводу встрѣчаютъ высланные къ нему на встрѣчу молдаване, и онъ разстается съ Али-пашою. Послѣдній же ѣдетъ далѣе и, вступая въ Подолію, встрѣчается съ закованнымъ въ доспѣхи витяземъ, въ которомъ онъ узнаетъ невѣсту Коревскаго Круниславу, не уступающую въ храбрости своему жениху. Отецъ, овдовѣвши при самомъ рожденіи этой дѣвушки, далъ ей воинское воспитаніе: колыбелью служилъ ей щитъ, и засыпала она подъ звуки боевой трубы; рано уже покрылъ голову ея тяжелый шлемъ, и стала она всюду сопровождать воинственнаго родителя; наконецъ, для отважной дѣвы нашелся и отважный женихъ, Коревскій. Однако бракъ ихъ не состоялся: женихъ отправился на помощь возмутившемуся противъ султана молдавскому воеводѣ и, хотя сражался съ величайшею отвагою, потерпѣлъ пораженіе и былъ взятъ въ плѣнъ—сами Молдаване измѣнили ему, схватили его и выдали непріятелю. Круниславу, которую женихъ, съ большимъ, впрочемъ, трудомъ, убѣдилъ остаться дома для охраны отъ Турокъ родной земли, принимала затѣмъ

[1]) Начало этой пѣсни, собственно, заслуживало бы болѣе подробное изложеніе, но передано вкратцѣ потому, что въ эстетическомъ разборѣ (глава IV) оно будетъ выписано цѣликомъ.

участіе въ походѣ Владислава на Днѣстръ. Тутъ она вызывала на единоборство самого Османа, съ тѣмъ, чтобы ей, побѣдивши, получить супруга безъ выкупа, а, будучи побѣждена, выкупить его и себя на вѣсъ золота. Храбрый Османъ хочетъ принять вызовъ и уже выѣзжаетъ противъ нее, но его обгоняетъ Соколица, дочь великаго монгола, находящаяся въ турецкой рати воительница. Соколица влюблена въ султана, и тотъ, въ свою очередь, влюбленъ въ нее, хотя ни онъ, ни она не рѣшаются на признаніе. Любовь эта и побуждаетъ дѣвушку взять опасный бой на себя, не давая рискнуть жизнію своему милому. Началось упорное, но нерѣшительное состязаніе, которое кончилось тѣмъ, что богатырки въ одно и то-же время сшибли другъ у друга шлемы, а войска, увидѣвъ ихъ красоту, не желали подвергать ихъ дальнѣйшей опасности и кинулись впередъ, такъ что единоборство разстроилось, среди всеобщаго сраженія. Съ этого дня Круноcлава все ищетъ встрѣчи съ Соколицею, чтобы довершить единоборство и освободить своего жениха. Въ то время, когда Османовъ посолъ проѣзжалъ по Подоліи, она думала застать тамъ Соколицу, ибо слышала, что та, со своею женскою дружиною, предприняла набѣгъ на Польшу. Завидѣвъ турокъ, Круноcлава кинулась было на нихъ, думая, что это отрядъ Соколицы, но, замѣтивъ, при приближеніи, длинную одежду ихъ и бѣлыя знамена, она мирно обращается къ Али-пашѣ, съ вопросомъ о своемъ возлюбленномъ. Паша отвѣчаетъ съ величайшею любезностью, но сообщаетъ ей, что женихъ ея мучится въ ужасной темницѣ, откуда освободить его силою нѣтъ никакой возможности. При этой вѣсти, дѣвушка не можетъ удержаться отъ слезъ и, оставивъ пословъ, продолжаетъ свой одинокій путь.

Пѣснь VI.

Заѣхавъ куда-то въ чащу лѣса, Круноcлава даетъ волю жалобамъ и слезамъ своимъ. Невдали отъ того мѣста, гдѣ она горюетъ, раздается напѣвъ любящаго безъ взаимности пастуха; но скорбь его ей кажется ничтожною въ сравненіи съ ея собственною: вѣдь онъ можетъ видѣть свою милую и не лишенъ надежды смягчить ее когда-нибудь! Наконецъ, богатырка прервала плачъ и рѣшилась отправиться въ самый Царь-градъ, чтобы силою освободить своего жениха, но тотчасъ и отказалась отъ этой мысли: освободить, она бы его не освободила, а погубила бы себя самое и къ страданіямъ любимаго человѣка прибавила бы еще скорбь о погибшей невѣстѣ. И вотъ, героиня рѣшается прибѣгнуть къ хитростямъ и къ подкупамъ—ѣдетъ домой, забираетъ съ собою много золота и дру-

гихъ драгоцѣнностей и, переодѣтая молодымъ венгерцемъ, пріѣзжаетъ въ Стамбулъ, гдѣ начинаетъ свои происки.

Между тѣмъ юный падишахъ съ нетерпѣніемъ ждетъ возврата своего посланца, и все мечтаетъ о томъ, какъ заключивъ временной миръ съ Поляками, онъ отправится на востокъ, преобразуетъ свои войска, покоритъ Персію, а затѣмъ, одно за другимъ, всѣ государства земного шара. Не съ меньшимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ онъ и кизларъ-агу, отправившагося разыскивать дѣвушекъ для гарема его. А негръ, набравши уже множество красавицъ, на югѣ и на востокѣ турецкаго царства, въ то время возвращался къ берегамъ Архипелага.

Пѣснь VII.

Кизларъ-ага, сперва на корабл..., а потомъ сухимъ путемъ, объѣзжаетъ всю Грецію и, куда самъ не ѣдетъ, посылаетъ своихъ подчиненныхъ—отовсюду они набираютъ знатныхъ и красивыхъ дѣвушекъ. По поводу этихъ поѣздокъ, Гундуличъ рисуетъ униженіе современной ему Эллады, сравнивая его со славнымъ прошедшимъ ея; но прибавляетъ, что всѣ эти муки и страданія посланы ей небомъ въ справедливую кару за ея грѣхи. Затѣмъ, проѣзжая по Ѳессаліи, евнухъ узнаетъ, что на Дунаѣ, въ городѣ Смедеревѣ; есть одна знаменитая красавица, Сунчаница, которая родъ свой ведетъ отъ сербскаго деспота Юрія Бранковича. Вотъ, онъ и направляется къ названному городу, разославъ своихъ помощниковъ по Босніи, Герцеговинѣ и Албаніи.

Пѣснь VIII.

Глава евнуховъ пріѣзжаетъ въ Смедерево. Тутъ, въ одномъ подгородномъ селеніи, живетъ старецъ Любдрагъ, обѣднѣвшій и ослѣпшій потомокъ могучихъ князей: лишившись жены и всѣхъ сыновей—у него было ихъ двѣнадцать — онъ живетъ одинъ со своею дочерью Сунчаницею. И тщетно старикъ надѣется, что родъ его продлится хоть въ женскомъ колѣнѣ: дочь его хочетъ прожить всю жизнь дѣвственницею. Чтобы дать ей случай полюбить кого-нибудь и отклонить ее, такимъ образомъ, отъ этого намѣренія, отецъ созывалъ молодыхъ пастуховъ и пастушекъ на веселыя игры, пляски и хороводы, въ которыхъ она только неохотно принимала участіе. Среди такихъ игръ застаетъ ихъ кизларъ-ага. Всѣ испугались его прихода, но негръ ихъ успокаиваетъ и мирно садится рядомъ со старикомъ, который, по его просьбѣ, разсказываетъ ему о судьбѣ своихъ предко... князя Лазаря и Вука и Юрія Бранкови-

чей. Дочь послѣдняго, Марія, была за мужемъ за султаномъ Муратомъ, но тотъ, тѣмъ не менѣе, измѣннически захватилъ въ плѣнъ своихъ шурьевъ и ослѣпилъ ихъ, а у тестя отнялъ владѣнія. Деспотъ бѣжалъ тогда въ Пештъ, а оттуда въ Дубровникъ, гдѣ его пріютили и не выдали грозному султану, несмотря ни на посулы, ни на угрозы. Такое великодушіе въ самомъ Мурадѣ возбудило удивленіе, которое излилось громкою похвалою и даже побудило его отступить отъ осажденнаго имъ города. По поводу этого происшествія, Любдрагъ превозноситъ величіе и вольность Дубровницкой республики. Выслушавъ разсказъ старика, евнухъ подходитъ къ его дочери и объявляетъ ей, что на ея долю выпадаетъ честь и счастіе сдѣлаться супругою падишаха. Дѣвушка принимаетъ эту вѣсть, краснѣя и пугаясь; а кизларъ-ага, когда она не захотѣла идти за нимъ добровольно, велитъ схватить ее силою и, уводя ее съ собою, направляется къ Стамбулу. На пути туда, встрѣчается ему посланный къ нему Османомъ гонецъ. Въ принесенномъ имъ посланіи султанъ приказываетъ негру поспѣшить возвращеніемъ и извѣстить Соколицу, что государь призываетъ ее въ Царь-градъ, чтобы взять съ собою въ Азію: призываетъ ее Османъ, какъ воина, но, на дѣлѣ, онъ не можетъ дождаться возвращенія возлюбленной. Прочитавъ грамоту, евнухъ отправляетъ одного изъ своихъ людей въ Польшу, гдѣ, какъ ему было извѣстно, находилась въ то время Соколица, а самъ продолжаетъ свой путь.

Пѣснь IX.

Въ Варшавѣ, между тѣмъ, празднуютъ годовщину Владиславовой побѣды: самъ Владиславъ, съ братьями и съ многочисленною свитою, отправляется на охоту, а варшавянки заводятъ на берегахъ Вислы хороводы и прославляютъ пѣснями оборонителя родины. Тутъ беззащитныхъ женщинъ застаетъ дружина храброй монголки и похищаетъ ихъ. Затѣмъ воительницы въѣзжаютъ въ лѣсную чащу, привязываютъ полекъ къ стволамъ деревьевъ, а сами погружаются въ прохладныя воды находящагося тамъ озера. Но въ это самое время пріѣзжаетъ королевичъ, со своими охотниками, освобождаетъ варшавянокъ и забираетъ въ плѣнъ ихъ похитительницъ, которыя спѣшили только прикрыть стыдъ свой одеждою и не успѣли взяться за оружіе. Одна лишь предводительница успѣла это сдѣлать и отважно нападаетъ на поляковъ, многихъ убиваетъ и, несмотря на всѣ предложенія Владислава, не хочетъ сдаваться. Наконецъ, сознавши невозможность побѣды, она бросается въ воду и спасается на другой берегъ. Удивленный такою доблестью, королевичъ возвращаетъ ей дружинницъ, коней и оружіе, за что Соколица посылаетъ ему, на память отъ себя,

богатое ожерелье и обѣщаетъ впредь не сражаться противъ Польши. Исполняя это обѣщаніе, она пустилась въ обратный путь, въ родное царство; но на пути встрѣчается съ посланнымъ къ ней евнухомъ и, по Османову призыву, направляется къ Царь-граду.

Пѣснь X.

Между тѣмъ какъ богатырка спѣшитъ ко двору своего возлюбленнаго, Владиславъ, съ прочими охотниками, садится въ лѣсу за веселый пиръ; но тутъ онъ получаетъ приказаніе отъ отца поскорѣе возвратиться въ городъ, куда ждутъ Османова посланца. Королевичъ немедленно исполняетъ отцовское повелѣніе; а, на пути, одинъ изъ спутниковъ его поетъ пѣсню о прошлогодней побѣдѣ. Что до Али-паши, то путешествіе его значительно замедлилось: опасаясь разбойническихъ козаковъ, онъ остановился въ Каменцѣ и, черезъ вѣстника, выпросилъ себѣ у короля конвоя; лишь по прибытіи послѣдняго, онъ пустился въ дальнѣйшій путь и, наконецъ, пріѣзжаетъ въ Варшаву, принося съ собою богатые дары. Подъѣзжаетъ онъ къ королевскому дворцу и видитъ тамъ поставленныя въ два ряда статуи, изображающія польскихъ князей и королей, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ. Посла вводятъ въ палаты, гдѣ его принимаетъ князь Сборовскій, между тѣмъ, какъ король Сигизмундъ совѣщается съ вельможами, какой ему дать отвѣтъ.

Пѣснь XI.

Али-паша разсматриваетъ богатое убранство залы, въ которую ввели его: стѣны этого покоя обиты шелковою матеріею, по коей, съ удивительнымъ искусствомъ, вышиты изображенія прошлогодней битвы. Паша узнаетъ на картинахъ всѣхъ турецкихъ начальниковъ, а затѣмъ проситъ Сборовскаго назвать ему по имени польскихъ воеводъ, и князь обязательно исполняетъ его просьбу. Послѣ нѣкотораго времени, посла призываютъ въ совѣтъ, гдѣ онъ, съ большимъ краснорѣчіемъ, излагаетъ предложенія своего государя, которыя король и принимаетъ. Заключивши миръ съ Поляками и получивши отъ нихъ щедрые подарки, паша уѣзжаетъ.

Пѣснь XII.

Посолъ возвращается въ Царь-градъ, гдѣ всѣ радуются заключенію мира. Невесела только Круноslава, ибо никто не знаетъ, чтобы въ

условіяхъ мира была выговорена свобода ея жениху; а она уже сильно истратилась на подкупы, не успѣвъ преклонить стража своего мужа, Ризвана-пашу. У этого жестокаго старика была дочь Любица и племянница Калинка, присмотръ за которыми имѣлъ старый евнухъ Бечиръ. Это-то вліятельное лицо Крунослава старается задобрить, подаривъ ему дорогія серьги, ожерелье и перстни. Калинка, увидя на негрѣ такія драгоцѣнности, спрашиваетъ его, откуда онъ ихъ досталъ, и узнаетъ, что отъ того молодого венгерца, который не разъ уже приносилъ Ризвану подарки отъ императорскаго посланника. Дѣвушка и сама видала Круноcлаву и, считая ее также юношей, влюбилась въ нее; подарки, раздаваемые щедрою рукою этого красавца, еще болѣе прельщаютъ ее—и вотъ, Калинка рѣшается заговорить съ нимъ, прося у него нарядовъ и любви. Круноcлава, улучивъ случай, обѣщаетъ дѣвушкѣ всякія драгоцѣнности, если она подастъ ей вѣсть о Коревскомъ. Тогда Калинка разсказываетъ мнимому юношѣ, какъ Ризванъ, будучи акерманскимъ пашою, вмѣстѣ съ дочерью, былъ захваченъ въ плѣнъ козаками; но какъ Коревскій, тогдашній атаманъ ихъ, любезно обошелся съ плѣнниками и возвратилъ имъ свободу и все имущество; однако Любицѣ свобода была не въ радость: она успѣла полюбить великодушнаго поляка. Когда же Коревскій, въ свою очередь, попался въ плѣнъ, и Ризвану поручили надзоръ за нимъ, неблагодарный старикъ бросилъ его въ страшную подземную темницу. Единственное утѣшеніе доставляетъ узнику Любица, которая тайкомъ навѣщаетъ его и, насколько это въ ея силахъ, облегчаетъ мученія несчастнаго; но, такъ какъ и она полюбилась Коревкому, то, по всей вѣроятности, витязя скоро освободятъ изъ темницы и женятъ на Любицѣ. Сказавъ это, Калинка обращается къ Круноcлавѣ за обѣщанною наградою, но тутъ Бечиръ беретъ ее за руку и уводитъ. А Круноcлава отъ Калинкина разсказа пришла въ отчаяніе и въ негодованіе: въ первомъ порывѣ гнѣва, она собирается жестоко отомстить вѣроломному жениху, но, успокоившись немного, рѣшается пристыдить измѣнника, не слѣдуя его примѣру, а сохраняя любовь къ нему и вѣрность среди всякихъ превратностей и невзгодъ. Принявъ такое рѣшеніе, воительница отправляется къ самому Ризвану-пашѣ и, назвавшись братомъ Коревскаго, проситъ его похлопотать о разрѣшеніи ей выкупить этого витязя. Турокъ обѣщаетъ ей свое заступничество передъ султаномъ, а, пока, предлагаетъ ей навѣстить плѣнника. Круноcлава съ радостью принимаетъ такое предложеніе и, въ сопровожденіи Ризвана и отряда воиновъ, спускается къ подземной темницѣ своего возлюбленнаго. Но, только воительница вступила въ нее, двери за нею захлопнулись — и она сама оказалась въ заключеніи.

Пѣснь XIII.

Дьяволъ, сокрушаясь о вредѣ, нанесенномъ ему пораженіемъ Турокъ и побѣдою Поляковъ, созываетъ на совѣщаніе демоновъ. Изливаетъ онъ передъ ними свое негодованіе на побѣду Владислава, которой они тщетно пытались помѣшать, будучи обращены въ бѣгство архангеломъ Михаиломъ; указываетъ онъ на опасность, грозящую имъ отъ большаго и большаго усиленія Христіанъ, вслѣдствіе котораго нечистая сила можетъ лишиться наконецъ и послѣднихъ своихъ поклонниковъ и привычной дани окаянныхъ душъ. Такую бѣду грозный царь преисподней хочетъ предотвратить—и шлетъ своихъ подчиненныхъ въ Царь-градъ, чтобы возобновить вражду къ Полякамъ и, погубивъ Коревскаго, подать поводъ къ новой войнѣ, которая должна кончиться паденіемъ Польши и гибелью самого Владислава. Демоны исполняютъ приказъ Сатаны—черною тучею они налетаютъ на Царь-градъ и, разсѣявшись по городу, стараются возстановить всѣхъ противъ мира.

Пѣснь XIV [1]).

Султанъ вопрошаетъ звѣздочета Махумета-Челебію объ успѣхѣ своей поѣздки на востокъ и узнаётъ, что предстоитъ неудача. На этотъ отвѣтъ, юноша сперва говоритъ, что ничто не измѣнитъ его рѣшенія, но потомъ, всетаки, начинаетъ колебаться. Тогда приходитъ къ нему одинъ изъ демоновъ, въ видѣ ходжи, и напускаетъ на него зловѣщій сонъ, который потомъ самъ истолковываетъ, и не даетъ ослабѣть Османовой энергіи. — Въ то-же время другой духъ тьмы, вѣдьма Ревность, принявши видъ евнуха Бечира, извѣщаетъ Любицу о томъ, кто находится въ темницѣ Коревскаго, и дѣвушка, чтобы только отомстить измѣннику, даетъ знать отцу о своихъ отношеніяхъ къ узнику. И вотъ, къ витязю, обрадованному только что свиданіемъ съ невѣстою, врывается отрядъ воиновъ и, несмотря на храброе сопротивленіе Круносдавы, убиваетъ ихъ обоихъ.

Пѣснь XV [1]).

Османъ, созвавши своихъ совѣтниковъ, извѣщаетъ ихъ о заключеніи мира съ Поляками, главнымъ условіемъ котораго поставлено освобожденіе Коревскаго. Но тутъ Ризванъ-паша заявляетъ, что это условіе

---

[1]) Уже выше отмѣчено, что XIV и XV пѣсни не принадлежатъ Гундуличу, а сочинены, не въ столь давнее время, Иваномъ Мажураничемъ; но вырвать ихъ изъ общей связи и пересказать отдѣльно, какъ пересказаны пѣсни Соркочевича, было не совсѣмъ удобно.

уже неисполнимо, и разсказываетъ, какъ и изъ-за чего убили плѣнника, по смерти котораго лишила себя жизни и Любица. Сказавъ это, онъ удаляется, предоставляя падишаху назначить ему наказанiе. Начинается совѣщанiе, не слѣдуетъ ли послать Полякамъ, вмѣсто Коревскаго, его убiйцу, чтобы они наказали его по своей волѣ; но пренiя прерываются вѣстью о внезапной смерти несчастнаго старика.—Между тѣмъ кизларъ-ага прибылъ въ Адрiанополь, гдѣ Сунчаницу освобождаетъ одинъ изъ сторожей ея, бѣлый евнухъ. Говорятъ, что этотъ освободитель былъ братъ ея Владко, который попался въ руки разбойниковъ и сталъ однимъ изъ хранителей султанскаго гарема: сестрѣ онъ, однако, не открылся, стыдясь своего положенiя и не желая огорчать ея. Негръ, лишившись такимъ образомъ прекраснѣйшей изъ своихъ плѣнницъ, приходитъ въ сильное негодованiе. Съ остальными красавицами онъ благополучно прiѣзжаетъ въ Царь-градъ и представляетъ ихъ Осману. Султанъ приводитъ съ собою на этотъ смотръ Соколицу и выбираетъ въ жены ее и двухъ знатныхъ турчанокъ, дочерей Эсада-эфенди и Пертева-паши. Послѣ того, онъ даетъ приказанiе, къ серединѣ Мая, приготовить корабли, чтобы плыть на востокъ.

Пѣснь XVI.

По Стамбулу, несмотря на всѣ предосторожности, прошла молва объ Османовыхъ замыслахъ. Янычары и спахiи вспомнили, по этому поводу, и о всѣхъ прежнихъ наказанiяхъ и стѣсненiяхъ, понесенныхъ ими отъ падишаха—кѣмъ по дѣломъ, а кѣмъ и по-напрасну,—и поднимаютъ бунтъ. Ага янычарскiй, Али, тщетно старается унять ихъ. Впрочемъ, мятежники пока желаютъ только казни тѣхъ совѣтниковъ, отъ которыхъ, по ихъ мнѣнiю, исходятъ эти пагубныя рѣшенiя. Столпившись передъ Софiйскою мечетью, они громкими криками выражаютъ свои требованiя и посылаютъ, кромѣ того, къ султану бывшаго муфтiя, Яхiю, который почтительно передаетъ Осману эти требованiя; но тотъ, съ негодованiемъ, отвергаетъ мысль объ уступкахъ своимъ рабамъ.

Пѣснь XVII.

Султанъ, хотя и далъ мятежникамъ столь рѣшительный отвѣтъ, все-таки взволнованъ безпорядками и, съ наступленiемъ ночи, собираетъ знатнѣйшiя лица и спрашиваетъ у нихъ совѣта, что ему дѣлать. Первый отвѣчаетъ великiй визирь и совѣтуетъ не поблажать бунтовщикамъ, которые, добившись нѣкоторыхъ уступокъ, поставятъ еще бóльшiя требованiя; притомъ, смерть вѣрнѣйшихъ слугъ государевыхъ можетъ повести

къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ для него самого. Впрочемъ, Дилаверъ изъявляетъ готовность умереть, если сочтутъ это нужнымъ. Затѣмъ Хусеинъ высказываетъ иное мнѣніе: не имѣя возможности унять воиновъ силою, пусть султанъ пожертвуетъ своими совѣтниками, ибо, въ противномъ случаѣ, ярость мятежниковъ потребуетъ гораздо бо́льшихъ жертвъ; впослѣдствіи же, онъ можетъ послать ихъ въ походъ противъ Христіанъ и погубить. Османъ колеблется: онъ сознаётъ необходимость уступокъ, но не желаетъ губить своихъ приближонныхъ. Тогда Дилаверъ предлагаетъ возвратить должность великаго визиря Хусеину, который затѣмъ долженъ объявить войску, что султанъ не отправляется въ Азію. Но юноша и это предложеніе, одобряемоэ всѣми совѣтниками, отклоняетъ, и, въ концѣ концовъ, мѣры его ограничиваются приданіемъ Дилаверу тѣлохранителей [1]). Самъ же онъ остается безо всякой стражи, т. к. считаетъ царскій санъ достаточною для себя защитою.

Въ эту-же ночь и Мустафина мать устроила совѣщаніе: она призвала къ себѣ зятя своего, Даута. Послѣдній, въ царствованіе Мустафы, игралъ важную роль, а, по сверженіи его, за нерадѣніе и лихоимство, былъ лишенъ всѣхъ почестей; но, впослѣдствіи, онъ снова пошелъ въ гору, благодаря сближенію съ Османомъ его сына, и въ то время былъ румелійскимъ беглербегомъ. Дауту удалось тайкомъ пробраться въ покои своей тещи, и честолюбивая женщина убѣждаетъ его стать во главѣ возстанія и воспользоваться имъ, чтобы возвратить полоумному Мустафѣ престолъ, а ей и себѣ бразды правленія.

Пѣснь XVIII.

На другое утро мятежники собрались опять и, призвавъ судей и духовныхъ особъ, предлагаютъ имъ вопросъ, чего заслужилъ султанъ, замышляющій перенести свою столицу изъ Царь-града и взявшій, вопреки обычаю, трехъ законныхъ женъ. Отвѣчаютъ имъ, что царь, попирающій священные обычаи,—уже не царь.—Послѣ этого, выступаетъ Даутъ и возбуждаетъ воиновъ еще болѣе, напоминая имъ опять о намѣреніи Османа истребить янычаръ, о злополучномъ хотинскомъ походѣ и о другихъ бѣдствіяхъ; наконецъ, онъ высказываетъ мысль, что всѣ ихъ несчастія—кара небесъ за измѣну настоящему государю, Мустафѣ, котораго слѣдуетъ возвести опять на престолъ его предковъ, свергнувъ

[1]) Текстъ, въ этомъ мѣстѣ испорченъ; но главный смыслъ его вполнѣ ясенъ. Такъ же понимаетъ этотъ стихъ и А. Павичъ (стр. 121 акад. изд. Гундулича).

„жестокаго ребенка“. Разъяренная толпа послушалась коварнаго беглербега; онъ становится во главѣ ея и идетъ, прежде всего, къ жилищу великаго визиря. Дилаверъ во дворцѣ своемъ засѣлъ, какъ въ крѣпости, и измѣнники вынуждены штурмовать это зданіе, при чемъ встрѣчаютъ храбрый отпоръ: многіе изъ нихъ падаютъ, пронзенные пулями или стрѣлами, пораженные каменьями, или обваренные расплавленною смолою. Больше всѣхъ остальныхъ защитниковъ отличается самъ визирь. Наконецъ, начальникъ спахіевъ, албанецъ Дервишъ, вооружившись огромнымъ шестомъ, начинаетъ бить стѣну; ему на помощь спѣшатъ другіе удальцы, и, хотя не одинъ изъ нихъ падаетъ, имъ удается сдѣлать въ стѣнѣ пробоину. Черезъ этотъ тѣсный проходъ Дервишъ, несмотря на сопротивленіе враговъ, врывается во дворъ; но кинувшіеся за нимъ товарищи были отражены. Албанецъ видитъ, что онъ одинъ, но не труситъ, а творитъ чудеса силы и храбрости, убивая множество народу. Но вотъ, замѣтилъ его Дилаверъ и спѣшитъ къ нему. Начинается между витязями страшное единоборство: успѣхъ клонится то на ту, то на другую сторону, и визиревы воины, соскучась этимъ, начинаютъ наступать на Дервиша. Однако, отъ ихъ ударовъ защищаетъ его самъ противникъ, который никому не уступаетъ чести убіенія такого бойца; а между тѣмъ албанецъ, отступая мало-по-малу назадъ, доходитъ до низкой части стѣнъ, взбирается на нихъ и, соскочивши въ другую сторону, укрывается въ среду своихъ. Но, когда раздосадованный визирь упрекаетъ его, за это бѣгство, въ трусости, онъ готовъ воротиться назадъ, и Даутъ лишь съ трудомъ успѣлъ остановить его.

Послѣ того, беглербегъ велѣлъ прекратить безполезныя усилія и напасть на дворецъ самого султана—вѣдь, если имѣть въ рукахъ государя, у нихъ въ рукахъ будетъ и вся власть,—и дикое полчище бурнымъ потокомъ хлынуло къ Османовымъ палатамъ.

Пѣснь XIX.

Мятежники, перебивъ воспротивившихся имъ привратниковъ, врываются во дворецъ. Межъ тѣмъ Дилаверъ рѣшился переправиться въ Анатолію и привести на помощь султану тамошнія войска. Переодѣтый дервишемъ, онъ, совершенно одинъ, пускается въ путь, вооруженный только крѣпкимъ посохомъ; на челѣ своемъ онъ написалъ имя возлюбленной жены своей, прелестной персіянки Бегумы [1]), по коей прежде вздыхало мно-

---

[1]) Это писаніе на челѣ нѣсколько странно, но слова Гундулича иначе понимать нельзя—онъ говоритъ:

жество поклонниковъ, стекавшихся къ ней со всѣхъ концовъ свѣта: въ числѣ вздыхателей былъ и сынъ ея государя Хайдаръ, который даже хотѣлъ взять ее въ супруги. Но въ Персію, съ турецкими войсками, прибылъ Дилаверъ и похитилъ красавицу; вызванный затѣмъ соперникомъ на единоборство, онъ побѣдилъ его. Прибылъ онъ на мѣсто боя, вмѣстѣ со своей прекрасной плѣнницей, и, послѣ долгой нерѣшительной борьбы, ему удалось нанести персіянину такой ударъ по головѣ, что тотъ, несмотря на покрывавшую ее толстую чалму, упалъ за-мертво. Испуганные воины Хайдара кинулись впередъ, чтобы спасти его; двинулись и Турки, и началось общее сраженіе. Дилаверъ совершаетъ блестящіе подвиги; Персіяне разбиты и бѣгутъ въ свой городъ, унося, впрочемъ, съ собою царевича. Такимъ образомъ, турокъ увезъ красавицу, страстно полюбилъ ее, склонилъ къ взаимности и женился на ней, послѣ чего онъ, въ пылу сраженій, постоянно вспоминаетъ о своей Бегумѣ и вѣритъ, что, сражаясь во имя ея, не можетъ не побѣдить. И въ предпринятомъ теперь пути въ Азію Дилаверъ надѣялся на ея помощь, но обманулся: бунтовщики провѣдали о его удаленіи изъ города, и Дервишъ, съ отрядомъ спахіевъ, нагоняетъ его. Визирь храбро сопротивляется имъ и своею палкою убиваетъ множество воиновъ; затѣмъ онъ вооружается саблею одного изъ убитыхъ и сильно тѣснитъ напавшаго на него вождя ихъ, но падаетъ отъ удара, нанесеннаго ему въ это время съ тылу. Мятежники всячески ругаются надъ его тѣломъ и не выдаютъ его прибѣжавшей къ нимъ въ отчаяніи Бегумѣ, несмотря на всѣ слезы ея и заклинанія, а собираются бросить его на съѣденіе псамъ и коршунамъ.

Въ ту пору Османъ, видя, что мятежъ все усиливается, скрылся въ самые внутренніе покои сераля; а потомъ, не считая себя безопаснымъ и тутъ, удалился въ свой лѣтній гаремъ. Отсюда онъ посылаетъ къ бунтовщикамъ одного изъ визирей и кизларъ-агу: не уважатъ ли этихъ сановниковъ и не смирятся ли. Но, лишь только они вышли къ воинамъ, ихъ убиваютъ, не давши имъ и слова сказать. Раздаются угрозы Осману, взываютъ къ Мустафѣ и идутъ освобождать послѣдняго изъ заключенія. Одинъ ичогланинъ (пажъ) вызывается въ проводники, и среди царскаго звѣринца, въ глубинѣ темной ямы, находятъ Мустафу, блѣднаго и изнуреннаго. Извлеченный на свѣтъ Божій, онъ, отъ слабости, падаетъ въ обморокъ; уносятъ его въ одну мечеть и приставляютъ къ нему тѣлохра-

---

Begum liepe agjamkinje
na čelu je ime upiso XIX, 36.

Какъ же это перевести, если не „онъ написалъ на челѣ своемъ имя прекрасной персіянки Бегумы“?

нителей. Между тѣмъ наступила ночь, и султанъ, въ сопровожденіи Хусеина, пробирается къ Али-агѣ, главѣ янычаръ, и посылаетъ его усмирять воиновъ, обѣщая имъ денежное вознагражденіе. Али видитъ, что идетъ на вѣрную смерть, но, готовый умереть за падишаха, онъ пошелъ къ воинамъ, и тѣ разнесли его на сабляхъ. Та же судьба постигла затѣмъ и Хусеина. Тѣла убитыхъ сановниковъ бросили на Хатмейданъ (Конную площадь), посаженныя на копья головы ихъ выставили передъ Баязетовою мечетью; а потомъ пустились грабить дома ихъ, гдѣ совершили еще не мало жестокостей и убійствъ. Открыли наконецъ и убѣжище султана, схватили его, одѣли въ простое платье, посадили на какую-то клячу и повезли во дворецъ, къ Мустафѣ, несмотря на его убѣжденія и мольбы.

Пѣснь XX.

Мустафа, окруженный вновь назначенными сановниками, между которыми первое мѣсто, должность великаго визиря, занялъ Даутъ, принимаетъ низложеннаго султана и, по внушенію совѣтниковъ, велитъ отвести его въ Семибашенный замокъ. Юношу опять сажаютъ на жалкую клячу, на которой привезли его ко дворцу, и увозятъ; передъ нимъ, на копьяхъ, несутъ головы Дилавера и Хусеина и кричатъ: такъ да будетъ со всѣми тираннами! Тщетно султанъ плачется на свою судьбу и взываетъ къ чести и совѣсти своихъ палачей: правда, жалобы эти произвели на янычаръ нѣкоторое впечатлѣніе, но помиловать его они и не думаютъ. Вотъ, уже передъ самою темницею, ихъ догоняетъ всадникъ: это Даутъ-паша, который, во имя Мустафы, приказываетъ задушить злополучнаго Османа, такъ какъ, при жизни послѣдняго, ни новые правители, ни сами они не будутъ безопасны. Узникъ еще разъ пытается смягчить воиновъ, но паша снялъ платокъ съ пояса и кинулъ одному негру; тотъ набрасываетъ его на шею Осману, опрокидываетъ юношу на-земь, наступаетъ на него ногами и, пустивши въ ходъ и ногти и зубы, удушаетъ несчастнаго. Тѣло Османа, безо всякихъ почестей, похоронили въ построенной отцомъ его мечети.

Такъ, заключаетъ Гундуличъ свою поэму, рабы подняли руку на своего царя—не защитила его высокая святость, придаваемая ему турецкими законами и обычаями! Да и все зданіе турецкаго государства потрясено: вѣрованія, учрежденія и обычаи, коими оно думало укрѣпить себя,—каковы фатализмъ, умерщвленіе султанами своихъ родственниковъ, янычарство, многоженство—или не приносятъ ему пользы, или обращаются во вредъ ему; пала уже и бранная слава его, когда безчисленное полчище Турокъ обратилось въ бѣгство передъ польскимъ королевичемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разборъ историческій.

Повѣствованіе Гундулича о войнѣ Османа съ Поляками, въ общихъ чертахъ, довольно вѣрно Исторіи: юноша Османъ (ему было 17 лѣтъ отъ роду), въ 1621-омъ году, ходилъ войною на Поляковъ, которые вышли ему на встрѣчу и стали двумя лагерями подъ Хотинымъ и подъ Каменцомъ. Начальниками были: въ первомъ лагерѣ—Карлъ Ходкевичъ, а во второмъ—королевичъ Владиславъ (впослѣдствіи король Владиславъ IV). Гундуличъ, однако, ни словомъ не упоминаетъ объ отдѣльной позиціи Владислава, который, кромѣ того, является у него главнокомандующимъ Поляковъ: къ нему онъ обращается, какъ къ герою хотинскаго похода, его изображаетъ съ полководческимъ жезломъ въ рукѣ; а про Ходкевича [1]) только говоритъ, что „король и сенатъ пожаловали его высокимъ званіемъ въ своей рати" [2]).—Помимо того, что Гундуличъ преувеличиваетъ значеніе Владислава, какъ полководца, онъ заставляетъ его отличаться въ битвѣ личною храбростью, всю даже побѣду объявляетъ дѣломъ его рукъ [3]); чему при его необычайной доблести нечего и удивляться: „королевичъ среди безжалостнаго боя оказывается первымъ, въ потопѣ крови сверкаетъ огненнымъ перуномъ. Поворачивается онъ и кружится, прорубая по затору просторанный путь, тонкимъ копьемъ поражаетъ сердца, острымъ мечомъ коситъ жизни. Всѣ сабли соединяются противъ него—онъ всѣхъ встрѣчаетъ, со всѣми борется: коней, воиновъ, знамена и оружіе онъ сокрушаетъ, ломаетъ, разбиваетъ и разрубаетъ. Смотри, какъ онъ безъ устали кидается туда и сюда,—подъ нимъ горы труповъ, повсюду онъ преслѣдуетъ бѣ-

---

[1]) Въ академическомъ изданіи Османа, Карлъ Ходкевичъ называется то *Карломъ Хотіевичемъ*, то *Иваномъ Котковичемъ*. Мнѣ кажется, что это имя, конечно, хорошо знакомое Гундуличу, издателю слѣдовало бы писать правильно, и, во всякомъ случаѣ, однообразно, хотя бы на перекоръ всѣмъ рукописямъ. Но и приводимыя Павичемъ рукописныя формы (Kotković, Kodković, Kodkijević, Hotijević, Hotević) прямо указываютъ на первоначальное начертаніе Hodkiević, принятое въ прежнихъ загребскихъ изданіяхъ.

[2]) XI, 87; 93. Этимъ двумъ строфамъ не противорѣчитъ и 23-яя строфа X-ой пѣсни, противорѣчащая самой себѣ, т. к. по ней „королевичу король вручилъ жезлъ верховнаго вождя, а Карлу Ходкевичу далъ титулъ (ime) вождя надъ вождями". Впрочемъ, въ III-ьей пѣсни говорится, что Владиславъ побѣдилъ Османа „съ храбрецами, начальникомъ которыхъ былъ Ходкевичъ (III, 60); хотя и это выраженіе далеко не ясно.

[3]) IV, 16.

гущихъ Турокъ“ [1]). Итакъ, у Гундулича, Владиславъ въ хотинскомъ бою совершаетъ великіе подвиги; но Исторія говоритъ, что онъ захворалъ въ походѣ и всю кампанію пролежалъ въ постели, одержимый тяжкою болѣзнію [2]).

Относительно поддержки Поляковъ иноземными государями, о коихъ Гундуличъ говоритъ, что „и они поднимаются, на помощь имъ съ воеводами и ратниками“ [3]), надо сказать, что, по показанію Собѣскаго [4]), одинъ папа обѣщалъ денежную поддержку, да англійскій король Яковъ — отрядъ войска, и ни тотъ, ни другой, вслѣдствіе быстраго окончанія войны, не успѣли исполнить свое обѣщаніе. Цинкейзенъ, ссылаясь на доне-

---

[1])
Usried boja nesmiljena
kraljević se gleda prvi,
gdi u slici triesa ognjena
u potopu sja od krvi.
U okoliš se vrti i vije,
put prostrani sried tieskote,
vitiem kopjem srca bije,
britkiem mačem žnje živote.
Svačia sablja nanj se sdruža;
on svieh srieta, svieh zatieče:
konje, ljude, stiege, oružja
krši, lomi, hrve, sieče.
Bez pokoja, bez umora
siemo tamo teć ga vidi:
mrtaca je pod njim gora,
svud biegući Turke slidi. XI, 119—122.

[2]) in gravem ac periculosum inciderat morbum, quo plurimum conflictatus & cum summâ etiam animi aegritudine, durante illa expeditione lecto affixus in castris decumberat (Commentariorum Chotinensis belli libri tres auctore Jacobo Sobieski, in ea expeditione ex Ordine equestri Commissario postverò Castellano Cracoviensi. Opus Posthumum. Dantisci MDCXXXVI. Lib. II, pag. 70). О болѣзни Владислава говоритъ и Кобержицкій, называя ее лихорадкою (Historia Vladislai Poloniae et Sueciae principis ejus Natales et Infantiam, Electionem in Magnum Moscoviae Ducem, Bella Moscovitica, Turcica caeterasque res gestas continens, usque ad excessum Sigismundi III Poloniae Sueciaeque Regis. Auctore Stanislao a Kobierzycko Kobierzickj, Castellano Gedanensi & c. & c. & c. Dantisci 1655. Lib. X, pag. 767.

[3])
s vojvodami i vitezi
na njih pomoć i oni ustaju. X, 21 (=XI, 11).

[4]) Sobieski, pag. 18.

сенія тогдашняго англійскаго посланника при Портѣ, Томаса Ро, говоритъ о 8000-ахъ пѣхотинцевъ, присланныхъ германскимъ императоромъ Фердинандомъ II [1]). И у самого Гундулича, въ перечисленіи польской рати, оказывается всего одинъ союзническій отрядъ. Отрядъ этотъ—именно императорскій: онъ состоитъ подъ начальствомъ графа „Альтганскаго" [2]); а въ это время какъ разъ упоминается, въ Моравіи, о графахъ Альтганахъ [3]).

Что касается Османова войска, то оно, въ самомъ дѣлѣ, было громадное, т. к. состояло изъ 300,000-чъ человѣкъ, а по другимъ, преувеличеннымъ извѣстіямъ, даже изъ 600,000-чъ [4]). Однако, у Гундулича ихъ оказывается еще больше: сложивъ только приведенныя у него цифры, мы получаемъ 381,000 человѣкъ; но къ нимъ слѣдуетъ еще прибавить полкъ „деліевъ", и отрядъ будинскаго паши, а главное—войска Абаса, коими, подъ его главенствомъ, начальствуетъ 100 пашей и 100 беговъ, да „частое, какъ звѣзды" полчище негровъ. Какъ рать была велика, такъ великъ былъ и уронъ: Турки потеряли 80,000 человѣкъ и 100,000 лошадей.—Причиною пораженія явилось непослушаніе войскъ Османовыхъ. Ту же причину приводитъ и Гундуличъ, но у него не сказано, чтó побудило воиновъ „бѣжать, когда ихъ не гнали"—выходитъ просто, что малодушные полки Турокъ устрашились геройства своихъ противниковъ, а въ дѣйствительности они, и притомъ не даромъ, негодовали на султана, который во время похода, проявилъ чрезвычайную скупость: сначала, онъ не хотѣлъ дать воинамъ денежнаго подарка, обычнаго при первомъ выступленіи въ походъ падишаха [5]); а стоя лагеремъ на Днѣстрѣ, онъ жалѣлъ денегъ на продовольствіе рати, ужъ и такъ страдавшей отъ наступившихъ холодовъ и ненастья. Впрочемъ, о скупости

---

[1]) Johann Wilhelm Zinkeisen, Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa (Geschichte der europäischen Staaten. Herausgegeben von A. H. L. Heeren und T. A. Ukert) Theil III, S. 739. О Ро см. ниже, стр. 36, прим. 4.

[2]) XI, 106—107. Странно, что этотъ отрядъ состоитъ изъ „отборныхъ воиновъ Германіи и *Франціи*"; хотя, конечно, въ немъ могъ находится всякій наемный сбродъ.

[3]) Въ 1624 году мы встрѣчаемъ имя Адольфа Альтгана (Althan), который дѣлаетъ щедрыя пожертвованія въ пользу иглавскихъ іезуитовъ. (Wolný. Greg. Kirchliche Topographie von Mähren, meist nach Urkunden und Handschriften. II Abth. Brünner Diocöse. B. III. S. 12).

[4]) Zinkeisen, Th. III, S. 739.

[5]) ib. S. 738.

Османа у Гундулича говорится (въ ней его упрекаютъ мятежные янычары) [1]), но не сказано, что она была причиною непослушанія войска, а слѣдовательно—и пораженія Турокъ.

Относительно военныхъ подвиговъ самого Османа [2]), надо замѣтить что онъ, дѣйствительно, участвовалъ въ послѣднемъ приступѣ своихъ войскъ. Говорю о приступѣ, ибо подъ Хотинымъ происходило не открытое сраженіе, а рядъ приступовъ и вылазокъ, хотя, по Гундуличу, выходитъ не такъ: и въ V пѣсни говорится объ открытомъ сраженіи, и на стѣнахъ Сигизмундова покоя изображено сраженіе [3]); что жъ касается приступовъ, то упомянуто только объ одномъ, при коемъ погибъ Магометъ Каракашъ [4]). О расположеніи войскъ, у Гундулича, не стану распространяться,—и потому, что историческія источники [5]) не представляютъ о томъ ясныхъ и подробныхъ данныхъ, и потому, что это предметъ не особенно важный и интересный. Главнѣйшіе военачальники Турокъ являются и у нашего поэта, какъ то: великій визирь Хусеинъ; смѣнившій его впослѣдствіи Дилаверъ; будинскій паша Магометъ Каракашъ; начальникъ янычаръ Али-ага и ногайскій ханъ Кантемиръ. Послѣдняго Гундуличъ по имени не называетъ, но въ точности приводитъ число его татаръ (300,000) [6]).

---

[1]) Osm. XVI, 22, 27, 30.

[2]) I, 58; II, 101 и др.

[3]) V, 105—109; XI, 32; 112—124.

[4]) IV, 47—56.

[5]) Кромѣ Собѣскаго и Кобержицкаго, подробное повѣствованіе о хотинской компаніи и предшествовавшихъ ей событіяхъ можно найти у Петриція, въ его сочиненіяхъ: *Historia rerum in Polonia gestarum anno MDCXX* recens in Academia Cracoviensi annuatim ad serae tantum posteritatis memoriam scribi instituta, nunc tamen permissu Superiorum edita. Authore Joanne Innocente Petricio, Medicinae et Philosophiae doctore ac publico ejusdem in Academia Cracoviensi Professore. Cracoviae.—*Joanni Innocentis Petricii rerum in Polonia ac praecipue belli cum Osmano Turcarum Imperatore gesti finitique historia anno MDCXX* & *MDCXXI.* Cracoviae MDCXXXVII. Начало второго сочиненія представляетъ дословное повтореніе перваго.

[6]) IV, 114. Zinkeisen Th. III. S. 739. Впрочемъ, въ академическомъ изданіи мы находимъ имя хана, и соотвѣтствующіе стихи (453—454) въ немъ читаются слѣдующимъ образомъ:

Nut' Jemira mjesto koje
prekopskoga zdrža cara,

вм. Nu zamieri и т. д. Мнѣ кажется, что чтеніе Павича неудобно, 1) потому, что оно рядомъ съ вѣрною числовою данною ставитъ невѣрное имя и 2) потому, что оно междометіе nuti (вотъ) сочиняетъ съ винительнымъ падежомъ,

Вѣрно разсказана и смерть Каракаша: великій визирь нарочно послалъ его противъ Поляковъ, съ ничтожнымъ отрядомъ, желая избавиться отъ опаснаго соперника, котораго уже прочили, на его мѣсто, въ великіе визири [1]). Но именно за поступокъ его съ Магометомъ-пашою, Хусеина разжаловали въ простые визири и замѣнили Дилаверомъ. Гундуличъ—очевидно, не желая внести противорѣчіе въ благородный характеръ своего Хусеина—умалчиваетъ о поступкѣ его съ Магометомъ, который приписываетъ просто завистникамъ послѣдняго, не называя ихъ по имени: у него, Дилаверъ отличился въ хотинскомъ сраженіи и спасъ жизнь самому султану, за что его и поставили на мѣсто ничѣмъ не отличившагося Хусеина [2]). Эта заслуга Дилавера чистѣйшій вымыслъ стихотворца.

Чтобы покончить съ хотинскимъ походомъ, надо еще замѣтить, что Гундуличъ могъ имѣть весьма точныя свѣдѣнія объ этомъ походѣ: принадлежа къ высшимъ правительственнымъ лицамъ, онъ, навѣрно, узналъ многое отъ дубровницкихъ пословъ, ходившихъ къ Осману, во время его стоянки подъ Хотинымъ; а тѣ, конечно, не преминули развѣдать все, что можно было развѣдать, и довести до свѣдѣнія сената [3]).

Потерпѣвши ужасное пораженіе подъ Хотинымъ, султанъ рѣшается устранить причины его и задумываетъ преобразовать свои войска. Объ этихъ замыслахъ юнаго государя и о происшедшемъ, вслѣдствіе ихъ, мятежѣ имѣются два разсказа: одинъ принадлежитъ тогдашнему англійскому посланнику при Портѣ, Томасу Ро [4]), другой—неизвѣстному турецкому автору; послѣдній переведенъ на Французскій языкъ Антуаномъ Галландомъ [5]). Къ сожалѣнію, донесеніями англійскаго дипломата я не могъ пользоваться: данныя изъ него заимствую у Цинкейзена [6]). Разсказъ

вмѣсто родительнаго. Я предпочитаю старое чтеніе zamieri (посмотри, взгляни): если въ подлинникѣ стояло zamiri (i=ie=ѣ), то описка въ одной буквѣ могла привести къ безсмысленному чтенію jamiri и къ насильственной передѣлкѣ его въ Jemira, Emira.

[1]) Если разсказъ о гибели Каракаша можно назвать историческимъ, то, конечно, за исключеніемъ участія въ немъ Владислава. См. выше, стр. 33.

[2]) I, 88—89; IV, 78—79.

[3]) Appendini, Notizie, Tomo I, parte II, libro II, pag. 321.

[4]) Negociations of Sir Thomas Roe in his Embassy to the Ottoman Porte from the year 1621 to 1628 inclusive. London 1740.

[5]) La Mort du Sultan Osman ou le Restablissement de Mustapha sur le throsne. Traduit d'un Manuscrit Turc, de la Bibliotheque du Roy. Par Antoine Galland, Antiquaire & Interprete des Langues Orientales. A Paris MDCLXXVIII.

[6]) Zinkeisen. Th. III, S. 744—750.

нѣмецкаго историка объ этихъ событіяхъ основанъ преимущественно на Томасѣ Ро, что видно изъ того, что Цинкейзенъ, назвавъ, какъ свои источники, Ро и Галланда, кое въ чемъ отступаетъ отъ послѣдняго, между тѣмъ какъ на Ро онъ нѣсколько разъ ссылается.

Ни тотъ, ни другой разсказъ о гибели Османа не согласенъ вполнѣ съ Гундуличевымъ изложеніемъ. По Гундуличу, планъ преобразованія янычаръ цѣликомъ принадлежалъ Осману, а, по Ро, у него была только неясная мысль о немъ, разработка же ея—дѣло Дилавера-паши. Онъ совѣтовалъ набрать въ Азіи войска (что потомъ и привелъ въ исполненіе), съ тѣмъ, чтобы султану оставить Стамбулъ, подъ предлогомъ путешествія въ Мекку, стать во главѣ этихъ силъ и, вернувшись въ столицу, уничтожить янычаръ. Галландова рукопись даже утверждаетъ, что султаномъ орудовали просто его совѣтники: главнымъ образомъ, кизларъ-ага его Сулейманъ, а также воспитатель его Умеръ-эфенди и смотритель султанскихъ дворцовъ (бостанджи-баши) Мехмедъ-ага. Умеръ-эфенди желалъ видѣть султана въ Азіи для того, чтобы, при помощи его войска, возвратить въ Мекку своего брата Абдулъ-Рахмана Карабаша и отомстить врагамъ его, отъ которыхъ онъ бѣжалъ въ Каиръ; Мехмедъ-ага былъ личный врагъ начальника янычаръ. О личныхъ видахъ Сулеймана рукопись ничего не говоритъ, но, наравнѣ съ ходжою, называетъ его низкимъ и подлымъ человѣкомъ. Ему приписываетъ она починъ въ этомъ дѣлѣ: онъ постоянно расхваливалъ передъ Османомъ каирскія войска и совѣтовалъ ему уничтожить янычаръ и набрать, вмѣсто нихъ, арабовъ и другихъ азіатцевъ. Сулейманъ и Умеръ и у нашего поэта являются довѣренными лицами Османа [1]), только о Мехмедѣ вовсе не упоминается.

У Гундулича, ходжа даетъ Осману совѣтъ, жениться на знатныхъ дѣвушкахъ, ибо низкое происхожденіе матери не можетъ не отразиться на сыновьяхъ, и указываетъ Осману на то, что нѣкоторые изъ предковъ его были женаты на греческихъ и сербскихъ царевнахъ и что его собственная мать была русская княжна. Получалъ ли Османъ такой совѣтъ, неизвѣстно, да и мало вѣроятно; но Гундуличъ вѣренъ исторіи, когда говоритъ, что султанъ взялъ въ жены знатныхъ дѣвушекъ, въ чемъ, между прочимъ, упрекаютъ его мятежники: юный султанъ, дѣйствительно, женился на двухъ знатныхъ турчанкахъ, что было противно установившемуся у Османлисовъ обычаю и возбудило неудовольствіе; впрочемъ, у

---

[1]) Въ Гундуличевой поэмѣ Сулейманъ и Умеръ по имени не называются: говорится постоянно о кизларъ-агѣ и о ходжѣ.

Гундулича упоминается не о двухъ женахъ, а о трехъ [1]). Что касается браковъ султановъ съ европейскими принцессами, то таковые, какъ извѣстно, дѣйствительно заключались: Урханъ былъ сперва женатъ на Маріи, дочери Андроника Палеолога, а потомъ на дочери Кантакузина; Мурадъ I взялъ въ жены сербскую (по другимъ болгарскую) царевну, а сыновей своихъ женилъ на византійскихъ принцессахъ и т. д. [2]). Но, чтобы мать Османа была русская княжна, объ этомъ нѣтъ никакихъ извѣстій, а „происходить отъ русскихъ царей и быть дочерью Могилевскаго князя [3])", она никакъ не могла, потому что Могилевъ въ то время принадлежалъ не Русскимъ, а Полякамъ, да и на Руси удѣльные князья были уже явленіемъ прошедшаго; притомъ, ни одинъ удѣльный князь не былъ сыномъ царя, кромѣ развѣ погибшаго ребенкомъ царевича Димитрія. Относительно царственныхъ супругъ турецкихъ властителей надо еще замѣтить, что онѣ прародительницами Османа не были: ни одна изъ нихъ не родила мужу наслѣдника. Вслѣдствіе того, онѣ не имѣли и политическаго вліянія, которое пріобрѣталось султаншами только этимъ путемъ: такое вліяніе соединено было и съ особеннымъ титуломъ султанши-хассеки; по вступленіи же сына на престолъ, мать называлась султаншею-валиде [4]). Султанша-валиде всегда была вліятельной особой, потому и Мустафина мать, ведущая у Гундулича политическія интриги, не представляетъ аномальнаго явленія. Но царскихъ дочерей, принятыхъ въ гаремъ изъ политическихъ видовъ, изъ такихъ же видовъ, такъ или иначе, не допускали до такой чести, и онѣ оставались простыми рабынями [5]).

Когда вопросъ о женитьбѣ былъ рѣшенъ, Гундуличевъ кизларъ-ага отправляется по всему государству, пріискивать красавицъ знатнаго происхожденія. Историческаго свидѣтельства объ этомъ нѣтъ, и едва-ли употреблялся такой непрактическій способъ, для пополненія султанскаго гарема, когда и такъ самыя отборныя рабыни свозились въ Стамбулъ и были къ услугамъ падишаха; къ тому же, никто не говоритъ, чтобы и всѣ одалыки Османа были знатнаго происхожденія. Впрочемъ, этотъ

---

[1]) XVI, 31; XVIII, 5. Zinkeisen, III, 743. Однако, поэтъ нашъ, вѣроятно, зналъ, что у Османа были двѣ жены, и, если онъ говоритъ о трехъ, то подъ третьею разумѣетъ, должно быть, свою Соколицу.

[2]) Zinkeisen, I, 200—201; 232; 252. Jos. v. Hammer. Constantinopolis und der Bosporos, örtlich und geschichtlich beschrieben. Band I. S. 296—270; 283—284; 269.

[3]) II, 82.

[4]) Эти порядки продолжаются и понынѣ.

[5]) Hammer. Constantinopolis, B. I, S. 300.

эпизодъ имѣетъ достоинство поэтическое, такъ какъ подаетъ автору поводъ къ изображенію турецкаго произвола, тяготѣющаго надъ христіанами.

Кизларъ-ага, у Гундулича, совѣтуетъ Осману заключить миръ съ Поляками, вслѣдствіе чего въ Польшу отправляютъ Али-пашу. Но ни о какомъ Али-пашѣ и посольствѣ въ Польшу, при Османѣ, историки не упоминаютъ—оно, должно быть, вымышлено для большаго возвеличенія Польши, окончательный миръ съ которой былъ заключенъ уже по смерти Османа [1]); хотя въ предварительномъ договорѣ, заключенномъ на полѣ битвы, дѣйствительно предполагался, въ скоромъ времени, обмѣнъ пословъ для окончательнаго установленія мира [2]).

Третій приближонный Османа, Дилаверъ, совѣтуетъ ему перебить, до отъѣзда въ Азію, своихъ родственниковъ. Такой поступокъ, какъ онъ намъ ни кажется ужаснымъ, былъ издавна установившимся обычаемъ у оттоманскихъ владыкъ, коему положилъ начало Баязидъ I (1389—1402), велѣвши, при вступленіи на престолъ, задушить своего брата Якуба [3]). Что Османовъ отецъ Ахметъ [4]) оставилъ въ живыхъ брата своего Мустафу, это исключеніе, вызванное должно быть тѣмъ, что онъ его, какъ полоумнаго, не опасался. Османъ отклоняетъ совѣтъ своего визиря, и дѣйствительно мы знаемъ, что малолѣтніе братья его остались въ живыхъ, а старшій изъ нихъ, Мурадъ [5]), сдѣлался впослѣдствіи султаномъ, четвертымъ того имени [6]).

Отъ поѣздки въ Азію совѣтники Османа не отговариваютъ, и къ ней втайнѣ дѣлаются приготовленія; впрочемъ, цѣлью ея у Гундулича является не совершенное уничтоженіе янычаръ, а преобразованіе и обновленіе этого корпуса, черезъ присоединеніе къ нему свѣжихъ и воинственныхъ азіатскихъ элементовъ. Однако, вѣсть о сборахъ султана и о намѣреніяхъ его, несмотря на всѣ предосторожности, разнеслась по городу; откуда пошла такая молва, поэтъ не говоритъ,—просто ничего де нельзя утаить вполнѣ. Но по показанію Ро, самому султану случалось

---

[1]) Въ 1623 году. Zinkeisen, Th. III, S. 760.

[2]) Sobieski, lib. III, pag. 187.

[3]) Zinkeisen, Th. I, S. 270; Hammer, Constantinopolis, B. I, S. 301.

[4]) Ахметъ, или Ахматъ: самъ Гундуличъ пишетъ, ради риѳмы, въ этомъ имени то е (нпр. I, 10), то а (нпр. XX, 11).—Вообще, всѣ почти турецкія имена пишутся, у Европейцевъ, на нѣсколько ладовъ, и, чтобы разобрать, которое написаніе правильнѣе, надо бы быть оріенталистомъ.

[5]) Мурадъ, а не Амуратъ, по словамъ Галланда, есть правильная форма этого имени (примѣчаніе къ 200-ой страницѣ).

[6]) Zinkeisen, Th. III, S. 762; Galland, p. 200.

проговариваться, что онъ вскорѣ будетъ въ состояніи наказать малодушныхъ янычаръ; къ тому же самая громадность приготовленій—снаряженіе флота во сто кораблей, сплавка всѣхъ почти золотыхъ и серебряныхъ вещей, даже священныхъ сосудовъ изъ мечетей—заронила въ душу воиновъ зерно подозрѣнія [1]). Дѣйствительно, трудно было вѣрить оффиціальному объявленію, по которому всѣ эти приготовленія дѣлались для усмиренія какихъ-нибудь Ливанскихъ друзовъ [2])!

Начинается волненіе. Воины пошли перебирать всѣ прежніе проступки государевы: одинъ жалуется на то, что у него отняты вотчины, справедливая плата за долгую и вѣрную службу; другой негодуетъ изъ-за перенесенныхъ, на публичной площади, батоговъ; третій вспоминаетъ, какъ принесъ султану голову одного непріятеля и, вмѣсто награды, получилъ насмѣшливый отвѣтъ: не убей де ты его—онъ бы тебя убилъ. Обвиняютъ государя и въ тайныхъ ночныхъ обходахъ Стамбула, которыми онъ мѣшаетъ солдатскимъ пирушкамъ; ропщутъ на плату жалованія нехорошею монетою; указываютъ на незаконность Османова брака. Наконецъ, кто-то прямо призываетъ товарищей къ возстанію,—одинъ воинъ обнажаетъ саблю, и мятежники, подходя подъ нее, одинъ за другимъ клянутся въ вѣрности общему дѣлу. Али-ага напрасно уговариваетъ ихъ и настаиваетъ на томъ, что поставленный Богомъ падишахъ воленъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ—ему приходится удалиться. Вслѣдъ ему кричатъ, что возстаніе направлено собственно не противъ падишаха, а противъ дурныхъ его совѣтниковъ; что же касается предводительства, то они и безъ аги обойдутся, и въ уходящаго вождя пускаютъ тучу стрѣлъ, которыя впрочемъ не попадаютъ въ цѣль. Затѣмъ бунтовщики повалили на площадь передъ Софійскою мечетью, и громкими криками стали требовать выдачи великаго визиря, султанова наставника и начальника евнуховъ; съ тѣми-же требованіями они посылаютъ къ Осману одну духовную особу. Султанъ отвѣчаетъ просто повелѣніемъ разойтись, не подозрѣвая къ какимъ это можетъ повести пагубнымъ послѣдствіямъ; впрочемъ, на этотъ день дѣло тѣмъ и кончилось [3]). Ночью Османъ созываетъ

---

[1]) This (сплавка драгоцѣнностей) gave the first suspicion, which was confirmed by divers unadvised words lett fall by the king of disdain against the cowardice of the Janizeries and that he would schortly find himself soldiours hat should whipp them. Roe, pag. 49.

[2]) Эмира Друзовъ, Фахреддина, Гундуличъ по имени не называетъ, а зоветъ его эмиромъ сидонскимъ (I, 93), потому что въ землѣ ихъ, въ древности, лежалъ знаменитый Сидонъ.

[3]) Pjev. XVI.

совѣтъ, но совѣтникамъ не удается склонить его ни къ рѣшительнымъ мѣрамъ, ни къ уступкамъ; а, между тѣмъ, мать Мустафина побудила своего зятя стать во главѣ возстанія и направить его противъ самого Османа [1]).—На другой день, мятежники опять сходятся и призвавши важнѣйшія духовныя лица, спрашиваютъ у нихъ, въ правѣ ли султанъ перенести столицу въ другой городъ и въ правѣ ли онъ жениться, вмѣсто того, чтобы содержать однѣхъ рабынь; на что получаютъ отрицательный отвѣтъ. Послѣ этого, рѣчь Даута, призывающаго къ возстанію противъ падишаха находитъ всеобщее сочувствіе. Мятежное полчище идетъ сперва на дворецъ Дилаверовъ, но оттуда его отбиваютъ [2]); затѣмъ оно кинулось на самый сераль и, перебивши привратниковъ, овладѣваетъ имъ, причемъ, впрочемъ, Османъ успѣлъ скрыться. Послѣ такого успѣха мятежниковъ, султанъ рѣшается вступить съ ними въ переговоры и посылаетъ къ нимъ кизларъ-агу и одного изъ визирей, которыхъ, однако, и не выслушавши ихъ, убиваютъ. Потомъ освобождаютъ изъ заключенія Мустафу, но дальнѣйшія дѣйствія пріостанавливаются наступленіемъ ночи. Осману, пользуясь темнотою, удается пробраться къ Али-агѣ, и послѣдній, будучи посланъ имъ къ бунтовщикамъ, погибаетъ; та-же участь постигаетъ и Хусеина-пашу. Убили, къ тому времени, и Дилавера, настигши его на пути въ Азію, и тѣло его, вмѣстѣ съ прочими, бросили на Хатмейданъ. Наконецъ, отыскали самого Османа и ведутъ его, по приказанію Мустафы, въ Семибашенный замокъ; но, на пути туда, Даутъ приноситъ повелѣніе умертвить несчастнаго, что̀ и приводится въ исполненіе [3]).

Разсказъ этотъ, въ общихъ чертахъ, сходится съ изложеніемъ мятежа у Ро и въ Галландовой рукописи. Сходится онъ съ ними и въ нѣкоторыхъ частностяхъ: такъ, ага янычаръ, дѣйствительно, былъ противникомъ мятежа, но не былъ въ состояніи унять своихъ воиновъ, и тѣ прогнали его каменьями (не стрѣлами, какъ у Гундулича); вѣрно и то, что Хусеинъ-паша предлагалъ принести хоть себя въ жертву, если этимъ можно будетъ удовлетворить бунтовщиковъ; трупы убитыхъ были брошены, именно, на Хатмейданъ; правда и то̀, что Османъ нерѣдко, переодѣтый, заходилъ въ частные дома и въ кабаки, наблюдая за без-

---

[1]) Pjev. XVII.

[2]) Pjev. XVIII.

[3]) Pjev. XIX—XX.—Для удобства сравненія, здѣсь вкратцѣ повторено повѣствованіе Гундулича о мятежѣ янычаръ, а нѣкоторыя обстоятельства, опущенныя при пересказѣ поэмы, изложены подробнѣе.

покойными солдатами [1]).—Однако, во многомъ Гундуличъ отступаетъ отъ историческихъ извѣстій. Бунтъ у него продолжается три дня, вмѣсто четырехъ [2]); опущено участіе народа въ этихъ событіяхъ: народъ заперъ ворота сераля, въ которыя собирались вынести султанское знамя, и помѣшалъ выносу его [3]); не упомянуто о нѣсколькихъ переходахъ мятежниковъ изъ одной части города въ другую; ни—объ одномъ придворномъ, посланномъ къ нимъ Дилаверомъ, въ самомъ началѣ мятежа, но прогнанномъ каменьями. Есть и болѣе важныя отступленія: мятежники, уже съ самаго начала, являются вооруженными—присягаютъ, подходя подъ саблю, машутъ оружіемъ и стрѣляютъ по своему начальнику, чтó невѣрно, т. к. они взялись за оружіе только на второй день. Дѣло въ томъ, что янычары и спахіи, какъ это намъ ни кажется страннымъ, носили оружіе только на войнѣ и въ дорогѣ [4]). Невѣрно разсказано и движеніе бунтовщиковъ къ Дилаверову дворцу: они ходили туда, но не имѣя при себѣ оружія, съ тѣмъ, чтобы просить визиря склонить Османа къ выдачи ходжи и кизларъ-аги и къ оставленію замысловъ противъ янычаръ; но, будучи встрѣчены выстрѣлами, они, потерявъ нѣсколько человѣкъ, удалились. Притомъ, только этотъ случай побудилъ ихъ требовать впослѣдствіи и Дилаверовой головы. Никакого приступа ко дворцу визиря и геройской обороны не было. Что касается выдачи сановниковъ, то у Гундулича, кромѣ Дилавера, требуютъ только Сулеймана и Умера, и не упомянуто о трехъ другихъ лицахъ: о константинопольскомъ губернаторѣ Ахмедѣ-пашѣ, о казначеѣ Баки-пашѣ и о Насухѣ-агѣ. Изъ послѣднихъ, Баки возбудилъ противъ себя неудовольствіе воиновъ уплатою имъ жалованія невѣрною и ржавою монетою [5]). Впрочемъ, о такой урѣзкѣ жалованія упоминаетъ и Гундуличъ [6]).—Относительно смерти Дилавера-паши, надо замѣтить, что визирь не погибъ на пути къ морю, сражаясь съ мятежниками, а былъ выданъ имъ на растерзаніе, вмѣстѣ съ кизларъ-агою; чтó, однако, сдѣлали поздно, когда Мустафа уже былъ отысканъ и объявленъ султаномъ.

---

[1]) His haunting the streets on foot, sometimes disguised with a page or two, preying into houses and tavernes like a petty officer, increaseth his contempt even in the city. Roe, pag. 20.

[2]) ces quatres jours. Galland. pag. 174.

[3]) Подробности мятежа беру, преимущественно изъ Галландовой рукописи: Цинкейзеновъ пересказъ въ частности не входитъ.

[4]) Galland, прим. къ 30 стран.

[5]) Galland, p. 61.

[6]) XVI, 30.

Возстановленіе Мустафы на престолъ, у Гундулича, выставляется дѣломъ его матери и зятя; но, собственно, неизвѣстно, кто первый заговорилъ о немъ: когда мятежное полчище толпилось на дворѣ сераля, вдругъ раздался среди него чей-то голосъ и громко заявилъ, что воины, во имя закона, требуютъ въ султаны Мустафу-хана [1]); другіе подхватили эти слова и кинулись отыскивать своего избранника. Конечно, за такое искаженіе фактовъ, Гундулича, какъ поэта, слѣдуетъ хвалить, а не порицать: благодаря ему, катастрофа является естественнымъ слѣдствіемъ предшествующихъ обстоятельствъ—Османъ, не принявшій мѣръ, чтобы обезопасить себя отъ Даута и отъ тещи его, черезъ этихъ честолюбцевъ лишается престола и жизни. Кромѣ того, даже весьма вѣроятно, что голосъ за возстановленіе Мустафы былъ возбужденъ именно этими лицами.—Тутъ-же, по поводу освобожденія низложеннаго султана, вспомнимъ о мѣстѣ заключенія этого несчастнаго: онъ томился не „въ глубокой ямѣ, среди султанскаго звѣринца", да такого звѣринца, кажется, и не существовало [2]), а въ самомъ дворцѣ, рядомъ съ гаремомъ [3]).

Борьбы съ царскими привратниками и страшнаго избіенія ихъ, о коемъ говоритъ поэтъ нашъ, не было: мятежники, безо всякихъ препятствій, проникли на первый серальскій дворъ и, простоявъ тамъ нѣкоторое время, перебрались на второй, а затѣмъ и на третій, и тутъ только нѣсколько евнуховъ стали стрѣлять по нимъ изъ луковъ.

Касательно спроса духовныхъ особъ о виновности Османа, надо замѣтить, что бунтовщики, дѣйствительно, обращались къ такой особѣ (только къ одной), а именно, къ муфтію Ассаду-эффенди, и тотъ прислалъ имъ письменный отвѣтъ—фетву [4]). Притомъ, спрашивали не о виновности

---

[1]) une voix se fist distinguer des autres, sans qu'on pust connoitre de qui elle venoit, & qui cria hautement au milieu de la foule: Nous demandons par la Loy le Sultan Mustapha-Kan. On n'a jamais pû découvrir qui fust l'autheur de cette demande. Galland, p. 84.

[2]) Гаммеръ, въ своей неразъ уже цитованной монографіи о Стамбулѣ и окрестностяхъ его, не упоминаетъ о „пустырѣ, лежащемъ на краю царскихъ садовъ, гдѣ находится множество звѣрей, присылаемыхъ султану со всѣхъ концовъ свѣта" (Osm. XIX, 210) и поросшемъ густымъ и обширнымъ лѣсомъ (ib. 212—213); между тѣмъ, у него есть даже особая глава о лѣсахъ. Constant. B. I, S. 29. Притомъ надо замѣтить, что Гаммеръ говоритъ не только о теперешнемъ Константинополѣ, но и о прошломъ этого города.

[3]) О мѣстѣ заключенія Мустафы и объ освобожденіи его см. Galland, p. 85.

[4]) Фетва, по-арабски, значитъ объясненіе: этимъ словомъ, у Турокъ, называются письменныя рѣшенія муфтія, высшаго духовнаго лица. Рѣшенія эти

самого Османа, а о томъ, чего заслужили его совѣтники, которые де обманули государя; на что они получили отвѣтъ, что — мучительнѣйшей казни [1]). Далѣе, Яхія-эфенди, котораго, у Гундулича, мятежники посылаютъ со своими требованіями къ Осману, въ самомъ дѣлѣ, ходилъ съ такимъ порученіемъ въ сераль, но—не одинъ, а вмѣстѣ съ муфтіемъ и съ другими духовными лицами. Эти же лица, по выдачѣ Дилавера и Сулеймана, стали унимать воиновъ и убѣждать ихъ оставить Мустафу, но безуспѣшно; обстоятельство это—которое, конечно, было бы лишнимъ эпизодомъ—опущено нашимъ поэтомъ.

Разсказъ Гундулича объ умерщвленіи Османа нѣсколько расходится съ историческими свидѣтельствами: юношу убили не на пути къ Семибашенному замку, а въ самомъ замкѣ; впрочемъ, тотчасъ по прибытіи туда; руководилъ же этимъ дѣломъ, дѣйствительно, Даутъ-паша. Относительно рода Османовой смерти, Ро и Галландова рукопись даютъ различныя показанія, но ни то, ни другое не сходится вполнѣ съ изложеніемъ Гундулича: турецкій анонимъ утверждаетъ, что „Даутъ заставилъ Османа перенести всѣ ужасы, какіе только можетъ изобрѣсти ярость, пронзилъ его тысячами кинжальныхъ ударовъ и, наконецъ, лишилъ жизни [2])“; а Ро, болѣе приближаясь къ Гундуличу, говоритъ, что „какой-то силачъ ударилъ Османа по головѣ сѣкирою и затѣмъ, вскочивъ на него, задушилъ его, съ величайшимъ трудомъ“ [3]).

Кончая теперь историческій разборъ главнаго содержанія поэмы, не будетъ неумѣстно бросить еще взглядъ на характеръ главнѣйшихъ

даются только въ отвѣтъ на предложенные вопросы, преимущественно по апеляціоннымъ дѣламъ; но, т. к. они считаются священными и непреложными, то всегда имѣли важное значеніе, и муфтій, хотя онъ не облеченъ исполнительной властью, пользуется громаднымъ вліяніемъ, простирающимся на всѣ области судопроизводства и государственнаго управленія. Самъ падишахъ не можетъ отмѣнить рѣшеній муфтія; впрочемъ, эти рѣшенія его рѣдко когда стѣсняли, а, большею частью, клонились въ его пользу: сообразуясь съ волею султана, муфтій своимъ духовнымъ авторитетомъ освящалъ правительственныя распоряженія. Zinkeisen, Th. III, S. 336—338; Galland, прим. къ 31 стр.; Marcantonio Barbaro, Relazione dell'Impero Ottomano (1573 года), pag. 323. (Relazioni degli ambasciatori Veneti al Senato, raccolte, annotate ed edite da Eugenio Albèri. Serie III, vol. II); Domenico Trevisano, ib. pag. 122.

[1]) Galland. p. 31.

[2]) Daut.... luy fait souffrir tout ce que la rage peut inventer de plus cruel, le perce de mille coups de poignard & lui arrache enfin la vie. Galland, p. 174.

[3]) A strong knave stroke him on the head with a battle axe and the rest, leaping upon him, strangled him with much adoe. Roe, p. 47.

дѣйствующихъ лицъ: какими они являются у Гундулича и какими обрисовываются въ Исторіи.

Османъ нашего поэта—юноша пылкій, храбрый, честолюбивый и сознающій свое высокое призваніе, въ качествѣ падишаха [1]); къ тому у него есть правительственныя дарованія: его планъ переустройства янычаръ истинно великая мысль [2]). Христіанамъ онъ отъявленный врагъ. Тѣ-же черты находимъ и въ изображеніи юнаго государя у Томаса Ро: „Османъ былъ юноша высокаго духа, великой отваги и смертельнѣйшій врагъ христіанъ; завидовалъ онъ славѣ своихъ предшественниковъ и собирался совершить великія дѣла, чтобы помрачить ихъ всѣхъ своею славою [3])“.— Кстати сказать, Османъ II, изо всѣхъ своихъ предковъ, особенно почиталъ Сулеймана Великаго (1520—1566), коему подражалъ и во внѣшности — онъ облекался, въ походѣ, въ ту-же самую кольчугу, которую носилъ этотъ славный государь [4]). И у Гундулича Османъ называетъ своимъ образцомъ великаго Сулеймана [5]).—И дурныя стороны Османова нрава, какъ опрометчивость и чрезмѣрная самонадѣянность, выставлены у нашего поэта: потерпѣвъ, только что, жестокое пораженіе отъ Поляковъ, онъ мечтаетъ о завоеваніи всего міра; совѣты приближонныхъ онъ обыкновенно отклоняетъ. И, дѣйствительно, султанъ замышлялъ походъ на Германскаго императора, между тѣмъ какъ янычары громко заявляли, что государь можетъ идти, куда ему угодно, но что никто за нимъ не послѣдуетъ [6]). Не забыта и наименѣе привлекательная черта Османа—скупость, хотя она мало выступаетъ впередъ: въ ней упрекаютъ его мятежные янычары, и Али-ага можетъ оправдывать его только тѣмъ, что падишахъ воленъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

---

[1]) Совсѣмъ иную характеристику Османа вывелъ изъ нашей поэмы Ржонжевскій (Ian Gundulicz i poemat jego Osman).

[2]) Про планъ этотъ Томасъ Ро, приписывающій его, впрочемъ, Дилаверу, говоритъ: Certainly this was a brave and well-grounded designe and of great consequence for the renewing of this decayed empire, p. 44.

[3]) Osman was a youth of great and haughty spirit very coragious a most mortal hater of the christians, envious of the glory of his auncestors, having designed great things, and ambitious to advance his name higher then any of theirs. Roe, p. 43.

[4]) Veste una maglia, che S. Solimano era solito di usar in guerra, delle cui azioni si professa gran imitatore. Zinkeisen, Th. III, S. 739 (по венеціанскому донесенію, выписанному Гаммеромъ).

[5]) Osm. I, 76.

[6]) They did almost publicquely profess, they neither could nor would follow him. Roe, p. 13.

Теперь нѣсколько словъ о Дилаверѣ-пашѣ. Дилаверъ выставленъ благоразумнымъ, предпріимчивымъ и рѣшительнымъ человѣкомъ, не чуждымъ притомъ и нѣжныхъ чувствованій: вспомнимъ его опасенія насчетъ замысловъ Мустафиной матери, попытку его поправить Османовы дѣла, призывомъ азіатскихъ войскъ, и его отношенія къ Бегумѣ. Хотя все это вымыслы поэта, но въ нихъ проявляется такой же характеръ, какой, дѣйствительно, приписываютъ Дилаверу историки: Цинкейзенъ, основываясь, очевидно, на Ро, хвалитъ визиря, какъ государственнаго дѣятеля [1]), а Собѣскій называетъ его чрезвычайно любезнымъ, благороднымъ и прямымъ человѣкомъ [2]). Свидѣтели эти лично знали Дилавера, такъ какъ первый, въ качествѣ посланника, постоянно имѣлъ съ нимъ дѣло, а второй видѣлся съ нимъ подъ Хотинымъ, будучи однимъ изъ пословъ, заключавшихъ предварительныя условія мира.

Этими двумя набросками я и ограничусь, потомучто о другихъ лицахъ говорить нечего: иныя вымышлены поэтомъ, и разсуждать о нихъ, въ историческомъ разборѣ, неумѣстно; другіе характеры только слабо очерчены въ Османѣ, или не выступаютъ впередъ въ Исторіи. Прохожу молчаніемъ, между прочими, и Владислава, о коемъ такъ часто упоминается у Гундулича, но, по большей части, въ пышныхъ воззваніяхъ и въ лирическихъ отступленіяхъ: превозносимый похвалами королевичъ, естественно оказывается ходульнымъ героемъ, а не живою личностью.

Обращаюсь къ историческому разбору эпизодическихъ разсказовъ нашего поэта.

Тутъ встрѣчаемъ, во первыхъ, разсказъ о судьбахъ Коревскаго и невѣсты его Крунославы [3]). Разсказъ этотъ не лишенъ фактической основы: Коревскій, или, вѣрнѣе, Корецкій (Samuel Korecius, у Собѣскаго)— лицо историческое; только невѣсты-воительницы у него не было: личность Крунославы чистѣйшій вымыслъ поэта [4]). Самуилъ Корецкій, дѣй-

---

[1]) Zinkeisen, III, 744.

[2]) Sobieski L. III, p. 164—165.

[3]) Pjev. V, VI, XII.

[4]) Коревскій былъ женатъ, и жена его, какъ сказано въ словарѣ къ Осману, была дочь молдавскаго воеводы, а имени ея братья Мажураничи не могли допытаться. Ржонжевскій говоритъ, что жена Коревскаго, какъ извѣстно, была Katarzyna córka Mohyły.—Есть одно польское стихотвореніе о княгинѣ Екатеринѣ Корецкой, которое, судя по времени написанія, относится, вѣроятно, къ женѣ нашего Корецкаго (Piotr Gorczyn. Żałosnego z światem pożegnania Katerzyny Xiężny Koreckiéj wizorunek. Kr. B. Skals. 1618. 4.—Wiszniewski, Historia literatury polskiéj, T. IV, str. 143).

ствительно, ходилъ на Турокъ, помогая возмутившемуся противъ султана молдавскому намѣстнику. Этотъ намѣстникъ, Гаспаръ Граціанъ, или Граціани, призывалъ на помощь Поляковъ; но тѣ не рѣшались на войну съ Турціей, и поддерживали его только отдѣльные паны, которые предпринимали походы, независимо отъ государства. Послѣдній изъ этихъ походовъ былъ совершенъ нашимъ Корецкимъ. Шелъ онъ сначала успѣшно, но въ концѣ концовъ, Турки превосходными силами разбили пана на голову, и самъ онъ попался въ плѣнъ [1]). Будучи отведенъ въ Константинополь, Корецкій спасся бѣгствомъ и затѣмъ принялъ участіе въ походѣ Станислава Жолкевскаго, отправленнаго наконецъ, для поддержки Граціана, польскимъ правительствомъ. Однако, и это предпріятіе кончилось полною неудачею: обѣщанныхъ Граціаномъ 25,000 молдаванъ на помощь не явилось, и полякамъ, въ числѣ 5,200 [2]), пришлось бороться со 100,000-ною ратью непріятелей [3]). Къ тому присоединились волненія въ собственномъ лагерѣ и недостатокъ въ продовольствіи,—и дѣло кончилось отчаяннымъ боемъ, при Цецорѣ, гдѣ погибло множество поляковъ, въ числѣ которыхъ былъ и самъ старикъ-полководецъ, не хотѣвшій пережить свое пораженіе. Многіе другіе были захвачены непріятелемъ; между послѣдними находился и Корецкій [4]). Такимъ образомъ, Гундуличъ, заставляя Корецкаго попадаться въ плѣнъ, незадолго до хотинскаго похода, и притомъ вслѣдствіе измѣны Молдаванъ, смѣшиваетъ въ одно кампанію самого Коревскаго и цецорскую кампанію подъ Жолкевскимъ [5]). Кромѣ того, измѣна Молдаванъ ограничилась воздержаніемъ отъ поддержки поляковъ: помощи [illegible]амъ они не оказывали.

Другіе, болѣе краткіе, [illegible]орическіе разсказы, или, скорѣе, намеки разсѣяны по всей поэмѣ.

Представляя себѣ отчаяніе Османа послѣ страшнаго избіенія его войскъ, Гундуличъ вспоминаетъ о Ксерксѣ, который также велъ на враговъ несмѣтное полчище и обозрѣвая его, при переправѣ черезъ Геллеспонтъ, былъ исполненъ гордой радости; но, когда пришло ему на умъ,

---

[1]) Sobieski, lib. I, pag. 7. Petricius (Historia rerum etc.), pag. 10—11.

[2]) Petricius, ib. pag. 23 et 27.

[3]) Ib. pag. 33.

[4]) Sobieski, lib. I, pag. 14. Petricius (Rerum in Polonia), etc. pag. 51.

[5]) Впрочемъ, во II пѣсни нашей поэмы, есть нѣчто въ родѣ намека на двукратный плѣнъ Корецкаго: Османъ велитъ, какъ можно бдительнѣе, стеречь плѣнника, „чтобъ онъ впредь уже не былъ въ состояніи бѣжать“

neka u naprìed nije vrìedan
utìecati vìek... II, 124.

что черезъ сто лѣтъ не будетъ въ живыхъ ни одного изъ этой толпы, горько заплакалъ [1]). Разсказъ этотъ взятъ изъ Геродота [2]).

Заговоривъ о прекрасной Сунчаницѣ, поэтъ превозноситъ похвалами красоту, вообще, и прибавляетъ, что, если къ красотѣ присоединяется еще знатность, то сила ея усугубляется. Примѣръ тому онъ видитъ въ императорской принцессѣ, невѣстѣ Владиславовой, къ которой тутъ и обращается съ пышнымъ воззваніемъ: райская прелесть лица ея, прежде чѣмъ видомъ, воспламенила де знаменитаго Владислава своею славою; какъ на небѣ нѣтъ второго солнца, такъ на землѣ нѣтъ равной ей красавицы [3])! Эти похвалы, приторныя, въ эстетическомъ отношеніи, въ историческомъ, оказываются совершенною неправдою: Исторія не говоритъ, чтобы Фердинандова дочь была красавицею и чтобы Владиславъ женился на ней по любви, что, конечно, могло случиться, въ видѣ исключенія. Вѣрно только то, что Владиславъ IV, въ 1637 г., сочетался бракомъ съ Цециліей Ренатой, дочерью императора Фердинанда II [4]).

Въ VIII пѣсни Гундуличевой поэмы выводится старецъ Любдрагъ, потомокъ сербскихъ государей, живущій пастухомъ, среди пастуховъ. Это, разумѣется, не историческій фактъ; но невозможнаго тутъ ничего нѣтъ: по совершенномъ уничтоженіи сербскаго государства (1458), потомки деспота Юрія († 1457) разсѣялись по сосѣднимъ странамъ, упоминаются еще разъ-другой, какъ претенденты на престолъ, а потомъ пропадаютъ безъ вѣсти—кто-нибудь изъ нихъ могъ дойти и до такой крайности [5]). Любдрагъ, въ различныхъ битвахъ, лишился шести сыновей: одни „легли подъ Прагою“; другіе „сражаясь за императора, пали отъ турецкихъ сабель; третьи погибли „въ трансильванскомъ бою“. И, въ са-

---

[1]) V, 1—3.

[2]) Ἡροδότου τοῦ Ἁλικαρνασσέου Μοῦσαι Πολύμνια (VII), гл 45—46.

[3]) Rajski ures lica tvoga,
Ki moć izriet ni'e besiedom,
Vladislava prie slavnoga
Zanie glasom neg pogledom. VIII, 9.

Jedno'e sunce vrh nebesa,
Jedna'e liepos tva na sviti. VIII, 15.

[4]) Даже у панегириста Вассенберга не находимъ ни слова о красотѣ и о добродѣтеляхъ невѣсты и о любви къ ней Владислава (Gestorum gloriosissimi ac invictissimi Vladislai IV Poloniae et Sueciae regis pars secunda regem panegyrice repraesentans. Autore Everhardo Wassenbergio Embricensi. Gedani. Anno 1641. Lib. III, cap. 2., pag. 217, sq.).

[5]) Zinkeisen I, 112—117.

момъ дѣлѣ, сыновья Любдрага могли погибнуть при подобныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ, приблизительно, ко времени нашего разсказа относятся битва на Бѣлой горѣ (1620 г.), венгерская война съ Турками (1592—1606) и внутреннія смуты, въ Трансильваніи (1612)[1].

По просьбѣ кизларъ-аги, Любдрагъ разсказываетъ ему о судьбѣ своихъ предковъ: у краля Лазаря были двѣ дочери, Вукосава и Марія, которыхъ онъ выдалъ замужъ, одну—за Милоша Обылича, другую—за Вука Бранковича. У Вука и Маріи родился сынъ Юрій, который женился на Иринѣ и прижилъ съ нею дочь, соименницу бабкѣ. Дочь эта вышла за султана Мурада; но тотъ, несмотря на то, ослѣпилъ и заключилъ въ темницу ея братьевъ, Григорія и Стефана и отнялъ государство у отца ея—деспотъ и супруга его бѣжали, сперва въ Венгрію, а потомъ въ Дубровникъ. Въ этомъ разсказѣ исторично то, что у Лазаря были двѣ дочери и зятья, Милошъ Обыличъ, или Кобыличъ и Вукъ Бранковичъ, извѣстные герои косовской битвы[2]; и что отъ Вука родился деспотъ Юрій, имѣвшій жену Ирину и дочь Марію, которую выдалъ за Мурада II; но разумѣется, Гундуличъ напрасно говоритъ, что она „полюбилась" султану: отецъ самъ предложилъ ея руку м[illegible]ему владыкѣ, въ залогъ дружественныхъ отношеній. Что касается сыновей Юрія, то у поэта ихъ является всего двое, а въ Исторіи упоминается еще о третьемъ, Лазарѣ, который, впослѣдствіи, отравилъ мать свою и злоумышлялъ противъ братьевъ, чтобы избавиться отъ назначенныхъ ему отцомъ соправителей[3]. Самый разсказъ о походѣ Мурада и объ ослѣпленіи Григорія и Стефана Юрьевичей не вполнѣ вѣренъ дѣйствительности: Юрій первый нарушилъ миръ, стараясь возвратить себѣ двѣ уступленныя Туркамъ крѣпости, и тогда только Мурадъ выслалъ противъ деспота войско и разбилъ его и союзниковъ его, Венгровъ (1434 г.). Новый погромъ удалось предотвратить лишь выдачею за султана еще второй дочери, съ большею частью земли, въ видѣ приданаго. Союзъ былъ возстановленъ, и, въ 1437 г., Юрій, вмѣстѣ съ султаномъ, ходилъ войною на свою прежнюю союзницу, Венгрію. Но Мурадъ, тѣмъ не менѣе, по окончаніи этого похода, потребовалъ отъ деспота выдачи важной крѣпости Смедерева (Семендріи). Юрій не соглашался

---

[1]) Fr. Schiller, Geschichte des dreiszigjährigen Kriegs. I Theil. Zinkeisen, III, 590 & 692.

[2]) Правда, нѣкоторыя подробности косовской битвы, и, между прочимъ, личность Милоша, не вполнѣ историчны; но Гундуличъ, конечно, не могъ не считать ихъ таковыми.

[3]) Zinkeisen, II, 112. Engel, Johann Christian, Geschichte von Servien (Fortsetzung der allgemeinen Welthistorie durch eine Gesellschaft von Gelehrten in Teutschland und England angefertiget. 49 Theil, 3 Band), S. 377.

на это и не явился, по требованію Мурада, для личныхъ переговоровъ, а послалъ къ нему Григорія и Стефана, самъ же сталъ усиливать укрѣпленія Смедерева. Тогда Мурадъ заключилъ шурьевъ въ темницу. Григорію удалось бѣжать въ Смедерево; но вскорѣ онъ опять попался въ руки Мураду, который осадилъ эту крѣпость и принудилъ къ сдачѣ. Послѣ того уже братьевъ ослѣпили и бросили опять въ темницу. Отецъ ихъ, между тѣмъ, призвалъ на помощь Венгровъ; но рать ихъ понесла пораженіе, и султанъ овладѣлъ почти всею Сербіею [1]). О бѣгствѣ Юрія въ Дубровникъ Цинкейзенъ, изъ коего взято изложеніе этихъ событій, такимъ образомъ, вовсе не упоминаетъ; однако Аппендини [2]) говоритъ то-же самое, что и Гундуличъ, объясняя притомъ, что Мурадъ сулилъ Дубровчанамъ прощеніе имъ навсегда дани и, кромѣ того, земли Юрія, отъ Дрины до Котора, если они выдадутъ бѣглеца, а, въ противномъ случаѣ, грозилъ разрушеніемъ города. Но Дубровчане, по показанію Бонфинія [3]), не выдали деспота, а отправили его въ Венгрію. Мурадъ, пораженный такою доблестью, невольно воскликнулъ, что никогда не падетъ государство, гдѣ такъ свято исполняютъ свои обѣщанія, и согласился на миръ, взявши только нѣкоторую контрибуцію. Почти такъ же изложено это событіе у Энгеля [4]).

По случаю спасенія Юрія, Гундуличъ влагаетъ въ уста Любдрагу восхваленіе великаго, вольнаго Дубровника; о могуществѣ и славѣ котораго онъ упоминаетъ еще и въ другомъ мѣстѣ [5]). Но восторги Гундулича приходится признать поэтическо-патріотическою неправдою: Дубровникъ, дѣйствительно, никому подвластнымъ не считался, но его свобода была чисто призрачная. Въ 1667 г., одинъ французскій путешественникъ пишетъ, что „эта республика существуетъ только, благодаря розни своихъ сосѣдей, и платитъ дань всѣмъ государствамъ, которыхъ боится, или отъ которыхъ ожидаетъ поддержки: она данница ненавистныхъ ей Венеціанцевъ, такъ какъ нуждается въ нихъ противъ Турокъ; она платитъ дань папѣ и императору, съ тѣмъ, чтобы получать отъ нихъ вспомогательныя войска; платитъ и Испанцамъ, ибо большую часть своихъ торговыхъ дѣлъ ведетъ въ Апуліи и въ другихъ земляхъ, сосѣдящихъ съ ихъ владѣніями.... Впрочемъ, эти повинности невелики: такъ, испанскому королю посылается только небольшое число соколовъ и попугаевъ. Большей дани требуетъ султанъ: ему даютъ ежегодно 12,000 скуди, которые отвозятся

[1]) Zinkeisen, I, 577—586.

[2]) Appendini, Notizie, T.. I, p. 304.

[3]) A. Bonfinii rerum hungaricarum decades libris XLV conprehensae ab origine gentis ad annum 1495.

[4]) Engel S. 385.

[5]) Osm. III, 22.

къ нему двумя сенаторами, кои остаются затѣмъ при Портѣ, въ видѣ заложниковъ, пока на другой годъ не явятся, въ замѣнъ ихъ, новые послы [1]). О дани Дубровчанъ султану упоминаетъ также венеціанскій посланникъ Тревизано, приводя, въ числѣ доходовъ турецкой казны, и ихъ взносъ, въ 12,000 червонцевъ [2]).

Что касается до распѣваемой однимъ изъ Гундуличевыхъ пастуховъ былины, о томъ какъ „венгерецъ Янко-воевода" освободилъ осажденный султаномъ Бѣлградъ, и какъ султанъ бѣжа[illegible]дъ этого города, тяжело раненный, то эта былина излагаетъ [illegible] дѣйствительное событіе: Магометъ II, въ 1456 г., осаждалъ Бѣлградъ; на помощь городу явилось, сравнительно, ничтожное войско, подъ начальствомъ знаменитаго Яна Гуніада, опекуна молодого короля Ладислава. Это войско пробилось въ сильно тѣснимую крѣпость, отразило всѣ приступы и, сдѣлавъ вылазку, обратило въ бѣгство мусульманъ: въ послѣднемъ, отчаянномъ бою принималъ участіе самъ Магометъ и дрался съ дивною храбростью; но, получивши опасную рану, онъ былъ вынужденъ удалиться съ поля битвы и отступить изъ-подъ Бѣлграда [3]).

Въ другой былинѣ говорится о томъ, какъ сербскій деспотъ Юрій отправился просить помощи у Венгерцевъ противъ Турокъ,—какъ поднялись на его мольбы знаменитый Сибинскій банъ со всею знатью, и какъ самъ король Ладиславъ двинулся въ походъ и разбилъ Мурада, на Моравѣ. Эта пѣсня также воспѣваетъ быль: деспотъ Юрій, изгнанный изъ своихъ владѣній Мурадомъ II, молилъ о помощи польско-венгерскаго короля Владислава, и Сибинскій (Германштадтскій) банъ, т. е. герцогъ Трансильванскій (Янъ Гуніадъ), дѣятельно сталъ собирать войско, съ коимъ самъ король отправился на Мурада и разбилъ его, 3 ноября 1443 г., близъ Ниша. Впрочемъ, нѣкоторыя историческія подробности [4]) въ разсказѣ Гундулича опущены или измѣнены [5]).

---

[1]) Nouvelles relations du Levant qui contiennent plusieur remarques fort curieuses non encore observées, touchant la Religion les moeurs a la politique de divers peuples. Avec un Discour sur le commerce des Anglois & des Hollandois. Par Monsieurs P. A. A Paris MDCLXVII, pag. 29—31.

[2]) Relazione dell' impero Ottomano dal clarissimo Domenico Trevisano bailo da Costantinopoli sulla fine del 1554 (Albèri, Relazioni, Serie III, vol I., p. 149).

[3]) Zinkeisen II, 81—92.

[4]) Большихъ подробностей у Гундулича, вообще, нѣтъ, такъ какъ и эта, и прочія былины не приводятся отъ слова до слова, но излагается только вкратцѣ ихъ содержаніе.

[5]) Zinkeisen, I, 590—614. —За пораженіемъ Турокъ при Нишѣ послѣдовало другое, на снѣжныхъ вершинахъ Куновицы (въ Балканахъ), послѣ чего былъ заключенъ миръ, по которому Юрію возвратили его земли.

Третья былина повѣствуетъ о возведеніи на престолъ, изъ темницы, Матвѣя Венгерскаго и о войнахъ его съ Турками. И, дѣйствительно, Матвѣй Корвинъ сдѣлался королемъ изъ узника (въ 1458 г.): по смерти отца своего, Яна Гуніада, онъ и братъ его подверглись преслѣдованіямъ главнаго врага покойнаго, графа Ульриха Циллея, ставшаго тогда во главѣ правленія. Не безъ основанія, опасаясь за свою жизнь, старшій братъ, Ладиславъ, опередилъ Циллея и, со своими приверженцами, убилъ его самого; за этотъ поступокъ они, вмѣстѣ съ братомъ, попали въ темницу, откуда его вывели для казни, а брата для вѣнчанія на царство. Съ Турками, какъ извѣстно, Матвѣй Корвинъ воевалъ и неразъ одерживалъ верхъ надъ ними [1]).

Въ четвертой былинѣ (по порядку, она первая) поется о герцогѣ Стефанѣ, похитившемъ жену у собственнаго сына, вслѣдствіе чего тотъ принялъ магометанство, и Турки изгнали герцога изъ его владѣній. Этому разсказу находимъ подтвержденіе у Энгеля, впрочемъ, только отчасти: былъ послѣднимъ герцогомъ (правителемъ Герцоговины) Стефанъ Косаричъ, предавшійся крайнему разврату и похитившій даже невѣсту у родного сына, для удовлетворенія животныхъ страстей своихъ. Жестоко оскорбленные этимъ поступкомъ, сынъ и жена Стефана бѣжали въ Дубровникъ, и произошла война: сынъ, во главѣ дубровницкаго войска, разбилъ отца, но въ дѣло вмѣшалась Порта, и между ними состоялось примиреніе: впослѣдствіи, во время роковой борьбы съ Турками, они дѣйствовали заодно [2]).

Впрочемъ, на счетъ историчности всѣхъ четырехъ пѣсень, надо оговориться: весьма возможно, что ихъ отступленія отъ Исторіи совсѣмъ не дѣло Гундулича, и что поэтъ лишь передаетъ содержаніе, распѣвавшихся въ его время дѣйствительныхъ былинъ.

Годовщина хотинской побѣды, справляемая Поляками, въ IX пѣсни, дѣйствительно справлялась; мы узнаёмъ изъ Собѣсскаго, что папа (Григорій XV) велѣлъ праздновать, по всей Польшѣ, день Османова отступленія, 20 Октября [3]). Только, у Гундулича, вмѣсто Октября-мѣсяца, говорится о концѣ Августа (Kolovoza).

Въ описаніи статуй польскихъ государей, кое мы находимъ въ X-ой пѣсни, проявляется знакомство Гундулича съ польскою исторіею, дѣйствительною и сказочною, какъ она передается у старопольскихъ лѣтописцевъ

---

[1]) Zinkeisen II, 104.

[2]) Engel, S. 402 ff. Нѣсколько иначе это событіе изложено въ объясненіяхъ къ дубровницкому изданію Османа, 1826 года, T. II, str. 79.

[3]) Sobieski, Lib. III, pag. 197.

и историковъ, напр., у Богуфала и у Кромера. Нѣкоторыя имена' правда, пропущены у поэта (Попелы, Болеславъ II и др.), но изъ всего мѣста видно, что Гундуличъ и не имѣетъ въ виду дать полный перечень польскихъ князей и королей: дойдя, съ пропусками, до Стефана Баторія, онъ прибавляетъ, что было еще много статуй, но онѣ стояли въ сторонѣ и не такъ бросались въ глаза.

Неоднократно Гундуличъ упоминаетъ о Козакахъ и о смѣлыхъ набѣгахъ ихъ на турецкія земли [1]. И, въ самомъ дѣлѣ, такіе набѣги совершались постоянно и подавали Портѣ поводъ къ вѣчнымъ жалобамъ: Собѣсскій говоритъ, что Запорожцы занимались морскимъ разбоемъ, и опустошеніямъ ихъ подвергались важнѣйшіе порты Европы и Азіи—доходили они до самыхъ окрестностей Константинополя [2]. Поэтъ нашъ называетъ по имени и тогдашняго гетмана „Сайдачскаго“ (Sajdaczki, Сагайдачный).

Въ XX пѣсни, Османъ, стараясь разжалобить своихъ палачей, напоминаетъ имъ о славныхъ дѣяніяхъ своихъ предковъ. Мѣсто это представляетъ довольно вѣрный конспектъ Турецкой исторіи, въ которомъ, однако, опущено все, что служитъ не къ чести ея султановъ; но это, конечно, вполнѣ естественно въ устахъ Османа. Впрочемъ, есть тутъ и нѣкоторыя неточности: сынъ Орхана, взявшій Галлиполь, названъ Мушаномъ, между тѣмъ имя его было Сулейманъ; притомъ, этотъ Сулейманъ умеръ раньше своего отца и не сидѣлъ на оттоманскомъ престолѣ [3]. Гундуличъ, или источникъ, изъ коего онъ черпалъ, вѣроятно, смѣшалъ Сулеймана съ сыномъ Баязида I Мусою, который, въ смутное время, когда отецъ его былъ въ плѣну у Тамерлана, вторгся также во Ѳракію, отнимая ея у одного изъ своихъ братьевъ [4]. Далѣе, между Баязидомъ I и Магометомъ (Мехметомъ) I, упоминается о какомъ-то Чосо-челебіи, коему приписывается часть Магометовыхъ дѣяній. Правда, съ нѣкоторою натяжкою, можно допустить, что Гундуличъ все время говоритъ о Магометѣ, но называетъ его сперва по прозвищу, а потомъ по имени [5]; од-

---

[1]) Osm. X, 69—70; XI, 108—109; XVII, 29.

[2]) Sobieski, Lib. I, pag. 6.

[3]) Zinkeisen, I, 205—215.

[4]) Ib., I, 426—431.

[5]) Вотъ слова нашего поэта: съ нею (т. е. съ саблею Османовичей) Чосо-челебія, изъ-подъ никопольскихъ стѣнъ, пошелъ на короля Сигизмунда, разбилъ его, съ войскомъ, и обратилъ въ бѣгство. Съ нею грозный Магометъ сдѣлалъ своими данниками Волоховъ.

S ovom Ćoso-Čelebia
Nikopoljskieh izpod mira

нако, и прозвище Магомета было не Чосо-челеби, а Кюриджи-челеби, что значитъ борецъ, молодецъ [1]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нѣсколько географическихъ и этнографическихъ замѣчаній.

Повѣствуя о путешествіи Али-паши въ Польшу [2]) и о разъѣздахъ кизларъ-аги по Архипѣлагу и по материку Греціи [3]) поэтъ нашъ перечисляетъ разные видѣнные ими мѣстности и города и упоминаетъ вскользь о значеніи ихъ, въ настоящее и въ прежнее время.

Али-паша проѣзжаетъ разныя мѣстности, по которымъ онъ и могъ проѣхать, въ дѣйствительности [4]); но, въ описаніи его поѣздки, насъ поражаютъ три обстоятельства: сербо-болгарское преданіе объ Орфеѣ, славянскіе пѣсни о „сербѣ“ Александрѣ Великомъ и разсказъ о благословенной Добруджѣ, гдѣ пчелы въ году дважды роятся, и овцы дважды ягнятся.

Что до Орфея, то не есть-ли этотъ Орфей тотъ же Орфенъ, или Уфрѣнъ (Фоленъ, Фѫркленъ), который является въ „Славянской ведѣ“ Стефана Верковича, и не говоритъ-ли разсказъ Гундулича въ пользу подлинности этихъ пѣсень, или, по крайней мѣрѣ, въ пользу того, что онѣ основаны на народномъ преданіи Болгаръ? Не слѣдуетъ притомъ забывать, что, допустивши подлинность Верковичевыхъ пѣсень, мы вовсе не предрѣшаемъ вопроса о тождествѣ его Орфена съ Орфеемъ: златовласый и златокрылый царевичъ, младенцемъ уже играющій на волшебной свирѣли, растущій не по днямъ, а по часамъ; удалецъ въ бою и въ то-же время насаждатель культуры, заселитель пустошей, этотъ Орфенъ не слиш-

---

Kralja Šišmana iznać prija,
S vojskom razbi, pak zatira.
Ugrovlahe u vrlini
Uharače Mehmet s ovom. Osm. XX, 51—52.

[1]) Küridschi-Tschelebi d. h. der Ringer, der artige Herr (Zinkeisen I, 499). Турецкое же слово ћосо (ћоса), усвоенное въ такихъ формахъ Сербами, значитъ безбородый.

[2]) Osm. III.

[3]) Osm. VII.

[4]) Подробную географію Балканскаго полуострова можно найти у К. И. Иречка, въ началѣ его Болгарской исторіи (Dějiny národa Bulharského. Dle původních pramenův sepsal Konstantin Jos. Jireček. V Praze 1875).

комъ то и похожъ на греческаго Орфея; развѣ по имени, да по чарующему дѣйствію игры его на природу и на животныхъ. Итакъ, весьма вѣроятно, что Орфенъ—самъ по себѣ, и Орфей—самъ по себѣ, и что Верковичъ и, въ свое время, [illegible]ндуличъ были введены въ заблужденіе нѣкоторымъ сходствомъ этих[illegible]цъ и подобозвучіемъ ихъ именъ [1]); хотя можно бы допустить и то, что греческія, или ѳракійскія преданія, съ значительными искаженіями, перешли къ Болгарамъ [2]).

„Сербъ" Александръ, о коемъ уже въ давнишнее время сложились пѣсни, доселѣ распѣваемыя Славянами [3]), конечно,—никто иной, какъ Александръ Великій [4]). И, опять-таки, у Верковича мы встрѣчаемъ лицо того-же имени—царя-завоевателя Олесандра.

Что касается двукратнаго ягненія овецъ, то, разумѣется, это вымыслъ: Гундуличъ, хотя и могъ имѣть подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія о Балканскомъ полуостровѣ, по которому повсемѣстно были разсѣяны дубровницкія факторіи, относительно Добруджи, очевидно, предпочелъ позаимствоваться гиперболическимъ выраженіемъ Виргилія, расхваливающаго прелести Италіи [5]).

Когда Али переѣзжаетъ черезъ Балканскій хребетъ, поэтъ нашъ упоминаетъ о желѣзныхъ рудникахъ въ Самоковѣ и о томъ, что въ этихъ

---

[1]) Такой взглядъ на сборникъ Верковича былъ высказанъ Всев. Миллеромъ и А. Пынинымъ, изъ коихъ первый склоненъ признать подлинность самыхъ пѣсень, а второй готовъ предположить въ нихъ народную основу. *Литературныя замѣтки. О пѣсняхъ македонскихъ болгаръ собранныхъ и изданныхъ Верковичемъ. Вѣстникъ Европы 1877. Іюль. стр. 364—381.*

[2]) Это старается доказать Гейтлеръ, въ своей статьѣ Poetické tradice Thráků i Bulharů. V Praze 1878. Авторъ довольно рѣшительно высказывается за подлинность Верковичевыхъ пѣсень, въ коихъ онъ видитъ амальгаму преданій славянскихъ и другихъ, преимущественно ѳракійскихъ; къ послѣднимъ относится преданіе объ Орфеѣ. Гейтлеръ ссылается и на Гундулича.

[3]) Osm. III. 17.

[4]) Мнѣніе, что древніе Македоняне, а также и Ѳракійцы были Славяне, а именно Сербы и Болгары (Osm. III, 15—16) не принадлежитъ фантазіи нашего поэта: оно высказывалось, въ то время, и славянскими историками, напр., Матвѣемъ изъ Мѣхова, жившимъ въ концѣ XV столѣтія. См. Excellentissimi domini Matthiae de Mechow artium et medicinae doctoris canonici cracoviensi ad Andream Cricium epistola, которая помѣщена передъ его лѣтописью (Chronica Polonorum).

[5]) Georgica, II, 150. Виргилій, въ этомъ мѣстѣ, самъ подражаетъ Гомеру, у котораго, въ сказочной Ливіи, овцы ягняться три раза въ годъ. Од. IV, 86.

горахъ, по вѣрованію древнихъ, находились желѣзные чертоги Марса [1]). Изъ какого писателя Гундуличъ вычиталъ эту миѳологическую подробность, мнѣ неизвѣстно; скорѣе всего, онъ самъ сочинилъ ее. Впрочемъ, въ Греческой миѳологіи говорится, что родиной и любимымъ мѣстопребываніемъ Марса (Арея) была, именно, Ѳракія [2]).

Кизларъ-ага, изъѣздивъ всю Малую Азію, садится на корабль, невдали отъ мѣста, гдѣ стояла древняя Троя (вѣдь мѣстоположеніе Трои, до новѣйшаго времени, считалось извѣстнымъ), проплываетъ мимо Тенедоса, Лемноса и Лезбоса и пріѣзжаетъ на Хіосъ. Отсюда онъ ѣдетъ далѣе, и слѣва у него остаются Самосъ, Андросъ, Икарія и другіе острова; потомъ онъ сворачиваетъ, проѣзжаетъ мимо Скироса и оставляя съ правой руки Аѳонъ, видитъ съ лѣвой Олимпъ, Пеліонъ и Оссу. О каждомъ изъ этихъ пунктовъ Гундуличъ вспоминаетъ древнія преданія: о Парисѣ и о разрушеніи Трои, о Леандрѣ, о храмахъ на Делосѣ, Наксосѣ, Пафосѣ, Гнидосѣ и Цитерѣ, объ Ахиллѣ, скрывавшемся у царя Ликомеда, о борьбѣ боговъ съ гигантами. До сихъ поръ мы все путешествіе можемъ прослѣдить по картѣ, но тутъ вдругъ кизларъ-ага, уже проѣхавъ мимо ѳессалійскихъ горъ, встрѣчается съ кораблями своихъ подчиненныхъ, плывущими съ острововъ Эгейскаго моря въ Аѳины, и, не поворачивая назадъ, пріѣзжаетъ, вмѣстѣ съ ними, въ этотъ городъ [3]). Выходитъ, значитъ, что Аттика сѣвернѣе Ѳессаліи. Высадившись въ Аѳинахъ, кизларъ-ага обходитъ всю Грецію сухимъ путемъ. Тутъ Гундуличъ, въ разброску, перечисляетъ разные города, въ которыхъ перебывалъ евнухъ и упоминаетъ о двухъ морскихъ сраженіяхъ близъ Превезы, гдѣ и происходили, дѣйствительно, знаменитыя сраженія при Акціумѣ и при Лепантѣ.

Упоминая о Новой землѣ, Гундуличъ, допустилъ весьма смѣлую поэтическую вольность: онъ зоветъ Владислава въ новые цари этой новой землѣ и приводитъ оттуда въ Персію нѣсколько юношей, влюбившихся, по слухамъ, въ красавицу Бегуму [4]); между тѣмъ, какъ извѣстно,

---

[1]) III, 54—56.

[2]) См. Pauly, August. Real-Encyclopädie des classischen Alterthums. Nach dessen Tode fortgesetzt von Chr. Walz und W. S. Teuffel. Stuttgard. 1846. L. Preller. Griechische Mythologie. Dritte Auflage von Plew. Berlin 1872. S. 263.—На это обстоятельство указываетъ также и весьма распространенная въ старину миѳологія Наталиса (Natalis Comitis Mythologiae sive explicationis fabularum libri. 1571., pag. 82), по которой, можетъ быть, учился и нашъ Гундуличъ.

[3]) VII, 59—60.

[4]) III, 50 (197—200); XIX, 39 (153—156). Впрочемъ, въ этихъ же

на этомъ островѣ живутъ одни моржи да медвѣди. Нѣсколько загадочнымъ представляется положеніе области багдадскаго паши (калифа?) Абаса, которая простирается „надъ Хвалынскимъ моремъ“ до самаго Бѣлозерска (do Bielozore grada) [1]); но мѣсто это, вѣроятно, испорчено: едва-ли Гундуличъ воображалъ себѣ, что Багдадъ лежитъ къ сѣверу отъ Каспійскаго моря.—Далѣе, у нашего поэта есть нѣкоторыя топографическія замѣтки о Константинополѣ. Упоминается о старомъ сералѣ, гдѣ жила Мустафина мать, и въ который, дѣйствительно, переводятся вдовыя султанши, за исключеніемъ султанши-валиде. Упомянуто также о площади Хатмейданѣ и о мечетяхъ: Софійской, Баязетовой и Ахматовой; впрочемъ, не видно, имѣлъ ли Гундуличъ понятіе о взаимномъ положеніи этихъ зданій. О новомъ сералѣ, мѣстопребываніи султана, Гундуличъ говоритъ, что онъ стоитъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, которое занимала древняя Византія [2]). Это мнѣніе невѣрное, но довольно распространенное, такъ что Гаммеръ въ своей монографіи о Константинополѣ счелъ нужнымъ опровергать его, говоря, что городъ уже издавна занимаетъ гораздо большее пространство [3]).

Перехожу къ этнографическимъ замѣчаніямъ.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что у Гундулича Турки кланяются по-турецки [4]), сидятъ по-турецки [5]), обращаются къ султану съ цвѣтистыми и подобострастными рѣчами [6]), что они и одѣты не на европейскій ладъ, какъ Турки и Арабы италіанскихъ эпиковъ, облеченные въ доспѣхи [7]). Правда, упоминается про oklop и oklopje [8]), но эти слова означаютъ панцырь, а легкіе панцыри были въ употребленіи у Турокъ, хотя и не во всеобщемъ,—султанъ Сулейманъ, и самъ Османъ нашъ, какъ замѣчено выше, носили кольчугу. Страннымъ можетъ показаться употребленіе Турками стрѣлъ, но это отнюдь не архаизмъ: стрѣлы въ то время были еще въ большомъ ходу [9]), хотя употреблялись и ружья, о которыхъ и

строфахъ, поэтъ говоритъ о положеніи Новой земли на Ледовитомъ океанѣ и о продолжительности тамошней зимы.

[1]) IV, 82—84 (ст. 325—336).

[2]) XIX, 1 (1—4).

[3]) Hammer. Constantinopolis etc. I, 59—60.

[4]) II, 18; IX, 114; XI, 130.

[5]) II, 21.

[6]) II, 26—115.

[7]) II, 21—22; IV (описаніе различныхъ отрядовъ); X, 101—102; XIX, 81.

[8]) I, 41; IV, 19.

[9]) Zinkeisen, III, 173—175; 240—241.

Гундуличъ не умалчиваетъ [1]). Вооруженіе Поляковъ [2]) также сообразно съ дѣйствительностью. Только Соколица и Круногслава выѣзжаютъ на бой, скрывая лицо свое подъ забраломъ [3]).

Османъ, если и сидитъ на престолѣ, то самъ Гундуличъ поясняетъ, что этотъ престолъ имѣлъ видъ ложа, что совершенно вѣрно: Галландъ говоритъ, что турецкій тронъ есть маленькое возвышеніе (около $1^1/_2$ футовъ въ вышину и фута 3—4 въ ширину), окруженное перильцами и выложенное коврами и подушками [4]).

Говоря о саблѣ Отмановичей, гдѣ, по нашимъ понятіямъ, слѣдуетъ говорить о скиптрѣ [5]), поэтъ вполнѣ вѣренъ истинѣ: знакомъ султанской власти служитъ именно сабля, которую торжественно припоясываютъ новому падишаху въ Эюбовой мечети, названной такъ въ честь Магометова сподвижника Эюба, и почитаемой особенною святынею [6]). Но, заставляя своего героя говорить о порядкѣ турецкаго престолонаслѣдія, Гундуличъ впадаетъ въ грубую ошибку, или же умышленно, ради двухъ-трехъ красивыхъ фразъ, искажаетъ истину. Второе предположеніе вѣроятнѣе, такъ какъ государственный дѣятель Дубровницкой республики не могъ не знать, что султану наслѣдуетъ не сынъ его, а старшій членъ царскаго семейства,—между тѣмъ Османъ свое низложеніе и возведеніе на престолъ своего дяди объявляетъ нарушеніемъ закона [7]).

Также въ характерахъ и поступкахъ своихъ героевъ стихотворецъ нашъ допускаетъ нѣкоторыя этнографическія вольности: водятся таки за ними качества и дѣйствія, не идущія къ ихъ народности, какова напр. застѣнчивая любовь Османа къ Соколицѣ [8]). Но величайшею вольностью Гундулича оказывается созданіе личности этой самой Соколицы: если женщины-воины и встрѣчаются, да и то изрѣдка, въ христіанскихъ ратяхъ, то у магометанъ, гдѣ женщина осуждена на затворническую жизнь, это—явленіе невозможное и небывалое.

Есть еще странная черта, во внѣшности Гундуличевыхъ красавицъ: у всѣхъ у нихъ золотые волосы, хотя онѣ принадлежатъ къ южнымъ народамъ, и, если и не безъ исключенія, должны были быть брюнетками:

---

1) IV, 30; XIX, 60.
2) XI, 49—110.
3) V, 17, 98.
4) Galland, примѣчаніе къ 43 стр.
5) XI, 140; XVI, 64; XX, 45—64.
6) Hammer. Constantinopolis etc. I, 400.
7) XIX, 245, 247; XX, 31, 32.
8) IV, 98—102.

золотые волосы оказываются и у Коревской [1]), и у Сунчаницы [2]) съ подругами [3]), и у одной Османовой одалыки [4]), и у Соколицы [5]) и всѣхъ дружинницъ ея [6]), и у Бегумы [7]), и у Любицы съ Калинкою [8]), и у невольницъ, коихъ Османъ посылаетъ Владиславу [9]); кромѣ того, и пастушокъ Радмилъ поетъ о „золотыхъ“ волосахъ молодости [10]), и у самого Османа такіе-же волоса [11]).

Къ этимъ „золотымъ“ волосамъ вернусь еще впослѣдствіи, когда зайдетъ рѣчь объ итальянскомъ вліяніи на нашего поэта, теперь сдѣлаю кстати нѣкоторое замѣчаніе о внѣшности молодого падишаха. Волоса, значитъ, у Османа рыжеватые, а лицо, какъ сказано въ томъ-же четырехстишіи, румяное. Считать такую внѣшность вполнѣ невозможною въ туркѣ, было бы ошибкою; по крайней мѣрѣ, одного изъ Османовыхъ предковъ, Урхана, описываютъ слѣдующимъ образомъ: волоса на головѣ у него были свѣтлые, слегка рыжеватые, глаза голубые, и лицо румяное, почти-что багровое [12]). Еслибъ, однако, Османъ представлялъ такое же исключеніе изъ турецкаго типа, объ этомъ упомянули бы всѣ историки; но такихъ упоминаній не имѣется; напротивъ того, у насъ есть показаніе Собѣсскаго, лично видѣвшаго Османа при заключеніи хотинскаго перемирія, гдѣ являются иныя характерныя черты: орлиный носъ и смуглый цвѣтъ лица [13]). Значитъ волоса у Османа были не золотые, лицо не румяное,—такъ что внѣшность Османова относится къ этнографическимъ вольностямъ нашего поэта.

---

[1]) V, 99.
[2]) VIII, 60.
[3]) VIII, 94.
[4]) X, 39.
[5]) V, 99.
[6]) IV, 90.
[7]) XIX, 48.
[8]) XII, 23.
[9]) X, 98. Кстати замѣтить: это престранный подарокъ христіанскому королевичу!
[10]) VIII, 70.
[11]) II, 24.
[12]) Zinkeisen, I, 216.
[13]) Sobieski, Lib. III, pag. 170.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Взглядъ на Османа съ эстетической точки зрѣнія.

Уже само собою ясно, что Османъ, какъ героическая поэма, долженъ походить на Энеиду, и подобныя ей произведенія [1]); и, въ самомъ дѣлѣ, мы въ немъ видимъ тѣ-же эпическіе пріемы, какъ-то: введеніе in medias res, элементъ сверхъестественный, возвеличеніе дѣйствующихъ лицъ въ геройскіе образы и т. п. Поэтому и постараюсь провести нѣкоторую паралель между Гундуличемъ, съ одной, и Виргиліемъ, Тассомъ и Камоэнсомъ, съ другой стороны.

Первымъ дѣломъ, приходится отмѣтить немалое преимущество его передъ ними, въ выборѣ сюжета: сюжетъ Виргиліевъ—прибытіе въ Италію сказочнаго родоначальника цезарей—едва-ли могъ кого интересовать; сюжетъ Тассовъ—отнятіе у мусульманъ Іерусалима—тоже не могъ возбуждать особенное сочувствіе, ни въ его современникахъ, ни въ потомкахъ; сюжетъ Камоэнсовъ—открытіе морского пути въ Индію и прославленіе всѣхъ вообще подвиговъ Португальцевъ—сюжетъ узко-патріотическій; а у Гундулича поэма вертится на доселѣ животрепещущемъ вопросѣ, вопросѣ о существованіи Оттоманской имперіи. Въ надеждахъ и пожеланіяхъ римскаго и италіанскаго поэтовъ видны явная фальшь и невѣроятность, а надежды Гундулича на паденіе турецкаго царства гораздо реальнѣе и искреннѣе. Правда, доля фальши есть и у него: союзу всѣхъ европейскихъ государствъ противъ Турціи въ его время, конечно, было не легче состояться, чѣмъ теперь, да и Сербы съ Болгарами неслишкомъ бы обрадовались подобному спасенію отъ Мусульманъ, которое подчинило бы ихъ католической Европѣ и Римской куріи. Впрочемъ, что́ касается послѣдняго обстоятельства, то Гундуличъ, какъ католикъ, могъ желать вполнѣ искренне, и считать великимъ счастіемъ для турецкихъ христіанъ освобожденіе ихъ не только отъ ига Агарянъ, но и отъ собственной ереси, и Иванъ Мажураничъ едва-ли поступилъ въ духѣ нашего поэта, разразившись въ своей интерполяціи громоносною филиппикою противъ религіозной нетерпимости [2]).

---

[1]) Поэму Гундулича можно бы еще сравнить со слѣдующими произведеніями, съ которыми она, впрочемъ, кромѣ общаго сюжета, не имѣетъ никакого сходства: съ драмою Ивана Морнавича „Османщицею“ (см. A. Pavić, Ivan Tomko Mrnavić. Rad Jugosl. akad. Knj. XXXIII), вышедшею въ свѣтъ въ 1631 г., и съ тремя польскими поэмами, озаглавленными Wojna Chocimska—Вячеслава Потоцкаго, Андрея Липскаго и Игнатія Красицкаго.

[2]) Osm. Piev. XV, 116—123.

Въ живости и въ движеніи разсказъ нашего поэта уступаетъ Энеидѣ и Освобожденному Іерусалиму, но превосходитъ Лузіадовъ, въ которыхъ дѣйствія почти совсѣмъ нѣтъ.

Элементъ сверхъестественный вплетенъ въ Османа довольно неловко: все дѣло могло устроиться точно также само собою, безъ дьявола и адскаго вѣча; у Гундулича нѣтъ такого переплетенія и слитія міра дѣйствительнаго съ фантастическимъ, какъ у Тасса, которое, впрочемъ, не можетъ не идти въ ущербъ исторической правдѣ. Передъ Камоэнсомъ Гундуличу и въ этомъ отношеніи надо отдать преимущество: выведенныя въ Лузіадахъ греко-римскія божества являются уже совершенно безцѣльными и безобразными. О Виргиліи тутъ говорить нечего, такъ какъ все повѣствованіе его сказка, въ которой чудеса вполнѣ умѣстны.

Въ дѣлѣ возведенія своихъ героевъ въ идеалы и исполины, Гундуличъ гораздо умѣреннѣе своихъ предшественниковъ: его герои часто являются обыкновенными людьми и только какъ бы вспышками исполинствуютъ, ярясь и неистовствуя по звѣриному, или совершая невѣроятныя избіенія вражескихъ полчищъ.

Хотя, такимъ образомъ, Гундулича въ иныхъ отношеніяхъ можно поставить выше Виргилія, Тасса, Камоэнса, но его нельзя не назвать подражателемъ первыхъ двухъ, въ особенности же Тасса. Однако, подражаніямъ Гундулича посвящу ниже особую главу, а теперь перейду къ общей эстетической оцѣнкѣ разбираемой поэмы. Приступаю къ этой задачѣ не безъ нѣкотораго смущенія, или, сказать прямѣе, совершенно не довѣряя тутъ, ни себѣ, ни другимъ: эстетическая критика, въ сущности, сводится къ изліянію личныхъ впечатлѣній, почему и предупреждаю читающаго, что, говоря о красотахъ Османа, хочу просто сказать, что извѣстныя мѣста мнѣ лично нравятся, и отнюдь не воображаю себя компетентнымъ цѣнителемъ.

Прежде всего, отъ поэтическаго произведенія требуется единство дѣйствія, а Османа, не безъ основанія, упрекаютъ въ отсутствіи въ немъ этого единства: Адольфъ Веберъ говоритъ, что поэма Гундулича не имѣетъ настоящаго средоточія, ибо неясно, кто герой ея—Османъ ли, или Владиславъ; по заглавію и по вступленію кажется, что эта роль принадлежитъ первому, а похвалы, коими поэтъ превозноситъ Владислава, говорятъ за послѣдняго [1]). На такое мнѣніе возражаетъ Казначичъ, что Гундуличъ не могъ не возвеличить Владислава, побѣдою котораго оглашался весь

1) Ivan Franjin Gundulić, стр. XXIV (Osman 1854).

міръ; что Владиславъ великъ подвигами, а Османъ страданіями, и что единство такимъ образомъ вовсе не нарушается [1]).

Это возраженіе, конечно, не особенно вѣское. Впрочемъ, что касается героя поэмы, то мнѣ кажется, что герой Гундулича—не Османъ, и не Владиславъ, которые оба имѣютъ одинаковую важность, герой Гундулича—южное славянство, изнывающее подъ турецкимъ ярмомъ, онъ поетъ его страданія и надежды на освобожденіе: надежды эти основаны у него, съ одной стороны, на разложеніи Оттоманскаго государства, съ другой стороны, на усиленіи Польши; поэтому то Гундуличъ повѣствуетъ о судьбѣ злополучнаго Османа, въ царствованіе котораго рѣзко сказалось внутреннее и внѣшнее ослабленіе Порты; поэтому онъ превозноситъ похвалами всѣхъ Поляковъ вообще, а Владислава и Сигизмунда въ особенности [2]). Къ исполненію такого плана клонятся всѣ эпизоды: и скорбь Коревской о супругѣ и плѣнъ ея, и поиски кизларъ-аги за красавицами, и похищеніе имъ Сунчаницы, и судьба Любдрага и разсказъ его о предкахъ, и набѣгъ Соколицы на Польшу. Совершенно излишне только повѣствованіе о любви Дилавера къ Бегумѣ и о единоборствѣ его съ Хайдаромъ. Итакъ, Османъ, все-таки, имѣетъ извѣстное средоточіе; но въ немъ, тѣмъ не менѣе, нѣтъ настоящаго единства дѣйствія: какъ мы уже видѣли, шестнадцатая пѣснь, по содержанію, непосредственно примыкаетъ къ первой, и промежуточныя пѣсни можно-бы преспокойно выпустить.

Далѣе, нельзя не упрекнуть Гундулича въ томъ, что въ его эпосѣ мало дѣйствія, хотя онъ, несмотря на то, можетъ читаться съ удовольствіемъ и представляетъ немало прекрасныхъ эпизодовъ и картинъ. Вотъ какъ, напр., юный падишахъ рисуетъ прежнихъ и современныхъ ему Турокъ:

„О безсмертные витязи, знаменитые древніе Турки, съ которыми дѣды мои, ваши султаны, побѣдили весь міръ! Гдѣ вашъ воинственный

---

[1]) Gliubich, Dizionario biografico, подъ слов. Gondola.

[2]) Похвалы Владиславу Гундуличъ расточаетъ съ величайшею щедростью и возвращается къ нимъ неоднократно (Osm. I, 15—18; III, 35—51; VI, 89; VII, 85—86; IX, 13, 131—134; X, 23—63; XI, 84—85; 119—122; XX, 124). Совсѣмъ не такъ относится къ Владиславу и къ отцу его польскій поэтъ Андрей Липскій: Липскій издѣвается надъ королевичемъ, который кичился одержанной безъ него побѣдой; а патріотизмъ Сигизмунда онъ характеризуетъ тѣмъ, что король всему на свѣтѣ предпочиталъ—псовую охоту: ему были

psie gony

Milsze, niż sława dobra, niż całość korony. K. Wł. Wojcicki. Wojna Chocimska. Poemat bohaterski w dziesięciu częściach przez Andrzeja Lipskiego (Rękopism 1673—1680). Biblioteka Warszawska 1851. Tom III, str. 381—411.

духъ и славные подвиги ваши, представляющіе достойный образецъ геройскихъ нравовъ! Проводя дни свои въ трудѣ, вы являли крѣпкія сердца и смѣлый видъ, переносили лѣтніе жары и зимніе холода. Въ бѣдствіяхъ, вы подкрѣплялись покорностью чистой вѣрѣ, и пробѣгали поля, проходили горы, проплывали рѣки, полагая, что лучше терпѣть всякія невзгоды и даже умереть, чѣмъ ослушаться царевыхъ повелѣній. Одно у васъ было желаніе, одна страсть: ѣздить на статныхъ коняхъ и сыпать стрѣлы изъ лука, и въ украшеніе всякій бралъ себѣ саблю къ поясу, копье въ руку, лукъ за плечи и добраго коня. Въ пути, всякій хлѣбъ, безъ разбору, служилъ вамъ пищею, а питьемъ прозрачная вода родника. Общимъ кровомъ для васъ и для коней, ставились въ полѣ хижины, сплетенныя изъ тонкихъ вѣтвей. И полководцу и воину, и на сушѣ и на морѣ, постелью служила шкура лѣсныхъ звѣрей; больше: на сѣверѣ, когда вы зимой ѣхали по холодному Подунавью, неразъ вашею постелью былъ снѣгъ, а подушкою камень. Украшала васъ легкая одежда, одно, да и то простое, платье, а вмѣсто панцыря вамъ достаточно было сердца и груди. Презирали вы всѣ стяжанія и всякую знатность, желая только побѣждать саблею и силою, и постоянною отвагою въ бою. Наибольшимъ несчастіемъ вы считали жизнь безъ войны и полагали, что гораздо лучше умереть, чѣмъ проводить дни свои въ бездѣйствіи. Говорили вы, что пусть жены дома, во тьмѣ неизвѣстности, прядутъ свою пряжу, а молодцы, на равнинѣ, пусть нападаютъ на непріятелей. Считали вы честью и величайшею славою и хвалою сложить въ битвѣ голову за царя своего—возглашали вы: „жестокая смерть, мы о тебѣ не думаемъ, только бы расширялось царство, а жизнь наша пускай прекращается!“ О блаженныя и счастливыя времена! Съ такими храбрецами легко было добыть вѣнецъ всего міра! А теперь, увы, уже не то́: и у полководцевъ и у воиновъ все пошло на выворотъ—всѣ они измѣнники: на бой идутъ по принужденію, лѣто жжетъ ихъ, зима вредитъ имъ, а облекаются они въ золото и въ шелкъ, мужи по виду, по нраву бабы! А сіяя въ золотѣ и въ безцѣнныхъ узорахъ, они зовутъ непріятеля не на битву, а на добычу. Ѣдутъ ли по землѣ, плывутъ ли по морю, они, чтобы утопать въ наслажденіяхъ, ведутъ передъ собою парадныхъ скакуновъ, а позади нагруженныхъ вьючниковъ; шатры у нихъ шелковые, столы золотые, и на нихъ на морѣ подается птица, въ лѣсу—рыба: по слѣдамъ ихъ возятъ припасы. За столомъ, покрытымъ коврами, они устраиваютъ продолжительныя, обильныя пирушки и пьютъ, пока вино ни уничтожитъ во всѣхъ силы и разсудокъ. Постели у нихъ роскошныя, и они всю ночь утопаютъ въ нѣгѣ, среди благовонія и пышности, наперекоръ нравственности и закону. Каждый изъ нихъ, окруженный пажами и придворными, въ золотѣ ѣздитъ

на ворономъ конѣ, подымаетъ голову, гордо высматриваетъ, и чванится и кичится пустымъ именемъ молодца: все это онъ—съ виду и на словахъ, а на дѣлѣ онъ—ничто [1])“.

Эффектно выходитъ, въ концѣ IV пѣсни, контрастъ между огромными турецкими полчищами и жалкими оставленными ими на побоищѣ трупами; не менѣе хорошо и описаніе этого побоища, въ V пѣсни, которое здѣсь и выпишу:

„Ѣдетъ паша промежду грудъ турецкихъ костей, и слезы горя и жалости не даютъ ему договорить [2]). Но больше еще мучитъ его видъ зачерствѣлыхъ и высохшихъ рукъ и черныхъ головъ. Тамъ и сямъ, конь его наступаетъ и на цѣлыя еще тѣла, оледенѣвшія и замерзшія въ крови. Неразъ конь у него пугается, фыркаетъ, ржетъ и осаживаетъ: страшатъ его мертвый конь и всадникъ, по которымъ ему приходится переходитъ; неразъ, при такой жалостной встрѣчѣ, онъ отскакиваетъ назадъ, а сѣдокъ отъ скорби закрываетъ глаза и обливается слезами. Все больше и больше огорчаютъ его, возбуждаемыя различными мѣстами воспоминанія, гдѣ объ убитомъ родственникѣ, гдѣ о дорогомъ другѣ. И всѣмъ этимъ онъ напрасно возмущается: онъ вынужденъ на пути своемъ попирать конскими копытами остатки тѣхъ, о комъ горюетъ. Тяжкая мука! безысходное горе! топчетъ онъ теперь трупы людей, которыхъ больше всѣхъ любилъ при ихъ жизни“ [3]).

Укажу еще на слѣдующія, болѣе или менѣе, удачныя мѣста въ поэмѣ: на жалобы Круноставы о плѣнномъ супругѣ [4]), на разсказъ о Любдрагѣ и дѣтяхъ его [5]) и повѣствованіе его объ ослѣпленіи сыновей деспота Юрія Бранковича [6]); на пѣсню варшавянокъ [7]), въ которой, впрочемъ, есть два крайне странныхъ стиха [8]); на пѣсню шляхти-

---

[1]) I, 30—56.

[2]) Въ предыдущей пѣсни, паша началъ разсказывать своему спутнику о хотинскомъ походѣ.

[3]) V, 6—13.

[4]) VI, 4—18; 36—41.

[5]) VIII, 22—43.

[6]) VIII, 117—124.

[7]) IX, 31—41.

[8]) S tebe obtieče miesta blaga
Med iz dubja, mljeko iz vode. IX, 34.

(Благодаря тебѣ, по пріятной странѣ текутъ медъ изъ деревьевъ, молоко изъ воды). Поэтъ этой странной гиперболой, очевидно, приравняетъ времена Владислава золотому вѣку, когда „рѣки текли одни молокомъ, а другія нектаромъ, и съ зеленаго дуба капалъ золотистый медъ“—Flumina jam lactis, jam flumina nectaris ibant,

ча [1]); на вылетъ демоновъ изъ преисподней [2]); на описаніе бунта янычаръ [3]); на разговоръ Даута съ тещею [4]) и на рѣчь его къ мятежникамъ [5]).

Разумѣется, Гундуличъ несвободенъ отъ важныхъ недостатковъ, какова, напр., пышность изложенія, доходящая подчасъ до приторности и до смѣшного: съ какою щедростью онъ сыплетъ вокругъ себя золотомъ, какъ прекрасны у него всѣ женщины [6]), какъ быстроноги всѣ кони [7])! Какою чудесною тканью украшены стѣны варшавскаго дворца: на ней такъ наглядно изображены сцены изъ хотинской кампаніи, что смотрящему на нее чудятся шумъ воинствъ, звуки трубъ и бубенъ и колыханіе знаменъ [8])! Сколько разъ поэтъ обращается къ красному солнышку, уподобляя ему то красавицу, то героя, то блескъ оружія [9])!

Есть даже нѣсколько мѣстъ, которыя, по крайней мѣрѣ, съ современной точки зрѣнія, нельзя не назвать крайне безвкусными. Таково указанное уже выше двустишіе о млечныхъ рѣкахъ и медоточивыхъ дубахъ, таково и слѣдующее мѣсто изъ единоборства Крунославы съ Соколицею: богатырки сшибли другъ у друга шлемы, и „на нежданный восходъ безподобной красы, въ обѣ рати со всѣхъ сторонъ летятъ стрѣлы, сыплются раны. Повсюду кишитъ толпа новыхъ рабовъ, новыхъ слугъ; словно въ рати находится другая рать—плѣнныхъ любовниковъ: летятъ облака

---

flavaque de viridi stillabant ilice mella. Ovid. Met., I, 111—112). Въ родѣ того Гундуличъ говоритъ и въ своемъ „Похищенія Прозерпины“, что, послѣ брака Плутона, въ аду уже не слышно плача, всѣ духи радуются, черная рѣка течетъ молокомъ:

Plač se u paklu več nečuje.
Svakoji se duh raduje
Crna rieka mliekom teče. Proserp. ugrablj., Č. IV, skaz. 4).

1) X, 24—63.

2) XIII, 81—84.

3) XVI.

4) XVII, 149 и слѣд.

5) XVIII, 12 и слѣд,

6) II, 82, 84, 88. 125; V, 109, 122, 124; VI, 29; VIII 3—9, 59—64, 67, 100 101; IX, 8—9, 90, 95,—99; X, 98—99. X, 98—99; XII, 23, 65.

7) V, 59, 70, 77, 81; IX, 20, 51; X, 1, 11, 94, 105; XI, 64, 68, 90, 103.

8) XI, 20—21.

9) II, 83; III, 47; V, 100, 124, 133; VI, 5, 11—16; VIII, 11, 101, 159; IX, 5, 41, 51, 95; X, 29, 95, 97; XI, 86, 95, 113, 128—129; XII, 144; XVII, 15; XIX, 39. Кромѣ того, о солнцѣ говорится нѣсколько разъ и внѣ сравненій. Надо, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ образовъ и сравненій весьма хороши, напр. III, 47.

вздоховъ, войска расплываются ото взоровъ, всѣ сердца ноютъ изъ опасенія, чтобы съ дѣвами не приключилось бѣды“ [1]).

Подобную гиперболу находимъ и въ пѣсни влюбленнаго пастуха, который такъ обращается къ возлюбленной своей Румянкѣ: „спроси эту листву надо мною, перебирая каждую вѣтку, сколько разъ она воспламенялась и сгорала отъ моего вѣчнаго огня“ [2]). Въ томъ же духѣ написана и одна строфа седьмой пѣсни, въ которой Леандръ своимъ же плачемъ подбавляетъ воды въ море и содѣйствуетъ этимъ своему утопленію [3]). Строфа такого рода есть и въ восьмой пѣсни, гдѣ прославляется красота Сунчаницы, и кизларъ-ага „видитъ, что на нее одну устремлены всѣ взоры, и подсолнечникъ оборачивается къ ней, наравнѣ съ восточнымъ солнцемъ“ [4]). Крайне страненъ и разсказъ о прекрасной Бегумѣ, гдѣ говорится слѣдующее: „чтобы увидѣть эту небывалую прелесть, властвующую всѣми сердцами, неразъ пускался въ путь царь, родившійся въ золотой Индіи. И изъ сѣверныхъ странъ, откуда течетъ Донъ-рѣка, прибылъ юный витязь, желая, чтобъ она озарила его свѣтлымъ днемъ своимъ. Новая земля, гдѣ народъ шесть мѣсяцевъ пребываетъ во тьмѣ, послала на востокъ своихъ юношей, чтобы для нея возсіяло новое солнце. Вслѣдствіе громкой славы своей, она, въ сладкомъ тиранствѣ, царила и въ сердцѣ Василія, московскаго царевича. Ни Лена-рѣка, среди равнинъ, не защитила хана татарскаго—онъ пылаетъ на морозѣ, а производитъ это сила любовнаго пламени [5]).“

Непріятно дѣйствуетъ въ Османѣ и постоянно повторяющаяся игра словъ, нпр.

S mnoziem *silam* mnoge *sile*
Susriesti se odlučiše. X, 17 [6]).

---

[1]) V, 102—104.

[2]) VI, 31. Ту же нелѣпость встрѣчаемъ и въ „Дубравкѣ“, гдѣ пастухъ Миленко восклицаетъ: „Весь ли я пылаю, объ этомъ спроси деревья, и на деревьяхъ каждую вѣтку: сколько разъ отъ моего вѣчнаго огня воспламенялась листва!

Da vas gorim, dubje pita'
I na dubju svaku granu,
S moga ognja viekovita
Kolikrati listje planu. Dubr. Čin. I, skaz. 3.

[3]) VII, 19.

[4]) VIII, 92.

[5]) XIX, 37—41.

[6]) Рѣшили значительныя *силы* встрѣтить значительными *силами*.

Na *Vitoš* s *vitiem* kopjem
Proz Planinu staru uzidi! X, 45 [1]).

kralj *slavni slavna* sina
Rado prima, milo grli. X, 67 [2]).

Na brieg jedan *šator* meče,
Konja odsieda, na kom jaše,
A vrh njega i noć veće
Crni *šator* svoj steraše. X, 76 [3]).

Mladomu ih Vladislavu
Osman *mladi* car posila. X, 100.

Slava u vodi sdaždie s nebi,
Da ga *vlada* vojujući,
Kad *Vladislav* ime sebi
Krsteć se uze. X, 129 [4]).

Kažimir sam . . . . . .
Viernim, smeća odmetnima. X, 136 [5]).

Sborovski se knez odpravi,
Obran medju mudriem *sborom*. X, 158 [6]).

Эти примѣры, кои всѣ взяты изъ одной и той же пѣсни, ясно свидѣтельствуютъ о любви нашего поэта къ подобной игрѣ словъ, и ихъ, собственно, вполнѣ достаточно; но не могу удержаться, чтобы не выписать еще одной строфы, въ которой каламбуръ на каламбурѣ сидитъ, каламбуромъ погоняетъ:

lovice u lovu se
Uloviše pri lovini,

---

[1]) Взойди съ гибкимъ коньемъ черезъ Балканы на Витошъ.

[2]) *Славный* король *славнаго* сына радостно принимаетъ, любовно обнимаетъ.

[3]) Онъ разбиваетъ на берегу *шатеръ*, слѣзаетъ съ коня, на которомъ ѣдетъ; а надъ нимъ уже и ночь распростирала свой *черный шатеръ*.

[4]) *Слава* въ водѣ полилась съ неба, чтобы ему воюя *владѣть* ею, когда онъ, при крещеніи, принялъ имя *Владислава*.

[5]) Для вѣрныхъ я „Кажи-*миръ*" (Казиміръ), для измѣнниковъ—предметъ страха.

[6]) Отправили князя *Сборовскаго*, выбраннаго изъ среды мудраго *сбора* (собранія).

Paće gusa u sried guse
Inieh plieneć plien se učini. IX, 122 [1]).

Къ эпическому элементу, въ Османѣ, примѣшанъ, въ значительной степени, лирическій: нѣкоторыя пѣсни начинаются изліяніемъ чувствъ [2]), и, вообще, поэтъ нерѣдко говоритъ отъ себя, иногда длинныя тирады [3]). Въ нынѣшнѣе время никто, конечно, не станетъ упрекать поэта въ такой примѣси лирики, но въ ту пору это было смѣлымъ проявленіемъ самостоятельнаго взгляда на эпику: тогда тяготѣлъ надъ писателями авторитетъ древнихъ, особенно Аристотеля. А піитика послѣдняго [4]) сильно напираетъ на неумѣстность лиризма въ эпикѣ и полное отсуствіе его у Гомера считаетъ однимъ изъ величайшихъ достоинствъ великаго слѣпца [5]), котораго она, вообще, превозноситъ до небесъ и ставитъ въ образецъ всѣмъ писателямъ. Такихъ правилъ относительно лирическихъ отступленій, а также и въ другихъ отношеніяхъ, дѣйствительно придерживались, Виргилій и Тассъ. Даромъ, что пѣвецъ Іерусалима въ своемъ „Разсужденіи о героической поэмѣ“ говоритъ, что понятіе о произведеніяхъ искусства составлено по соображенію со многими изящными произведеніями, въ числѣ которыхъ нѣтъ безупречнаго, но лучшимъ считается то, которое наиболѣе приближается къ безупречности [6])—на дѣлѣ, онъ раболѣпствуетъ передъ Виргиліемъ и Гомеромъ, чего нельзя сказать о Гундуличѣ.

---

[1]) Охотницы на охотѣ, были пойманы при добычѣ своей, или, вѣрнѣе сказать, разбойники, во время разбоя, полоня другихъ, сами въ полонъ попали. Порицая постоянное повтореніе такихъ фигуръ, я вовсе не хочу сказать, чтобы онѣ всѣ были неизящны—чѣмъ, нпр., нехороша вышеприведенная 76 строфа X пѣсни?

[2]) Пѣсни I, II, VII, VIII, IX и XVI.

[3]) Напр., III, 28—51; XX, 15—25. Примѣсью лирики Гундуличъ, изъ знаменитыхъ эпиковъ, напоминаетъ больше всего Камоэнса, впрочемъ, лирика у послѣдняго болѣе субъективнаго характера: онъ прямо говоритъ о своихъ личныхъ невзгодахъ и разочарованіяхъ.

[4]) Ἀριστοτέλους περὶ ποιητικῆς. Впрочемъ, подлинность этого сочиненія заподозрѣна, особенно въ той части, которая относится къ эпосу; что, однако, насъ не касается: принадлежитъ ли піитика Аристотелю, или нѣтъ, она ходила и ходитъ подъ его именемъ, и имѣла сильное вліяніе на поэтовъ.

[5]) Περὶ ποιητικῆς XXIV, 7.

[6]) L' idea dunque delle cose artificiali è formata dopo la considerazione di molte opere fatte artificiosamente, nelle quali tuttavolta non è l'ottima, ma quella è migliore che più le s'avvicina.—Discorsi del poema epico di Torquato Tasso. Discorso I, capitolo 1.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О панславистскихъ идеяхъ Гундулича и нѣкоторыхъ соплеменниковъ его.

Въ предыдущей главѣ сказано, что поэтъ нашъ поетъ муки и упованія южнаго славянства, и теперь самъ собою возникаетъ вопросъ, на сколько въ Гундуличѣ сильны были панславистскія идеи и на сколько онѣ проявляются въ его поэмѣ.

Въ двухъ мѣстахъ Османа говорится про Славянъ, какъ про единый народъ, имѣющій общій языкъ и общія преданія. Въ первомъ изъ этихъ мѣстъ, мы читаемъ объ Орфеѣ и опѣсняхъ его, что „славный этотъ *болгаринъ* оставилъ ихъ своему *славянскому* народу, чтобы славныя дѣянія у нихъ во вѣки восхвалялись и *болгарились* (=воспѣвались) [1]). Во второмъ мѣстѣ, поэтъ говоритъ, что Любдрагъ „слыветъ праправнукомъ деспота Юрія и Ирины, имена которыхъ и теперь извѣстны въ *славянскихъ* краяхъ [2]).

О единствѣ Славянъ Гундуличъ упоминаетъ еще и въ другомъ своемъ произведеніи, при чемъ онъ выражается опредѣленнѣе, чѣмъ въ Османѣ. Произведеніе это—ода къ Фердинанду II, великому герцогу Тосканскому, который былъ любителемъ Сербскаго языка и учился этому языку у іезуита Марина Гундулича, родственника нашего поэта. Приведу интересное для насъ начало этой оды:

„Слава, на солнечной колесницѣ, понеслась стрѣлою по большей части свѣта, по всѣмъ славянскимъ державамъ, и отъ ясности лика ея занялась заря, отъ Дубровницкой области до льдистаго Сѣвернаго океана, по всѣмъ землямъ, гдѣ славянское имя прославляется сотнею государствъ, раздѣленныхъ пространнымъ свѣтомъ и соединенныхъ *общностью языка*. Была это слава о томъ, что средь высшихъ вѣнцовъ ея сталъ одинъ высокій вѣнецъ, властвующій славно, въ великомъ благополучіи и счастіи; вслѣдствіе чего, съ разныхъ сторонъ, близкія и дальнія земли станутъ восхвалять владыку Тосканы, великаго герцога, по титулу, царя, по дѣяніямъ. Пусть же повсюду, гдѣ только раздается славянская слава, изъ половины міра, *единый языкъ*, въ прекрасный и звучный ладъ, грянетъ слѣдующую пѣснь: „Фердинандъ, вѣнчанный князь надъ высшими князьями,

---

[1])
Bugarin ih slavni ostavi
slovinskomu svom jeziku,
diela od slave da u slavi
bugare se u njih viku. III, 16.

[2]) VIII, 21.

коего міръ, исполненный твоею славою, почитаетъ земнымъ солнцемъ, внемли, какъ провозглашаетъ хвалу тебѣ весь благодарный *Славянскій народъ*, рѣчь котораго ты благосклонно полюбилъ [1])!“

О единомъ славянскомъ народѣ упоминается также въ предисловіи къ псалмамъ Давидовымъ, въ которомъ поэтъ говоритъ, что онъ пока выпускаетъ въ свѣтъ это небольшое произведеніе; но что вскорѣ надѣется окончитъ переложеніе Освобожденнаго Іерусалима, съ коимъ онъ желаетъ ознакомить *весь славянскій народъ* [2]).

---

[1])
Zaleti se strielovita
na sunčanieh kolih slava,
po najvećem dielu svita
slovinskieh svieh država,
i rasvanu iz vedrine
nje obraza svietla zora
s Dubróvačke pokrajine
do ledena mrazna mora,
sto kralievstva gdi se čuje
slovinsko ime slovit sada,
kieh sviet prostran razdjeluje
a općeni jezik sklada:
da najvišieh sred nje kruna
visoka se kruna umjesti,
ka gospodi slave puna
s mnogom srećom, s mnogom česti,
ter s razlike bude strane
zemlja slavit bližnja i dalja
velikoga od Toskane
kneza imenom, dielim kralja.
Neku u način drag, naredan
gdi slovinske slave slovu
iz no svita jezik jedan
klikne pievat piesan ovu:
Ferdinando kneže okrunjen
nad najvišiem knezovima
koga slavom sviet napunjen
za od zemlje sunce ima,
čuj, gdi slave tvoje glasi
vas slovinski narod haran,
obljubio kojega si
ti besiedu blagodaran.

[2]) dokli Jeruzalem slobodjen...... svemu našemu slovinskomu narodu ukažem.

Сознаніе единства Славянъ и до Гундулича неоднократно высказывалось дубровчанами и другими сербо-хорватами [1]), сочиненія которыхъ не могли не быть извѣстны нашему поэту, хоть отчасти.

Въ половинѣ XV вѣка, Константинъ Костѣнческій пишетъ разсужденіе объ орѳографіи и говоритъ въ немъ, что Св. писаніе было переведено Кириломъ на Русскій языкъ, какъ на изящнѣйшій и красивѣйшій изъ *славянскихъ* языковъ; впрочемъ, съ примѣсью чешскихъ, болгарскихъ и сербскихъ словъ [2]).

Дубровчанинъ Цріевичъ (Tubero Cerva), излагая событія своего времени (1490 — 1522 г.), преимущественно югославянскія, венгерскія, италіанскія, а также и польскія, вдается въ разсужденіе о славянскихъ народахъ и говоритъ, что венгерскіе славяне употребляютъ тотъ же самый языкъ, какъ Иллирійцы, живущіе въ Далмаціи, и что у Чеховъ, Поляковъ и Далматинцевъ, какъ положительно извѣстно, языкъ одинъ и тотъ же [3]).

Шибеничанинъ Фавстъ Вранчичъ, въ предисловіи къ своему пятиязычному словарю [4]), также толкуетъ о единствѣ Славянъ, которыхъ выводитъ всѣхъ изъ русскихъ земель.

(Pjesni pokorne k[illegible]ja Davida: Mnogo svitlomu gospodinu Maru Mara Buniću vlastelinu dubro[illegible]omu Gjivo Frana Gundulića p. i. p.)

[1]) У[illegible]анныя здѣсь данныя почти всѣ заимствованы изъ сочиненія I. Первольфа „С[illegible]вянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка "(Журн. Мин. Нар. Просв., Ноябрь и Декабрь 1873 г. и Январь, Февраль и Апрѣль 1874), но провѣрены по источникамъ, на сколько они мнѣ были доступны.

[2]) Gj. Daničić. Knjiga Konstantina filosofa o pravopisu, str. 14. (Starine na sviet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umietnosti. Knjiga I. U. Zagrebu 1869).

[3]) Ludovici Tuberonis Dalmatae Abbatis commentarium de rebus quae temporibus ejus in illa Europæ parte, quam Pannonii et Turcæ eorumque finitimi incolunt gestæ sunt libri undecim. Lib. I, pag. 10 & 11. — Сочиненіе это входитъ въ составъ сборника: Rerum memorabilium in Pannonia sub Turcarum imperatoribus a capta Constantinopoli usque ad hanc aetatem nostram, bello, militiaque gestarum exegeses sive narrationes illustres variorum et diversorum auctorum recensente Nicolao Reusnero. Francoforti M.DCIII.

[4]) Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, Latinæ, Italicæ, Germanicæ, Dalmaticæ et Ungaricæ. Venetiis, 1595. Впрочемъ, замѣтка Вранчича мнѣ извѣстна только по дополненному изданію его труда, которое принадлежитъ чеху Лодерекеру: Dictionarium septem plnguarum videlicet latine, Dalmatice, Italice, Bohemice, Polonice, Germanicæ & Ungarice unâ cum cujuslibet Lingua Registro sive Repertorio vernaculo, in quo candidus Lector, sui idio-

Панславистскія мысли проводитъ и дубровчанинъ Мавръ Орбини, что видно уже изъ самаго заглавія его сочиненія: „Царство Славянъ, нынѣ называемыхъ искаженнымъ именемъ Склавонцевъ; исторія, въ которой толкуется о происхожденіи почти всѣхъ народовъ, говорившихъ на Славянскомъ языкѣ и о многихъ войнахъ, веденныхъ ими, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ... и, въ особенности, изложены успѣхи государей, въ древнія времена владѣвшихъ Далмаціей, Хорватіей, Боспіей, Сербіей, Рассіей и Болгаріей.“ [1]). Орбини въ этомъ сочиненіи дѣлаетъ замѣчательные промахи: онъ признаетъ, нпр., славянами Готовъ и Вандаловъ.

Славянское сознаніе высказывается и у другаго историка, Лючича [2]).

Въ половинѣ XVI вѣка, Транквиллъ Андроникъ, также далматинецъ. возбуждаетъ Поляковъ противъ Турокъ, говоря, что пораженіе Турціи послужитъ ко благу *всѣхъ Славянъ* [3]).

Поэтъ Мавръ Ветраничъ Чавчичъ (1482—1576) пишетъ эпитафію другому поэту, Николаю Димитровичу, и говоритъ: „слава, оставленная тобою, вовѣкъ будетъ жить, потомучто ты прославилъ ею *весь Славянскій народъ*“ [4]).

---

matis Vocabulum facilè invenire poterit. Singulari studio & industria collectum a Petro Lodereckero Prageno, Bohemo & c.—Подъ предисловіями, на всѣхъ семи языкахъ, выставленъ годъ изданія (1605); а между предисловіями помѣщена и замѣтка нашего далматинца, озаглавленная: Faust Vrancsich Sibencsanin.

[1]) Mauro Orbini. Il regno degli Slavi oggi detti corottamente Schiavoni, historia nella quale si vede l'origine quasi di tutti popoli che furono della lingua slava и т. д. Pesaro 1601.—Книга эта существуетъ и въ русскомъ переводѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Книга історіографія початія имене, славы, и разширенія народа славянскаго..... Собрана изъ многіхъ книгъ історіческіхъ, чрезъ Господіна Мавроурбіна·Архімандріта Рагужскаго..... переведена со italіанскаго на россіискои языкъ и напечатана повелѣніемъ и во время счастліваго владѣнія Петра Великаго імператора и самодержца Всероссіискаго и протчая, и протчая, и протчая. въ Санктпітербургскои типографіи, 1722 году, Августа въ 20 день.

[2]) Lucius (+1579): de regno Dalmatiæ atque Croatiae (Schwandtner, Scriptores rerum Hungaricarum, Dalmaticarum etc. Volumen III.

[3]) Tranquilli Andronici Dalmatae ad optimates Polonos admonitio, Cracoviae 1545, 2 изданіе въ 1584.

[4]) Glas, koj si ostavil, slovit će po vas vik,
za-č si njim proslavil slovinski vas jezik.

Nadgrobnica Nikoli Dimitroviću složena po D. Mavru Vetrani Čavčiću: Stari pisci hrvatski, knj. V. (Pjesme Nikole Dimitrovića i Nikole Naleškovića) str 105—106, v. 19—20.

Возвращаюсь къ Гундуличу. Мы видѣли, что Гундулича, въ извѣстномъ смыслѣ, можно назвать панславистомъ; но политическому панславизму, т. е. мечтѣ о соединеніи Славянъ союзомъ или о слитіи ихъ въ одно государство, онъ былъ чуждъ: правда, онъ ждетъ помощи противъ Турокъ [1]) отъ соплеменнаго народа, Поляковъ, но ни разу не говоритъ, чтобы они были обязаны оказать эту помощь, какъ соплеменники угнетаемыхъ славянъ: превознося Поляковъ и, въ особенности, Владислава, онъ превозноситъ въ нихъ не поборниковъ славянскаго дѣла, а поборниковъ христіанъ вообще [2]); пророчитъ онъ королевичу славное царствованіе, но пророчитъ его не во всеславянскіе цари, а во всемірные [3]). Притомъ, Гундуличъ, предполагаетъ, что, для изгнанія Турокъ изъ Европы, Поляки вступятъ въ союзъ съ другими европейскими народами [4]), т. е. предпримутъ крестовый походъ, общехристіанскій подвигъ, а не народный, славянскій. Не забудемъ и того, что поэтъ, изъ славянскихъ племенъ, говоритъ только о Сербахъ, Болгарахъ, Полякахъ и Русскихъ, при чемъ на послѣднихъ не только не возлагается никакихъ упованій, но даже, въ числѣ Владиславовыхъ подвиговъ, восхваляется побѣда его надъ этимъ соплеменнымъ царствомъ [5]).

Правда, въ Османѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является въ загребскихъ изданіяхъ, есть одно мѣсто, гдѣ прямо говорится о необходимости для Славянъ дружбы и союза; но это мѣсто находится въ XV пѣсни и принадлежитъ, значитъ, не Гундуличу, а Мажураничу [6]).

---

[1]) Надежда на окончательное паденіе Турціи высказана, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ: свѣтлое солнце (Владиславъ), возсіяй, возсіяй на ясномъ востокѣ, гони мѣсяцъ къ ночной тьмѣ, чтобы день занялся отъ твоего ока! III, 47.

[2]) „Владиславъ охраняетъ всѣхъ христіанъ міра“:

Vladislav drži obrane
od krstjanstva svega svieta. VI, 89.

[3]) Онъ говоритъ:

Rasti, rasti Vladislave!
Svi narodi tvoj glas čuju,
i za jedne tvoje glave
sto kruna ti odsad kuju! III, 49.

[4]) XIII, 49.

[5])

Moskovsko je knežtvo glavu
pod tve noge priklonilo,
kad se u boju u krvavu
od tve ruke predobilo. III, 45.

[6]) XV, 116—123. Можетъ быть, какъ на панславистское мѣсто, укажутъ

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вліяніе на Гундулича иностранныхъ поэтовъ.

Уже выше замѣчено, что поэтъ нашъ не чуждъ подражательности, и въ этой главѣ придется отмѣтить у него цѣлый рядъ несамостоятельныхъ мѣстъ, навѣянныхъ преимущественно Тассомъ, но также и другими поэтами.

Въ изображеніи идеальныхъ пастуховъ и пастушекъ [1]) сказывается у Гундулича взглядъ современныхъ ему италіанскихъ поэтовъ, который любимецъ его, Тассъ, выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „наша поэма не должна допускать ничего низкаго, ничего площаднаго: вещи посредственныя она должна возвышать, темнымъ придавать славу и блескъ, а простымъ художественность, истинныя—украшать, ложныя—облекать авторитетностью. Если жъ она иногда допускаетъ появленіе пастуховъ, козлятниковъ и свинопасовъ, и подобныхъ личностей, то ей слѣдуетъ.... выводить ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они являются въ царскихъ палатахъ, при церемоніяхъ и торжествахъ“ [2]).

Изъ италіанскаго источника идутъ и нѣкоторыя рыцарскія черты въ Гундуличевыхъ герояхъ [3]): Крунослава вызываетъ Османа на едино-

---

на одну строфу въ пѣсни польскаго воина, гдѣ тотъ взываетъ къ Владиславу: „сдѣлайся наслѣдникомъ царскаго вѣнца Стефана Неманича, оставивъ подъ собою земли сербскія, расскія и болгарскія!“

Nemaniću bud Stiepanu
ti namiesnik krune carske,
čiem pod tobom zemlje ostanu
srbske, raške i bugarske. X, 46.

Однако, назвать наслѣдникомъ Неманичей можно всякаго государя, который станетъ владѣть сербскими землями, будь онъ славянинъ, или нѣтъ.

[1]) VI, 20—34; VIII, 49—74.

[2]) Sdegni il nostro poema tutte le cose basse, tutte le populare.... alle mediocre aggiunga altezza, all'oscure notizia, e splendore, alle semplici artifizio, alle vere ornamento, alle false autorità, e se pur alcuna volta riceve i Pastori, i Caprari i Porcari e l'altre sì fatte persone, dee... mostrarli come si mostrano ne' Palazzi reali nelle solennità e nelle pompe. T. Tasso. Discorsi del poema epico. Disc. III.

[3]) Тассовы и Аріостовы турки и арабы настоящіе рыцари, и по нравамъ и по вооруженію; ихъ даже прямо называютъ рыцарями, напр. Orlando furioso, XIV, 39; Gerusalemme liberata, II, 51.

борство, и онъ, немедленно, выѣзжаетъ противъ нее; Хайдаръ также зоветъ на единоборство Дилавера, которое и происходитъ, дѣйствительно; Дилаверъ сражается во имя своей возлюбленной Бегумы!

Тассомъ и Аріостомъ, а также и Виргиліемъ, внушены Гундуличу личности Соколицы и Круноклавы: у Аріоста, въ Неистовомъ Роландѣ, являются на сцену двѣ такія героини, Брадаманта и Марфиза, а у Тасса —Клоринда и Джильдиппа. Воспитаніемъ своимъ Крунослава напоминаетъ Клоринду и Виргиліеву Камиллу; съ Марфизой она сходится въ одномъ внѣшнемъ обстоятельствѣ: на щитѣ ея изображенъ тотъ же фениксъ, который украшаетъ шлемъ Аріостовой богатырки [1]). Соколица, очевидно, создана въ подражаніе Клориндѣ; а въ подражаніе другой дѣвѣ Освобожденнаго Іерусалима, Эрминіи, начерченъ образъ Любицы: отношенія послѣдней къ Коревскому напоминаютъ отношенія Эрминіи къ Танкреду.

Италіанцамъ подражаетъ Гундуличъ и во внѣшнемъ видѣ своихъ красавицъ: у всѣхъ у нихъ, какъ уже замѣчено выше, золотые волосы. Или, можетъ быть, тутъ проявляется только общій вкусъ южныхъ народовъ, у которыхъ свѣтлые волосы составляютъ рѣдкость, а потому и считаются красивыми? Впрочемъ, народныя пѣсни Сербовъ говорятъ только о „русыхъ“ волосахъ [2]); но у прочихъ дубровчанъ, подражателей Петрарки, также господствуетъ этотъ цвѣтъ волосъ [3]).

Бой Соколицы съ цѣлою толпою поляковъ и подвиги Дервиша, въ Дилаверовомъ дворцѣ, напоминаютъ геройскія дѣянія Аріостова Родомонта, ворвавшагося въ Парижъ, и Виргиліева Турна, свирѣпствующаго въ лагерѣ Энея [4]): какъ Родомонтъ и Турнъ, они одни борются съ цѣлымъ войскомъ и отступаютъ невредимы; Дервишъ, такимъ же образомъ вры-

---

[1]) Щитъ Круноклавы—V, 79; шлемъ Марфизы—Orl. fur. XXXVI, 17. Конечно, первообразомъ всѣхъ этихъ воительницъ служили греческія Амазонки—Виргилій даже прямо называетъ свою Камиллу амазонкою:

medias inter caedes exsultat Amazon,
Unum exserta latus pugnae, pharetrata Camilla. Aen. XI, 648—649.

[2]) Золотые волосы оказываются у всѣхъ женщинъ, выводимыхъ Тассомъ и Аріостомъ; такіе же волоса и у Петраркиной Лауры. О значеніи, въ Сербскомъ языкѣ, слова „русый“ см. ниже, гл. VII.

[3]) Приводить примѣры было бы совершенно излишне: золотые волосы у Лючича, Держича, Минчетича и др. встрѣчаются чуть ли не въ каждомъ стихотвореніи.

[4]) Osm. IX, 126—159; XVIII, 95—142; Orl. fur. XVII, 6—16; Aen. IX, 731 и слѣд.

вается въ непріятельскіе оплоты, а Соколица—бросается въ рѣку и спасается вплавь [1]).

Изъ Тасса взято вмѣшательство Дьявола въ историческія событія: эпизодъ этотъ и во многихъ подробностяхъ напоминаетъ свой первообразъ [2]).

Подражаетъ Гундуличъ пѣвцу Іерусалима и въ пышности изложенія, и въ игрѣ словъ, на которую указано уже выше, стр. 66. Приведу, однако, для сравненія, нѣсколько мѣстъ изъ Тасса:

Тѣ, которые не *вооружены* смѣлостью, не покрыты *вооруженіемъ.*

Онъ не боится *опасности;* боится только, что не будетъ участникомъ великихъ *опасностей*, коимъ ты подвергаешься.

Безжалостная жалость [3]).

Прямо переведено изъ Тасса выраженіе broj bez broja (число безъ числа), выраженіе, которое неоднократно является у Гундулича [4]): въ Освобожденномъ Іерусалимѣ, лазутчикъ Вафринъ, побывавъ въ лагерѣ Египтянъ, доноситъ Гоффреду о громадности ихъ рати и говоритъ „не жди, чтобы я назвалъ тебѣ *безчисленное число* этого войска“ [5]).

Много отдѣльныхъ стиховъ, и цѣлыхъ четырестишій Османа оказывается, просто-на-просто, переводомъ съ италіанскаго, отчасти съ латинскаго; причемъ, нерѣдко, сами италіанцы позаимствовались у римлянъ, а тѣ, въ свою очередь, у грековъ, такъ, что нѣкоторые стихи являются передъ нами въ четырехъ редакціяхъ: въ сербской, италіанской, латинской и греческой. Представлю списокъ подмѣченныхъ мною заимствованій.

Въ самомъ началѣ поэмы читаемъ слѣдующія слова: „въ вершины

---

[1]) Orl. fur. XVIII, 23; Aen. IX, 815—818.

[2]) Osm. XIII; Ger. lib. IV, 1 и слѣд.—Казначичъ (Gliubich, Dizionario biografico), въ примѣръ заимствованій Гундулича у италіанскихъ поэтовъ указываетъ на сходство единоборства Крунославы съ Соколицею (Osm. V, 77—100) и—Брадаманты съ Марфизою (Orl. fur. XXXVI, 19—28 и 46—51), но сходство между этими эпизодами—самое отдаленное.

[3]) quei ch'ardir non armi, arme non copra. Ger. lib. XIX, 32.
Rischio non teme, fuorchè'l non trovarsi
De'tuoi gran rischi a parte. ib. VIII, 11.
Dispietata pietate. Aminta. Atto III, sc. 2.—Такія остроты свойственны не одному Тассу, но и другимъ италіанцамъ временъ возрожденія.

[4]) Osm. III, 26; IV, 85, V, 2.

[5]) non aspettar già che di quell'oste
L'innumerabil numero ti conti. Ger. lib. XIX, 121.

высокихъ горъ прежде всего ударяетъ огненный громъ". То-же самое говоритъ и Тассъ: „громъ падаетъ не на низменную равнину, а на возвышенныя вершины", и уже Горацій сказалъ „громы поражаютъ вершины горъ" [1]).

Чары Мустафиной матери Гундуличъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „замышляя какія-нибудь козни и призывая на помощь себѣ Адъ, она, въ самое глухое время ночи, одна среди темноты, стоитъ съ разутою лѣвою ногою, въ распоясанной одеждѣ; распускаетъ волосы и чернымъ жезломъ проводитъ около себя кругъ, а затѣмъ призываетъ по имени всю нечистую силу и всѣхъ вѣдемъ и обращается къ непослушнымъ духамъ со страшными, сильными заклинаніями". Это описаніе похоже на слѣдующее мѣсто у Тасса: „пришелъ туда волшебникъ и выбралъ благопріятную глубокую тишь ночную.... и, распоясанный, съ одной ногою разутою, ставъ посреди круга, онъ бормоталъ чародѣйскія слова" [2]).

Рѣчи Али-паши отличаются дивною сладостью: „каждое слово его— медъ". Такое-же выраженіе употребляетъ и Тассъ, о египетскомъ посланцѣ Алетѣ: „изъ устъ его исходили потоки краснорѣчія, слаще меда". Сравненіе рѣчей съ медомъ встрѣчается уже и въ Иліадѣ, гдѣ у Нестора

---

[1])
u visocieh gora vrhe
najprie ognjeni tries udari. I, 2.
il folgore non cade
In basso pian, ma sull'eccelse cime. Ger. lib. VII, 9.
feriunt summos
Fulgura montes. Hor. Carm. II, 10 (Ad Licinium Murenam).

[2])
Ona sama usried tmina,
u najglušje doba od noći,
kad zasiede ke zapina,
zovuć pako k svoj pomoći:
s lievom nogom stane izutom
razpasanoj u haljini,
prospe kose, crniem prutom
oko sebe krug učini.
pak nakazni i sve srde
po imenu zvati klikne
i strašive kletve tvrde
neposlušniem dusim vikne. II, 35—37.
qui sen venne il mago e l'opportuno
Alto silenzio della notte scelse....
E scinto e nudo un piè, nel cerchio accolto,
Mormorò potentissime parole. Ger. lib. XIII, 5—6.

„съ языка текъ голосъ, слаще меда“ [1]). Впрочемъ, сравненіе сладкой рѣчи со сладкимъ медомъ столь естественно, что нѣтъ причины особенно настаивать на заимствованіи его у Тасса или у Гомера.

Строфа третьей пѣсни Османа, описывающая утреннюю зарю, представляетъ подражаніе Тассу. Вотъ она въ передѣлкѣ и въ первообразѣ: „на голосъ тихихъ вѣтровъ, рано стала подниматься заря, съ вѣнкомъ, свитымъ изъ розъ, выросшихъ на райскихъ поляхъ.“ „Уже поднялся вѣстовой вѣтерокъ, возвѣщая, что приближается Аврора, а она, между тѣмъ, убирается и украшаетъ золотую голову розами, нарванными въ раю“ [2]).

О городѣ Киліи Гундуличъ говоритъ, что „Килія была нѣкогда знаменитымъ городомъ, а теперь остатки ея едва виднѣются изъ-за кустовъ,.... гдѣ была настилка возвышенныхъ половъ, тамъ теперь пасутся стада на солнцѣ. Гибнутъ города, построенные изъ крѣпкаго камня, а человѣкъ, человѣкъ, изъ смертной плоти, жалуется, что онъ не вѣченъ. О кичливая натура наша!“ То-же самое, у Тасса, говорится о Карѳагенѣ: „Палъ славный Карѳагенъ; берегъ едва сохраняетъ слѣды его славныхъ развалинъ. Гибнутъ города, гибнутъ царства, великолѣпіе и пышность покрываются пескомъ и травою, а человѣкъ видимо негодуетъ на то, что онъ не безсмертенъ. О духъ нашъ, алчный и кичливый“ [3])!

---

[1]) med njegova rieč je svaka. II, 126.
di sua bocca uscieno
Più che mel dolci d'eloquenza i fiumi. Ger. lib. II, 61.
ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέεν αὐδή. Ἰλ. Α. 249.

[2]) Na glas tihieh od vietrica
bieše ranit zora obikla
s viencem, ki joj svi ružica
na rajskieh poljih nikla. III, 2.
Già l'aura messagiera erasi desta
A nunziar che se ne vien l'Aurora:
Ella intanto s'adorna e l'aurea testa
Di rose colte in paradiso infiora. Ger. lib. III, 1.

[3]) Ćelie su grad niekada
glasovita bile imena,
obiliežja jedva sada
naziru se iz kupiena......
gdie visocieh krov bi poda,
sad na suncu stado pase.
Mru gradovi uzdignuti
od kamena stanovita

Въ четвертой пѣсни, Али-паша, упомянувъ о будинскомъ пашѣ Магометѣ-Каракашѣ, восклицаетъ: „О, если-бы въ нашемъ войскѣ было еще трое такихъ бойцовъ, не оно понесло бы жестокое пораженіе, а Поляки.“ Слова эти напоминаютъ отзывъ Тассовской Эрминіи о Ринальдѣ: „если-бы среди непріятелей было еще шестеро такихъ (храбрецовъ), то уже вся Сирія была бы побѣждена и порабощена.“ Такое же выраженіе есть и въ Энеидѣ и примѣнено тамъ къ Энею: „если-бы Троянская земля родила еще двое такихъ мужей, Дарданцы сами пришли бы подъ города Инаховы, и Греція оплакивала бы судьбу свою, противоположную нынѣшней.“ Наконецъ, уже Агамемнонъ такимъ образомъ отзывается о Несторѣ: „если-бы у меня среди Ахейцевъ было еще десять такихъ совѣтниковъ, тогда бы скоро палъ городъ царя Пріама [1]).

О дружинницахъ Соколицы говорится, что онѣ „всѣ носятъ въ рукахъ копья, а въ глазахъ у нихъ стрѣлы;“ о ней самой сказано, что Османъ воспламенился „отъ солнечнаго взора, коимъ она стрѣляетъ въ него изъ прекрасныхъ глазъ своихъ;“ далѣе читаемъ о Круноcлавѣ, что любовь „сдѣлала глаза ея лукомъ, волосы—тетивою, а взоры—стрѣлами [2]).“ Такого рода выраженія, конечно, въ изобиліи встрѣчаются у любовныхъ

a od umrle čoviek puti
žali 'er neima viečnieh lita.
Ah, ponosna naša ćudi! III, 73—76.
Giace l'alta Cartago, appena i segni
Dell'alte sue ruine il lido serba.
Muojono le città, muojono i regni,
Copre i fasti e le pompe arena ed erba;
E l'uom d'esser mortal par che si sdegni.
O nostra mente cupida e superba! Ger. lib. XV, 20.

[1]) Ah, da taka tri bojnika
naša vojska još imala,
nebi nje se šteta prika,
neg poljačka naricala. IV, 55.
Se fosser tra' nemici altri sei tali
Già Soria tutta vinta e serva fora. Ger. lib. III, 38.
Si duo praeterea tales Idaea tulisset
Terra viros: ultra Inachios venisset ad urbes
Dardanus, et versis lugeret Graecia fatis. Aen. XI, 285—288.
Τοιοῦτοι δέκα μοι συμφράδμονες εἶεν Ἀχαιῶν
Τῶ κε τάχ' ἠμύσειε πόλις Πριάμοιο ἄνακτος. Ἰλ. Β. 372—373.

[2]) Sve u rukah kopja nose
i u očiu drže striele. IV, 90.

поэтовъ Италіи, у Петрарки и его подражателей [1]); но приведенныя мѣста особенно напоминаютъ слова одного Аріостова сонета: „эти брови были лукомъ, взоръ—стрѣлою, а стрѣлкомъ—эти прекрасные глаза“ [2]). Впрочемъ, подобное срѣляніе встрѣчается и въ одной сербской народной пѣсни: „душка Лиза, въ меня попала стрѣла изъ бѣлаго лица твоего. Глаза твои—вотъ мои стрѣлы“ [3]).

Два странныхъ стиха въ пѣсни варшавянокъ (см. выше, стр. 64), въ коихъ говорится, что по Польшѣ потекли медъ да молоко, вѣроятно, также суть подражаніе италіанцу, а именно Тассу, который, въ своемъ Аминтѣ, провинился слѣдующими стихами: „при сладкомъ звукѣ звонкой свирѣли, который привлекаетъ въ слушатели камни съ высокихъ горъ и заставляетъ рѣки течь чистымъ молокомъ, и медъ — капать изъ грубой коры“ [4]).

Хайдаръ и Дилаверъ, вступаютъ въ единоборство „какъ два быка въ горахъ, когда на нихъ найдетъ любовная ярость: мыча, въ страшномъ свирѣпствѣ, они стараются убить другъ друга; нагибаютъ они головы, сильное желаніе ихъ, болѣе и болѣе, подстрекаетъ и разъяряетъ, и кидаются они другъ на друга виторогими лбами. Изъ стада смотритъ на нихъ самка, причина боя, и не знаетъ кому ей суждено принадлежать.“ Яростно сражающіеся бойцы и у Тасса сравниваются съ быками: Клоринда и Танкредъ, „идутъ другъ на друга, словно два быка, ревнивые и пылающіе гнѣвомъ“. Но гораздо ближе Гундуличево сравненіе под-

---

s pogleda nje sunčana,
Kiem ga iz oči liepieh strielja. IV, 99.
Luk nje oči, pram tetivu,
a poglede stvori strile. V, 28.

[1]) Напр., Petr. In morte di Madonna Laura, son. I.

[2]) questi cigli l'arco e'l sguardo strale
E feritor questi begli occhi foro. Ariosto. Le rime (La rete fu di queste fila d'oro).

[3]) устрели ме стрела,
Душо Јецо, из твог белог лица.
Очи твоје то су стреле моје. Караџић. Српске народне пјесме. Дио I, № 482, стран. 351.—Јеца=Јелица; а Јелица („елочка“) искажено изъ Јелиса, въ силу народнаго словопроизводства.

[4]) Al dolce suon della sampogna chiara
Ch' ad udir trae dagli alti monti i sassi
E correr fa di puro latte i fiumi,
E stillar mele dalle dure scorze. Aminta. Atto III, sc. 1.

ходитъ къ слѣдующему мѣсту изъ Виргилія, въ коемъ описывается единоборство между Энеемъ и Турномъ: „какъ, когда на огромной Силѣ, или на вершинахъ Табурна, два быка начинаютъ непріязненный бой и бросаются другъ на друга съ опущенными лбами.... весь скотъ отъ страху замолкъ, и телки недоумѣваютъ, кто будетъ господствовать въ рощѣ, за кѣмъ будетъ слѣдовать все стадо“—такъ вступаютъ въ единоборство витязи [1]).

Дервишъ-ага, летящій въ погоню за бѣгущимъ изъ Константинополя Дилаверомъ, уподобляется вырвавшемуся на волю коню: „какъ жеребецъ, когда онъ съ ярости оторвется отъ яслей, быстрѣе вихря бѣжитъ, скачетъ, трясетъ гривою, подымаетъ голову, фыркаетъ и ржетъ,—такъ стремится по городу жестокій воинъ.“ Это сравненіе является здѣсь уже въ четвертой редакціи: встрѣчаемъ мы его и у Тасса, и у Виргилія, и у Гомера. Тассъ примѣняетъ его къ Арджилляну, который, находившись въ заключеніи, за коноводство въ мятежѣ противъ Гоффреда, успѣлъ освободиться и спѣшить въ сраженіе, загладить вину свою новыми подвигами: „каковъ конь, убѣгающій изъ царскихъ конюшень, гдѣ берегутъ его для употребленія на войнѣ,—освободившись наконецъ, онъ по просторному пути спѣшитъ къ табунамъ, или къ привычной рѣкѣ, или на пастбище: вьется

---

[1])
Jak dva bika u planini,
kad ih ljuven bies uhiti,
muka'uć strašno u vrlini,
ovi onoga ište ubiti.
Sgiblju glave, želja mnoga
podžiže ih svedj i srči,
tere jedan na drugoga
s vitoroziem čelom trči.
Ljubovca ih gleda iz stada,
ka je od boja uzrok njima,
i u sumnji stoji mlada,
čija od njih biti ima. XIX, 70—72.
vansi a ritrovar, non altrimenti
Che duo tori gelosi e d'ira ardenti. Ger. lib. XII, 53.
veluti ingenti Sila summove Taburno
Cum duo conversis inimica in proelia tauri
Frontibus incurrunt. . . . .
Stat pecus omne metu mutum, mussantque juvencae,
Quis nemori imperitet, quem tota armenta sequantur. Aen. XII, 715—719.

грива у него по шеѣ и по плечамъ; гордо киваетъ поднятая голова, ноги гремятъ на бѣгу, и онъ, словно, горитъ, наполняя воздухъ звучнымъ ржаніемъ—таковымъ является Арджиллянъ.“ Виргилій уподобляетъ коню идущаго на битву Турна: витязь порывается впередъ, „какъ конь, который, разорвавъ узы, убѣжалъ изъ стойла и, освободясь наконецъ и очутившись въ открытомъ полѣ, направляется на пастбище и къ табунамъ кобылицъ, или, по привычкѣ, летитъ выкупаться въ знакомой рѣкѣ и, съ поднятою головою, ржетъ, гордо рисуясь; а грива вьется у него по шеѣ и по плечамъ.“ И вотъ, наконецъ, первообразъ всѣхъ этихъ картинъ: Парисъ, когда Гекторъ и Елена убѣдили его вернуться въ сраженіе, спѣшитъ черезъ Трою, „какъ застоялый конь, котораго кормили при ясляхъ, когда онъ, разорвавши узы, звонко скачетъ по полю, привыкши купаться въ свѣтлоструйной рѣкѣ; рисуясь, онъ высоко держитъ голову, а вкругъ плечъ у него вьется грива: гордится онъ красотой своей, и быстро мчатъ его ноги на привычное пастбище и въ табунъ“ [1]).

---

[1]) jak pastuh, kad se od biesa
s jasli odtrgne, vihra brži
teče, skače, grivom stresa,
glavu uzdiže, puha, rži:
preko grad́a vitez vrli
tako srne. XIX, 99—100.

Come destrier che dalle regie stalle,
Ove all' uso dell' armi si riserba,
Fugge, e libero alfin per largo calle
Va tra gli armenti, o al fiume usato, o all'erba;
Scherzan sul collo i crini e su le spalle;
Si scote la cervice alta e superba;
Suonano i piè nel corso, e par ch'avampi,
Di sonori nitriti empiendo i campi. Ger. lib. IX, 75.

Qualis ubi abruptis fugit praesepia vinclis
Tandem liber equus campoque potitus aperto,
Aut ille in pastus armentaque tendit equarum,
Aut assuetus aquae perfundi flumine noto
Emicat, arrectisque fremit cervicibus alte
Luxurians, luduntque jubae per colla per armos. Aen. XI, 493—498.

ὡς δ'ὅτε τις στατὸς ἵππος, ἀκοστήσας ἐπὶ φάτνῃ,
δεσμὸν ἀπὸρρήξας θείῃ πεδίοιο κροαίνων,
εἰωθὼς λούεσθαι ἐὒρρεῖος ποταμοῖο
κυδιόων· ὑψοῦ δὲ κάρη ἔχει, ἀμφὶ δὲ χαῖται
ὤμοις ἀΐσσονται· ὅ δ'ἀγλαΐηφιν πεποιθώς,
ῥίμφα ἑ γοῦνα φέρει μετά τ'ἤθεα καὶ νομὸν ἵππων. 'Ιλ. Z. 506—511.

Кромѣ уже приведенныхъ, въ Османѣ еще много подражательныхъ мѣстъ; но перебирать всѣ было бы долго, и лучше будетъ ограничиться однѣми ссылками:

Osm.	IV,	81	срав.	Ger. lib.	XVII,	22.
—	—	93-95	—	— —	II,	39-40; Aen. VII, 803-807.
—	—	111	—	– —	XVII,	17.
—	—	112	—	— —	XVII,	18.
—	V,	24-25	—	Aen.	XI,	571-575.
—	—	35-36	—	Ger. lib.	XII,	8.
—	—	99-100	—	— —	III,	21-22; IV, 29.
—	—	130-131	—	— —	II,	47.
—	VII,	52-53	—	Orl. fur.	XXXV,	25; Hor. Carm. Lib. IV, c. 9 (Ad. Lollium).
—	—	75	—	Ger. lib.	I,	51.
—	—	81	—	— —	XVI,	6.
—	—	83	—	— —	XX,	70.
—	VIII,	98-99	—	— —	VII,	7.
—	—	107	—	Dante. Inferno.	V,	21.
—	IX,	24	—	Ger. lib.	IX,	82.
—	—	55	—	Aen.	IX,	565.
—	—	99	—	Ger. lib.	XV,	60.
—	—	128-129	—	Orl. fur.	XVIII,	35.
—	—	133	—	Ger. lib.	VII,	110; Aen. VI, 625-627; 'Ιλ Β. 488-489.
—	—	135	—	— —	XX,	33 [1]).
—	X,	84	—	— —	X,	14.
—	—	94	—	Orl. fur.	XV,	40; Aen. VII, 810-811.
—	XI,	162	—	Ovidius, Tristium libri.	V,	8, 16.
—	—	202	—	Ger. lib.	II,	80.
—	—	204	—	— —	—	—
—	XIII,	4	—	— —	IV,	1.
—	—	9	—	— —	—	2.
—	—	11-12	—	— —	—	3.
—	—	23	—	— —	—	6; Dante, Inferno XXXIV, 30.
—	—	24	—	— —	—	7.
—	—	56-57	—	— —	—	14.
—	—	63	—	— —	—	15.
—	—	65	—	— —	—	9.

[1]) Послѣдніе два мѣста, несомнѣнно, сходны: въ первомъ, Соколица ударяетъ Юрія по поясу и разрубаетъ на-двое,—

— XVII, 95	срав.	Salust. de bello Jug. cap. 10 [1]).	
— XVIII, 90-91	—	Aen.	IV, 441.
— 112-114	—	Ger. lib.	IX, 34.
— — 115-116	—	— —	XX, 36.
— — 127	—	— —	VI, 38.
— — 128-129	—	— —	XIX, 23-24.
— — 138	—	— —	— 17.
— XIX 74	—	— —	IX, 23.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Народная струя въ Османѣ.

Съ глубокимъ уваженіемъ къ иностраннымъ поэтамъ и съ, подчасъ даже рабскими, подражаніями имъ въ Гундуличѣ уживалась любовь къ первому лепету родной поэзіи—къ пѣснямъ простого народа.

Любовь эту самъ поэтъ высказываетъ въ Османѣ, хотя иносказа-

Preko pasa Gjurgja udara
i razciepa u dva diela—

а, во второмъ, Джильдиппа попадаетъ Зопиру „туда, гдѣ люди опоясываются, такъ, что онъ падаетъ, почти разрубленный по-поламъ"—

Coglie Zopiro là dov'uom si cinge
E fa che quasi bipartito ei cada;—

но дѣло въ томъ, что такіе же удары наносятъ и въ народныхъ пѣсняхъ: ударилъ одинъ другого по шелковому поясу, и съ лошади пали двѣ половинки—

Удари га по свилну појасу,
Двије поле са коња падоше, Караџић. Пјесме. II, 52, 114.

[1]) Спѣшу извиниться, что поставилъ Саллюстія въ число стихотворцевъ. Воспроизведены Гундуличемъ изъ этого писателя знаменитыя слова Миципсы, увѣщевающаго своихъ сыновей и Югурту жить въ мирѣ и въ ладу, nam concordia parvae res crescunt, discordia maxumae dilabuntur; поэтъ нашъ перевелъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

jedinstvom svud i skladom
i malahna stvar uzrasti,
a nemirom i zavadom
i velika bude pasti,

т. е. отъ единодушія и согласія и малое дѣло растетъ, а отъ ссоръ и раздора можетъ пасть и великое.

тельно: по его словамъ, даръ пѣсенъ завѣщанъ Славянамъ самимъ Орфеемъ, котораго онъ, какъ мы уже видѣли выше, считаетъ болгариномъ [1]).

При такомъ взглядѣ на народную поэзію, нельзя было не позаимствоваться изъ нея кое-чѣмъ, что̀ Гундуличъ и сдѣлалъ, дѣйствительно: изъ этого источника онъ почерпнулъ немало выраженій, сравненій и, особенно, эпитетовъ; изъ него же онъ заимствовалъ повтореніе, въ разныхъ мѣстахъ, однихъ и тѣхъ же стиховъ. Впрочемъ, послѣднею особенностью онъ могъ позаимствоваться и у Гомера, или у Виргилія; о ней буду говорить послѣ, а теперь постараюсь указать встрѣчающіеся въ Османѣ народные выраженія, сравненія и эпитеты.

Есть у Гундулича слѣдующее обращеніе къ Владиславу: „Не устрашились твои молодцы многочисленности Турокъ: еслибъ и небо обрушилось на нихъ, они бъ удержали его на своихъ копьяхъ! [2])“ Читая это мѣсто, какъ не вспомнить слова далматинской пѣсни о косовской битвѣ, въ которой княгиня Милица проситъ Лазаря оставить при ней хоть когонибудь изъ ея родственниковъ, а онъ отвѣчаетъ: „не могу оставить при тебѣ ни одного изъ Уговичей: они хвастались передъ славнымъ венгерскимъ королемъ, что, если бъ и небо обрушилось на черную землю [3]), они бъ удержали его на боевыхъ копьяхъ своихъ [4]).“

---

[1]) Osm. III, 16.

[2]) Niesu od množtva Turak sade
junaci se tvi prepali,
jer da nebo odzgar pade
na kopjah bi ga uzdržali. X, 54.

[3]) Въ подлинникѣ, при словѣ земля, стоитъ еще другой эпитетъ—junačka. Прилагательное это, какъ извѣстно, значитъ „молодецкій, богатырскій“ (добар јунак, въ пѣсняхъ, равно нашему „добрый мо́лодецъ“), такъ что junačka zemlja, должно быть, значитъ „кормилица мо́лодцевъ“—χθὼν βωτιάνειρα.

[4]) Ne mogu ti ostavit' nijednoga od Ugovića,
Oni su se zahvalili sv'jetlu kralju ugrskomu,
Kad li nebo padnulo na junačku crnu zemlju,
Oni bi ga primili na svoja na bojna kopja. Mikl. VI, 105—108.—
Mikl.—Beiträge zur Kenntniss der slavischen Volkspoesie. Die Volksepik der Kroaten v. Franz Miklosich. Wien 1870. Эта брошюра, содержащая въ себѣ всего 30 пѣсень, для сравненія съ Гундуличемъ, важнѣе обширнаго сборника Караджича, такъ какъ многія изъ этихъ пѣсень записаны въ Дубровникѣ, притомъ въ XVIII, XVII, а нѣкоторыя даже въ XVI в.; къ тому Гундуличъ, перечисляя героевъ славянскихъ былинъ (Osm. III, 17—27), называетъ, между прочимъ, такія лица, которыя являются на сцену въ этихъ пѣсняхъ.

Встрѣчаются въ Османѣ и еще нѣкоторыя сходныя съ народными выраженія, такъ, Милошъ Обыличъ „на Косовѣ смертельно ударилъ ножомъ могучаго султана“, а, въ одной пѣснѣ, этотъ герой обѣщается *ударить* султана *ножомъ* въ трепещущее сердце [1]).

Гундуличево „kraljević junak Marko“ напоминаетъ пѣсенное выраженіе „Jakšić junak Mitar [2]).“ Славнаго Яна Гуніада поэтъ нашъ называетъ „венгерцемъ воеводою Янкомъ,“ а такъ же называютъ его и народныя пѣсни [3]).

Стихъ Гундулича, „od koljena gospodskoga“ встрѣчается, въ видѣ полустишія, и въ одной пѣснѣ:

bješe Stjepan od koljena gospodskoga [4]).

Далѣе, находимъ въ Османѣ и нѣкоторыя поговорки: Калинка съ Любицею живутъ такъ дружно, „какъ будто ихъ родила одна мать,“ а существуетъ поговорка „словно ихъ одна мать родила. [5])“ Въ другомъ мѣстѣ, Даутъ говоритъ, что Османъ—ребенокъ, „которымъ повѣваетъ всякій вѣтеръ,“ а это изреченіе также есть въ числѣ сербскихъ поговорокъ, и Деллабелла объясняетъ его словомъ instabile (непостоянный) [6]). Народная же поговорка вложена въ уста похищаемой кизларъ-агою Сунчаницѣ и захваченной Дилаверомъ Бегумѣ: первая восклицаетъ „о бѣдная мать моя, на что ты меня родила!;“ а вторая—„ахъ, злополучная мать моя, родившая меня красавицей! [7])“. Такимъ образомъ, Сунчаница и Бегума взываютъ къ матерямъ своимъ, между тѣмъ, какъ о Бегуминой матери поэтъ ни словомъ не упоминаетъ, а матери Сунчаницы уже не было въ живыхъ, такъ какъ эта дѣвушка составляетъ единственное утѣ-

---

1) handžarom cara silna
na Kosovu smrtno udri. Osm. III, 79.
hoću ga handžarom udriti u srce živo. Mikl. VI, 143.

2) Osm. III, 20; Mikl. XI, 29.

3) Ugrin Janko vojevoda. Osm. VIII, 80; Mikl. XII, 20; XIII, 12; XIV, 15. и т. д.

4) Osm. VII, 98 (=VIII, 20); Mikl. XXV, 23.

5) ko da je obie dvije
jedna majka porodila. Osm. XII, 26.
koliko da ih je jedna majka rodila. Poslovice na svijet izdao Gj. Daničić. U Zagrebu 1871.

6) Dizionario italiano latino illirico del p. Ardelio Della Bella. In Venezia 1728. Ragusa 1735.

7) O žalosna majka moja,
na što me si porodila! Osm. VIII, 170.

шеніе своего отца; словомъ, эти обращенія оказываются, просто, реторическою фигурою, какая нерѣдко встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ, напр., „убѣжалъ онъ, радуйся мать его;“ „о визирь, горе твоей матери!;“ „взялъ онъ царево знамя, а въ знамя безсчетныя сокровища. Пусть беретъ ихъ съ собой, радость его матери!;“ „о блаженна родившая тебя мать: тобой я всегда гордился, среди братьевъ и среди вельможъ, а злополучная была мать, родившая Вука!;“ „о блаженна родившая тебя мать, потомучто ты не отравилъ у меня братца моего, Степана! [1])“ Надо замѣтить, что, ни въ одной изъ этихъ пѣсень, не упомянуто, была ли въ живыхъ мать, къ которой обращается восклицаніе: мать и въ могилѣ, какъ будто, продолжаетъ дѣлить со своимъ дѣтищемъ и горе, и радости. На эти обращенія къ матери указалъ уже Казначичъ, отъ котораго мы узнаёмъ, что они употребительны и въ разговорной рѣчи [2]).

Перехожу къ сравненіямъ. Стройность Крунославина роста уподобляется у нашего поэта стройности ели: ростомъ Круноslава, точно стройная ель въ лѣсу [3]). Такое же сравненіе является и въ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ мы находимъ, напр., слѣдующія выраженія: рядомъ росли двѣ сосны,

---

Ah, prokleta majka moja,
ka me' e liepu porodila! Osm. XIX, 55.

[1]) утече, весела му мајка. Кар. III, 57, 82.
О везире, жалосна ти мајка. Кар. IV, 43, 434.
он узе алај-барјак царев,
И у барјак небројено благо;
Нека носи, весела му мајка! Кар. IV, 47, 42.
Ah, blažena majka tvoja, koja te je porodila.
Tobom sam se svedj dičio medju braćom i gospodom;
A prokleta majka bila, koja je Vuka porodila. Mikl. VI, 243—245.
Ah majka blažena, koja te je porodila,
Er mi n'jesi Stjepana brata moga otrovala. Mikl. VIII, 38.—

Кар.—Српске народне пјесме скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. У Бечу. Книга I—въ 1841; кн. II—въ 1845; кн. III—въ 1846). Цифра IV указываетъ на Народне пјесме скупио и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Књига четврта. У Бечу 1833 г. (это—дополнительный томъ къ первому, лейпцигскому, изданію). Арабскія цифры показываютъ: первая—номеръ пѣсни, а вторая стихъ; у коротенькихъ же пѣсень перваго тома послѣдняя указываетъ не на стихъ, а на страницу.

[2]) Ivan August Kaznačić. Sastavak o pjesmah narodnih i epose dubrovačkih. (Ilirska čitanka za gornje gimnazie. Knjiga druga. U Beču 1860, str. 280).

[3]) Uzrastom je Krunoslava
kano u gori vita jela. Osm. V, 77.

а между ними тонковерхая ель. Были то не двѣ зеленыя сосны, и между ними—не тонковерхая ель, а были то два родныхъ брата, одинъ—Павелъ, другой—Радулъ; между ними сестрица ихъ Лиза. Росла стройная елка, съ двѣ горы высотою (?). Была то не елка, а рослая дѣвушка [1]). Встрѣчается у Гундулича и уподобленіе витязя соколу, которое также взято изъ народныхъ пѣсенъ: Соколица имѣетъ видъ яснаго, быстраго сокола; сыновья деспота Юрія говорятъ своей матери: „твои два сына, два сокола,—два слѣпца и два узника;" къ Владиславу обращаются съ воззваніемъ: „сѣрый соколъ полуночи!;" „сѣрый соколъ ты нашъ!" Въ пѣсняхъ неразъ встрѣчается такое прозвище: былъ нѣкто Страхиня-банъ, такой, что нѣтъ противъ него сокола; палъ шатеръ на сокола Марка; двинулъ войско старый Богданъ Югъ, съ девятью сыновьями, съ девятью Юговичами, словно съ девятью сѣрыми соколами—по сторонамъ у него два сѣрыхъ сокола: съ правой стороны сынъ Максимъ.... а съ лѣвой—Милошъ Обреновичъ [2]). Изъ того-же источника идетъ уподобленіе дѣвушекъ виламъ (нимфамъ): поэтъ ихъ то сравниваетъ съ ними, то прямо зоветъ

---

[1])   Два су бора напоредо расла,
Međу њима танковрха јела.
То не била два бора зелена
Ни međ њима танковрха јела,
Већ то била два брата рођена:
Једно Павле, а друго Радуле,
Međу њима сестрица Јелица. Кар. II, 5, 1—7.
   Расла танка јелика
На два брда велика.
То не била јелика,
Већ дјевојка велика. Кар. I, 64, 179.

[2])   Sokolica od sokola
Bistru i hitru sliku ima. Osm. V, 80.
   Tva dva sina, dva sokola,
Dva sliepca su i dva sužna. Osm. VIII, 122.
   Siv sokole od sievera! Osm. III, 38.
   o sivi naš sokole! Osm. X, 32.
   Нетко бјеше Страхинићу бане

. . . .

Да такога не има сокола. Кар. II, 44, 4.
Паде шатор на сокола Марка. Кар. II, 63, 41.
Маче војско Богдан Јуже стари
С девет сина девет Југовића,
Како девет сиви соколова. Кар. II, 46, 49.

вилами [1]). Въ народной поэзіи встрѣчаются тому слѣдующія примѣры: не пришелъ я мѣшать хороводу дѣвушекъ, а пришелъ свататься къ дѣвушкѣ, къ бѣлой вилѣ; нѣтъ, братъ, и вилы подобной ей (одной дѣвушкѣ) [2]). Очевидно, изъ народныхъ же пѣсень взято плеонастическое выраженіе „черный арапъ, [3])" которое въ нихъ встрѣчается неоднократно, напр.: строитъ башню черный арапъ; „о витязь, черный арапъ! [4])"

Особенно много Гундуличъ заимствовалъ у народа *постоянныхъ эпитетовъ* (epitheta ornantia). Ель онъ называетъ *стройною* (vita jela): въ приведенномъ уже выше примѣрѣ, Круносдава уподоблена *стройной* ели [5]), а въ лѣсу, подъ Варшавою, ростутъ „кудрявый ясень, раскидистый вязъ, зеленая сосна, бѣлая ольха, дикій орѣшникъ, крѣпкій дубъ, пышный яворъ, и *стройная* ель [6]). Въ пѣсняхъ этотъ эпитетъ встрѣчается сплошь да рядомъ, напр. [7]), „стройная ель, раскинь вѣтки!;" Асанъага опирался на стройную ель; ружье хватило гораздо выше и попало въ стройную ель; „обрати меня, Боже, въ стройную ель въ горахъ!;" чтобъ отдохнуть ему подъ зеленою, стройною елью [8]).

Око њега два сокола сива:
С десне стране дијете Максиме,
. . . .
А с лијеве Милош Обреновић. Кар. III, 89, 600.

[1]) Osm. IX, 96; II, 125; VI, 21, 38 и т. д.

[2]) Нисам дош'о да уставьлам коло ђевојак',
Нег' да просим ђевојчицу, вилу бијелу. Свадебная пѣсня у Караджича: Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона. У Бечу 1849, стр. 51.
Ни вила јој, брате, друга није. Кар. II, 40, 14.

[3]) u crnoga arapina. Osm. VIII, 172.

[4]) Кулу гради црни Арапине. Кар. II, 66, 1.
О јуначе арапине црни. Кар. II, 69, 201.

[5]) Osm. V, 77.

[6]) Rudi jasen, bries široki,
bor zeleni, joha biela,
divja lieska, drien žestoki,
kitni javor, vita jela. Osm. IX, 63.

Что касается эпитета ясеня (rudi), то это эпитетъ несовсѣмъ подходящій, но, по показаніямъ словарей, rudi значитъ только „кудрявый", или же „красноватый", что еще менѣе къ нему подходитъ.

[7]) На постоянные эпитеты буду приводить по-больше примѣровъ, чтобы показать, что они, дѣйствительно, постоянные: эпитетъ, на который можно привести два-три примѣра, не есть еще постоянный.

[8]) Вита јело, пусти широм гране. Кар. III, 78, 205.

У польскаго короля оказываются *бѣлыя палаты*—bieli dvori [1]),—а въ народной поэзіи постоянно являются бѣлыя палаты: повелъ онъ ее къ своимъ бѣлымъ палатамъ; „ступай, сокровище, къ бѣлымъ палатамъ!;“ „зачѣмъ это бѣлыя палаты отворены?;“ когда онъ приближался къ бѣлымъ палатамъ; Лазарь пришелъ въ свои бѣлыя палаты; „открой окна бѣлой палаты!;“ господа пришли въ бѣлыя королевскія палаты; летомъ онъ полетѣлъ къ бѣлымъ палатамъ герцога; „какъ проведу тебя по бѣлымъ палатамъ султанскимъ?“ [2]). Нѣсколько разъ Гундуличъ употребляетъ выраженіе *сѣрый соколъ*—sivi soko [3]),—а эпитетъ „sivi“ въ пѣсняхъ почти неразлученъ со словомъ „soko“: читаемъ мы, напр., кричитъ Ненадъ, какъ сѣрый соколъ; говорятъ, что это сѣрый соколъ; полетѣлъ соколъ, сѣрая птица; девять сѣрыхъ соколовъ; два сѣрыхъ сокола; полетѣлъ сѣрый соколъ черезъ городъ Самборъ; соколъ, сѣрая птица [4]).

Асан-ага. . . . .
На виту се јелу наслоњаше. Кар. I, 367, 271.
Високо га пушка заметнула
Те је виту јелу ударила. Кар. III, 421, 277.
Satvori me, moj bože, vitom jelom u planini! Mikl. XXX, 9.
Da bi počinuo pod zelenom vitom jelom. Mikl. XXX, 13.

[1]) Osm. X, 107.

[2]) Одведе је свом бијелу двору. Кар. I, 738, 571.
Иди, рано, двору бијеломy. Кар. I, 763, 628.
Што су бјели двори отворени? Кар. I, 588, 425.
Кад је био близ бијела двора. Кар. II, 29, 155.
Lazar dohodi u svoje b'jele dvore. Mikl. V, 30.
otvori prozori od b'jela dvora! Mikl. VI, 3.
gospoda dodjoše u kraljeve b'jele dvore. Mikl. XVII, 35.
Letom bieše odletio hercegu na b'jele dvore. Mikl. XXIV, 16.
Kako ću ti provesti proz careve b'jele dvore? Mikl. XXVII, 33.

[3]) Siv sokole od sievera. Osm. III, 81.
konj pod njom sivi soko. V, 81.
Soko mu se sivi vije
vrh svietloga vedra čela. IX, 107.

[4]) Кличе Ненад како соко сиви. Кар. II, 16, 87.
Огласују да је соко сиви. Кар. II, 20, 5.
Полетио соко тица сива. Кар. II, 46, 1.
Девет сиви соколова. Кар. II, 46, 49.
Два сокола сива. Кар. II, 47, 62.
Odletio siv sokole vrh grada od Sambora. Mikl. XXIV, 11.
Sokò siva ptica. Mikl. XXIV, 12 и 15.

Еще чаще, чѣмъ о „сѣрыхъ соколахъ,“ поэтъ нашъ говоритъ объ *острой саблѣ*—britka sablja [1]), а въ пѣсняхъ прилагательное „бритка“ льнетъ къ слову „сабља“ точно такъ же, какъ „сиви“—къ слову „соко.“ Напр., „развѣ тебя чѣмъ обидѣли, я ли, во[illegible] и конь мой, или острая сабля?;“ на конѣ боевое сѣдло, а при [illegible] сабля; они припоясили острыя сабли; „чтобъ не ржавѣ[illegible]рая его сабля;“ „острую саблю его расплавлю;“ взмахиваетъ острою саблею; „у тебя въ рукахъ острая сабля;“ „бросьте подъ ноги коню его щиты свои и острыя сабли!;“ Янко извлекъ изъ-за пояса острую саблю [2]).

Изъ того-же источника заимствовано выраженіе *vedro nebo* (ясное небо). Гундуличъ говоритъ: быстрый лучъ солнца распространился по

---

[1]) „Острая“—такъ сами Сербы, въ настоящее время, понимаютъ устарѣлое слово „бритка“, такъ толкуютъ его Караджичъ, Стулли и др. Но пониманіе ихъ едвали основано на чемъ иномъ, какъ на народной этимологіи, сблизившей *бритка* съ глаголомъ *бриjати* и съ существительнымъ *бритва;* научная же этимологія, отдѣливъ корень *бри* и наставку—*ъкъ*, становится втупикъ передъ явившимся между ними звукомъ т, который въ словахъ бриjати и бритва принадлежитъ къ наставкѣ. Встрѣчается, однако, другое написаніе этого слова, *bridka* и въ мужескомъ родѣ *bridak (mač)*, кое находимъ, напр., въ Стулліевомъ словарѣ; а это, очевидно, и есть правильное начертаніе, соотвѣтствующее польскому слову *brzydki*, *brzydny*, гадкій, скверный, отвратительный, и равносильному чешскому *břidký*; также какъ и хорутанскому *bridek*, горькій. И въ Староцерковномъ языкѣ есть слово бридъкъ 1) горькій 2) острый, рѣзкій (въ перен. знач.—нпр. чювьство) 3) жестокій, суровый. (Словарь Востокова). Итакъ, *бридка сабља,* первоначально значило, вѣроятно, „жестокая, суровая“ сабля, или, можетъ быть, „горькая“, на подобіе Гомеровской „горькой стрѣлы“—πικρὸς ὀϊστός.—Въ Османѣ эпитетъ britka употребленъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Svi imaju konja dobra,
sablju britku i luk jaki (IV, 66)—у каждаго есть добрый конь, острая сабля и тугой лукъ.

s britkom sabljom, s kopjem vitiem. V, 64.

Vito kopje, štit pereni,
britka sablja, desna ruka. VI, 88.

tridesti britkieh sablja. X, 97.

Britke sablje prodrieše oni (обнажили они острыя сабли). XVIII, 112.

[2]) Али ти je што до мене,
Ал' до мога врана коња,
Ал' до моје бритке сабље? Кар. 419, 307.

на коњу боjно седло,
И о седлу бритка сабља. Кар. I, 262, 178.

ясному небу [1]). Въ народныхъ пѣсняхъ vedro есть постоянный эпитетъ неба: пролеће преко равна поља, како звјезда преко ведра неба. Кар. I, 239, 164; „расла јела у висину до ведра неба,“ I, 423, 312; ведро небо над нама. I, 455, 332; погледај чистом ведромъ небу! II, 47, 11; jesu li mi vlašići vedro nebo pripježili? Mikl. VI, 6 [2]); ovo mi se noćaske trudan sanak izasnio,..... dje se je vedro nebo na četvoro raspuknulo. VI, 74 (въ эту ночь мнѣ приснился страшный сонъ, будто ясное небо растреснуло на четыре части); saeta se spuštala iz aera vedra neba. IX, 13; zadjeli se bijahu u jajeru (начали бой въ воздухѣ) vedra neba soko i ljuta zmija. XXI, 11; krunu metnem u visine vedra neba. XXII, 20.

припаше бритке сабље. Кар. II, 505, 385.
Бритка му сабља не рђала! Кар. II, 16, 38.
Бритку ћу му сабљу растопити. Кар. II, 25, 7.
Бритком сабљом узмахује. Кар. III, 34, 276.
U rukah ti britka sablja. Mikl. IV, 34.
Britku sablju izmaće. Mikl. IV, 54.
Mećite mu prid konja štite vaše i sablje britke. Mikl. VI, 192.
Janko izvadi iz pojasa britku sablju. Mikl. XV, 17.

[1]) sunčana zraka plaha
po nebu se pruži vedru. Osm. III, 3.

[2]) Испестрили ли Плеяды ясное небо?—Стихъ этотъ представляетъ нѣкоторое затрудненіе для перевода: въ рукописи и у Миклошича онъ читается не совсѣмъ такъ, какъ приведенъ здѣсь—вмѣсто pripježili читается pripješili. Но слова pripješiti нѣтъ ни въ Сербскомъ, ни въ другомъ какомъ языкѣ; почему Гильфердингъ (Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. С.-Петербургъ. 1859, стр. 249) предложилъ принятое мною чтеніе pripježili, производя это слово отъ pjega (пятно, пѣжина) и переводя его испестрить. Миклошичъ съ мнѣніемъ Гильфердинга не соглашается и думаетъ, что pripješiti, по побережному выговору, стоитъ вмѣсто prepješiti и что это значитъ „переспѣшить“, т. е. пробѣжать, пройти,—даромъ, что глагола „перепѣшить“ нѣтъ ни въ одномъ славянскомъ нарѣчіи. Такимъ образомъ, Миклошичъ этотъ стихъ и слѣдующій за нимъ (je li zv'jezda danica u istoku sunčanomu) переводитъ такъ: пробѣжали ли Плеяды по ясному небу, видна ли на солнечномъ восходѣ звѣзда-денница?; а объясняетъ ихъ тѣмъ, что въ Сербіи, въ Сентябрѣ-мѣсяцѣ (въ пѣснѣ говорится о косовской битвѣ), Плеяды восходятъ часа за полтора до солнца и къ восходу денницы кончаютъ уже краткій путь свой; въ подтвержденіе этого толкованія онъ ссылается и на слова vedro nebo. Но, кажется, объясненіе маститаго филолога можетъ служить подтвержденіемъ какъ его собственному взгляду, такъ и взгляду Гильфердинга: не только захожденіе Плеядъ, но уже и появленіе ихъ на небѣ указывало на близость разсвѣта, о которомъ тутъ спрашиваетъ князь Лазарь. Замѣчу еще, что ссы-

„Грозне сузе," горькія слезы [1]), которыя сплошь да рядомъ встрѣчаются въ народной поэзіи, являются и у нашего поэта. Онъ говоритъ: не хватаетъ у нея силъ удержать на глазахъ горькія слезы; она изъ родника свѣтлыхъ очей пролила рѣки горькихъ слезъ; она обливается горькими слезами; мелкій бисеръ горькихъ слезъ [2]). Въ пѣсняхъ такія выраженія встрѣчаются повсюду, напр.: она роняла горькія слезы; она

латься на эпитетъ vedro рѣшительно нельзя: какъ мы увидимъ ниже, такіе эпитеты не имѣютъ почти никакой опредѣлительной силы.

[1]) Въ вѣрности такого перевода я не вполнѣ увѣренъ, но держусь его потому, что „горькія слезы" у насъ такое-же ходячее выраженіе, какъ „грозне сузе" у Сербовъ; вслѣдствіе чего впечатлѣніе отъ обоихъ оборотовъ одинаковое. Что жъ до первоначальнаго значенія сербскаго эпитета, то оно, кажется, совершенно не то́; основаніемъ же обычнаго перевода, очевидно, только и служатъ тѣ же выраженія grozne suze да grozni plač, которыя онъ долженъ объяснять: они одни приводятся, въ подкрѣпленіе его, у Микали, Стулли и Веселича, а у Вольтидджи только и выставлено выраженіе grozni plač (Blago jezika slovinskoga illi Slovnik ù komu izgodaju se rjeci slovinske Latinski i Diacki. Thesaurus linguae Illyricae sive Dictionarium Illyricum in quo verba Illyrica Italicè & Latinè redduntur. Labore P. Jacobi Micalia societ. Jesu collectum. Lawreti 1649.—Ricsoslovnik (Vocabulario—Wörterbuch) Ilirskoga, italianskoga i nimacskoga jezika s'jednom pripodstavljenom Grammatikom ili pismenstvom sve ono sabrano i sloxeno od Jose Voltiggi istrianina. U Becsu (Vienna) 1803.—Joakima Stulli Dubrovcsanina Rjecsosloxje. U Dubrovniku MDCCCVI.—Rudolf. V. Veselić. Riečnik ilirskoga i němačkoga jezika. Pèrvi iliti ilirsko-němački dio. U Beču 1853). Караджичъ совсѣмъ не переводитъ эпитета слезъ, а говоритъ: грозан, грозна, грозно (ст.) 1) traubenreich, uvifer (это, конечно, отъ слова грозд) 2) beständiges Epitheton der Thränen 3) heftig, vehemens (Вук Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. У Бечу 1852). Такимъ образомъ, прилагательное „грозне", пожалуй, и вовсе не слѣдовало бы переводить; что жъ касается первоначальнаго значенія его, то „грозне сузе" едвали ни значитъ „стремительныя" слезы (ср. грозна киша. Кар. I, 512, 369).

[2])
Neima vlasti da ustavi
na očiu grozne suze. Osm. V, 136.
iz kladenca bistrih oči
rieke od groznieh suza proli. VI, 2.
grozniem suzam polieva se. XII, 99.
drobni biser groznieh suza. XIX, 53.—Кромѣ того, тотъ-же эпитетъ разъ поставленъ при словѣ cvio (плачъ): s grozna cvila. VIII, 41; а другой разъ онъ, въ видѣ нарѣчія, стоитъ при глаголѣ plakati: grozno u srcu svom proplaka. V, 3.

проливала горкія слезы;“ какое горе заставляетъ тебя проливать горькія слезы?; плачь, мать, и горюй и проливай горькія слезы!; что ты проливаешь горькія слезы? [1]).

Постояннымъ эпитетомъ *городовъ* служитъ слово *бѣлый*, чему мы въ Османѣ находимъ слѣдующіе примѣры: пришла она въ бѣлый Царьградъ; поворотилъ онъ къ бѣлому Смедереву; „о бѣлый городъ Дубровникъ!“; Соколица съ дружиною летитъ какъ птица къ бѣлому Царь-граду; въѣзжаетъ онъ въ красивыя предмѣстья бѣлаго города Варшавы [2]). И въ народной поэзіи, какъ только рѣчь зайдетъ о городѣ, ему придается этотъ эпитетъ: прямо идетъ онъ къ бѣлому Задру; въ бѣломъ городѣ Сѣнѣ; изъ бѣлаго города Клѣнка; изъ бѣлаго города Мостара; по бѣлому городу Стамбулу; въ бѣломъ городѣ Пештѣ; около бѣлаго города Яйца; совѣщались они въ бѣломъ городѣ Германштадтѣ; оттуда онъ отправился къ бѣлому городу [3]).

Въ Османѣ, правда, только одинъ разъ, является и „багровое вино— rujno vino [4]), которое играетъ такую роль въ народной поэзіи: говорится

---

[1]) грозне сузе ронила. Кар. I, 53.
грозне сузе лила. I, 538.
Што девојка грозне сузе рони? I, 344.
Књигу учи, грозне сузе рони. III, 58, 130.
Koja ti je nevolja grozne suze prolivati? Mikl. III, 23.
Cvili, majko, i žali i prolivaj grozne suze. III, 117.
Što proljevaš grozne suze. V, 43.

[2]) u Carigrad dodje bieli. Osm. VI, 66.
svrče k bielom Smederevu. VII, 128.
Dubrovniče, bieli grade! VIII, 143.
Sokolica....
s drugam leti jakno ptica
put bieloga Carigrada. X, 1.—Другіе города у Гундулича бѣлѣются издали: bieli mu se grad od Varna. III, 57; Hotima grada ono izdaleče gdie se bili. IV, 66.

[3]) Оде право Задру бијеломе. Кар. III, 58, 153.
У Сењу граду бијеломе. III, 43, 2.
Из Клијенка града бијелога. III, 28, 4.
Од Мостара града бијелога. III, 71, 67.
По Стамболу граду бијеломе. III, 13, 2.
У Будиму граду бијеломе. III, 44, 2.
Поред Јајца града бијелога. III, 47, 5.
Oni vieće viećahu u Sibinju bijelomu gradu. Mikl. XXV, 2.
Odtolen se uputi put b'jeloga grada. XXI, 56.

[4]) Перевожу rujno vino „багровое вино“, несмотря на то, что въ Ка-

про чаши, полныя багроваго вина [1]). Изъ пѣсень приведу хоть бы слѣдующія мѣста: воеводы напились багроваго вина; онъ сидитъ, пьетъ багровое вино; нетрудно пить багровое вино; молодцы разбили шатеръ и пьютъ подъ нимъ багровое вино; пьютъ на башнѣ багровое вино; призови Радича, слугу моего, чтобы умыть на мнѣ лютыя раны багровымъ виномъ; и сталъ онъ мыть его лютыя раны багровымъ виномъ [2]).

раджичевомъ словарѣ сказано: р[illegible] вино (cr.) gelblicher Wein, vinum fulvum, и что родственное слово рујница, по тому-же словарю, означаетъ родъ желтаго гриба (ein essbarer gelber Schwamm, fungi galbini genus). Основываюсь я, во первыхъ, на томъ, что такъ переводятъ Аппендини и Стулли. (Stulli Rjecsosloxje; Appendini, Notizie, T. II, pag. 258. Его-же статья: de praestantia et vetustate linguae illyricae etc. ad Joachimum Stullium, помѣщенная, послѣ предисловія, въ словарѣ послѣдняго). Въ статьѣ Аппендини (стр. IX) мы читаемъ: rujno color vini naturaliter nigri sed ad rubrum accedentis. (По этому толкованію, rujno равно италіанскому perso; однако и Стулли, и самъ Аппендини переводятъ его просто словомъ rosso красный). Во вторыхъ, переводъ мой подтверждается двумя мѣстами у нашего поэта и однимъ мѣстомъ изъ народныхъ пѣсень: Гундуличъ говоритъ, что виноградныя лозы даютъ rujna i zlatna pića. Osm. IX, 11; а это, конечно, нельзя переводить „желтоватые и золотые напитки". Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается существительное rujnos, въ значеніи алаго, или розоваго цвѣта:

za malo *od ružica*
ako vidiš *rujnos* milu
promienit ju usried lica
bielieh lira na blijedilu. Ljub. sram. 53—56 (если увидишь, что она, хоть на мигъ, перемѣнитъ милую алость розъ, среди лица, на блѣдность бѣлыхъ лилій). Наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ, слово rujno приравнено къ другому эпитету вина, crveno, а тотъ ужъ несомнѣнно значитъ красное, багровое: Марко королевичъ, вмѣстѣ съ другими витязями, сѣли пить „рујно" вино (сједоше пити рујно вино. Кар. II, 39, 103), а, когда кончилась пирушка, онъ высказываетъ желаніе „что бы имъ *опять* благополучно сойтись и напиться багроваго вина (да се у здрављу опет састанемо и црвена вина напијемо. ст. 109—110).—Невѣрный переводъ слова рујно, у такого знатока языка, какъ Караджичъ, ясно указываетъ на то, что для современныхъ Сербовъ этотъ эпитетъ потерялъ всякое значеніе.

[1]) rujna vina čaše pune. Osm. X, 4.

[2]) војводе.... се рујна накитише вина. Кар. II, 42, 298.
он сједи рујно пије вино. II, 62, 264.
ласно је пити рујно вино. II, 78, 211.
јунаци су шатор разапели
И под њиме пију рујно вино. I, 424, 313.

Этими выписками я и ограничусь, но позволю себѣ представить полный списокъ употребляемыхъ нашимъ поэтомъ постоянныхъ эпитетовъ, съ ссылками на его поэму и на народныя пѣсни. Итакъ, кромѣ вышеприведенныхъ выраженій, встрѣчаются еще слѣдующія: *rusa glava* [1]), *dobar konj*, *bio dan* (бѣлый день), *suho zlato* [2]), *sinje more*, *živi oganj* (д. б., подвижный, колеблющійся), *čestiti car* [3]), *ravno polje*, *crna zemlja*, *vierna ljubi* (вѣрная жена); *žarko sunce*, *peren štit* [4]), *vito kopje* (гибкое, т. е. эластичное, не хрупкое, копье [5]). Всѣ эти эпитеты весьма часто являются въ народныхъ пѣсняхъ (нѣкоторые не только у Сербовъ, но и у Русскихъ); лишь два послѣднихъ ни разу не встрѣчаются въ караджичевомъ сборникѣ, хотя они есть у Миклошича [6]).

на кули рујно пију вино. III, 28, 96.
Dozvi ti Radiča slugu moga
Neka mi umiva rujn'jem vinom ljute rane. Mikl. XVII, 76.
I podje mu ljute rane rujn'jem vinom umivati. ib. 78.

[1]) Rusa glava не значитъ русая, русоволосая голова, такъ какъ слово rusa ровно ничего не значитъ. См. ниже, стр. 97.

[2]) Suho zlato едва-ли можно переводить „сухое золото", но какъ иначе переводить, не знаю: suh значитъ сухой, да и только. Впрочемъ, въ словарѣ Веселича, suho zlato переведено gediegenes Gold (самородное золото).

[3]) Эпитетъ этотъ невозможно перевести: čestit, собственно, значитъ счастливый; но употребляется также при обращеніи къ важнымъ особамъ (говори се великој господи напр. честити царе, честити пашо. Рјечник В. Ст. Караџића). Впрочемъ, и въ пѣсняхъ, и у Гундулича, оно является не только въ обращеніи къ лицу, т. е. въ звательномъ падежѣ, но и въ другихъ случаяхъ.

[4]) Pereni štit—круглый щитъ, съ выдающимися надъ его поверхностью радіусами, или лучами. Ср. русское шестоперъ (серб. шестопер), родъ булавы.

[5]) Перечисленные эпитеты мы находимъ въ слѣдующихъ мѣстахъ Өсмана: *rusa glava*—I, 45; II, 22; *dobar konj*—IV, 66; V, 122; *bio dan*—II, 82; ib., 123; VI, 11; ib. 30; VIII, 91 и т. д.; *suho zlato*—II, 83; V, 68; XI, 210; *sinje more*—III, 3; VII, 9; XVI, 75; XVIII, 80; XIX, 4; XX, 45; *živi oganj*—II, 108; ib., 112; IV, 102; XII, 48; ib., 53; ib., 115; XIII, 76; XIX, 24; *čestiti car*—II, 24; XII, 136; XVI, 52; ib., 71; XVII, 51; ib., 145; *ravno polje*—IV, 88; V, 42; ib., 82; *crna zemlja*—V, 44; XVII, 91; XIX, 152; *vierna ljubi*—III, 32; IV, 105; *žarko sunce*—II, 42; III, 20; XIX, 63; *pereni štit*—VI, 88; X, 123; XI, 89; XVIII, 61; *vito kopje*—V, 105; VI, 88; X, 53; ib., 92; ib., 123; XI, 60; ib., 120.

[6]) Можно ихъ найти, напр., въ слѣдующихъ мѣстахъ: *руса глава*—Кар. II, 4, 20; ib., 10, 154; ib., 28, 85; III, 47, 235; ib., 49, 152; Mikl. III, 83; V, 78; XIII, 27; XV, 16; XXVII, 51; *добар коњ*—Кар. I, 295, 209; II, 16, 37 и 41; III, 38, 248; ib., 43, 114; Mikl. I, 12; V, 35; VI, 29; XVIII, 22;

Кромѣ постоянныхъ эпитетовъ, заимствованныхъ изъ народной поэзіи, есть у Гундулича еще нѣсколько подобнаго же рода стереотипныхъ выраженій, какъ то: свѣтлое солнце, ясное чело (или—лицо), могучій царь, райская красота [1]). Этимъ и покончу съ постоянными эпитетами нашего поэта и прибавлю только, что мы находимъ ихъ не въ одномъ Османѣ, но и въ другихъ произведеніяхъ Гундулича [2]); а также и у прочихъ далматинцевъ, какъ послѣдователей, такъ и предшественниковъ его.

Остается мнѣ указать на то, что постоянные эпитеты сербскіе, сильно, если такъ можно выразиться, выдохлись: напр., прилагательное *bio*, служа опредѣленіемъ слову *dan*, ровно ничего не опредѣляетъ, такъ какъ утратило то значеніе, въ коемъ стояло при немъ, значеніе „ясный, свѣтлый;" выраженіе *rusa glava* значитъ то-же самое, что и слово *glava*, само по себѣ, такъ какъ прилагательное *rus*, употребительное только въ соединеніи съ *glava*, да еще съ однимъ существительнымъ, *kose* [3]), потеряло

XX, 63; *био дан*—Кар. I, 537; II, 1, 61; ib., 57, 2; III, 43, 35; ib. 48, 97; ib., 49, 7; Mikl. XX, 24; *сухо злато* (или суво злато, какъ руво, вм. рухо, уво, вм. ухо)—Кар. I, 685, 509; ib., 640, 792; II, 12, 32; ib., 19, 14; III, 48, 30; Mikl. XIV, 6; *сиње море*—Кар. I, 286, 197; ib., 352, 263; ib., 433, 318; II, 15, 112; ib., 21, 79; ib., 89, 2; ib., 90, 41; *живи огањ* (или жива ватра)—Кар. II, 44, 261; III, 43, 109; ib., 46, 116; IV, 11, 63; Mikl. III, 85; *честити цар*—Кар. II, 20, 14; ib., 31, 160; ib., 77, 1; III, 46, 32; ib., 56, 267; IV, 47, 16; Mikl. IV, 13; VI, 165; ib., 160; XXV, 39; *равно поље*—Кар. I, 239, 164; ib., 506, 365; II, 47, 15; ib., 82, 88; III, 82, 4; Mikl. VI, 113; VIII, 19; XXVII, 25; *црна земља*—Кар. II, 44, 274; ib., 53, 50; ib., 87, 242; III, 52, 132; ib., 78, 204; Mikl. VI, 238; IX, 76; XI, 31; XVIII, 42; XXI, 33; *вјерна љуби* (обыкновенно љуба; также и љубовца)—Кар. II, 15, 61; ib., 25, 25; III, 21, 165; ib., 41, 63; Mikl. XXIII, 11; *жарко сунце*—Кар. I, 560, 406; III, 82, 6; Ковчежић, стр. 50; Mikl. III, 7; XI, 22; XX, 34; XXVII, 19; *pereni štit*—Mikl. I, 39; ib., 48—49; XXVIII, 51; *vito kopje*—Mikl. I, 41, 46 и 48.

[1]) *Svietlo sunce*—Osm. II, 131; III, 47; V, 131, 133; VI, 12; *vedro čelo*—I, 16; II, 103; VIII, 60; IX, 107; XI, 57; veličanstvo vedra obraza—XI, 131; vedra lica—X, 29; *silni car*—VIII, 175; X, 68; ib., 159; XI, 148; ib., 149; XVIII, 20; XIX, 164; *rajska liepota* (rajska slika, rajski ures)—II, 84; ib., 88; ib., 122; V, 100; VI, 23; VIII, 9; ib., 12.

[2]) Встрѣчаются тамъ, напр., *žarko sunce*—Piev. vis. Ferd. II, v. 123; *sinje more*—Piev., 183; Suze III, 175; Arijadna II, 719; ib., III, 812; *dan bio*—Suze II, 6; Pjesni pok. II, 19; Dubr. I, 4; U smrt Kal., 143; Arijadna I, 74; ib., III, 948 и т. д.; Proserp. I, 82; ib., II, 6; Ljub. sram. 19. (Stari pisci hrvatski Knj. IX).

[3]) Kose, *kosa*—волоса. Такимъ образомъ, Караджичъ допускаетъ нѣко-

всякое значеніе [1]). Прочія прилагательныя сохранили, правда, опредѣленный смыслъ, но, становясь постоянными эпитетами, ослабѣваютъ въ своемъ значеніи: такъ, въ Османѣ, Соколицынъ конь похожъ на *сѣраго* сокола, хотя шерсть у него *бѣлоснѣжная* [2]). На это ослабѣваніе значенія есть разительные примѣры въ народной поэзіи: тамъ *ясное* небо можетъ быть пасмурнымъ [3]); тамъ *вѣрныя* жены невсегда отличаются вѣрностью—такъ, одна вѣрная жена схватила Янка (своего мужа) и бросила она его въ темницу, и палъ онъ плечьми на полъ, и кости въ немъ затрещали [4]); тамъ одному витязю желаютъ, чтобы *острой* саблѣ его быть острою [5])! Итакъ, мы видимъ, что сербскіе эпитеты одного закала съ эпитетами Гомера, у котораго *блестящее* платье нуждается въ стиркѣ, а Несторъ средь бѣла дня подымаетъ руки къ *звѣздному* небу [6]).

Къ заимствованіямъ Гундулича изъ народныхъ пѣсень отношу также

торую неточность, говоря, что слово *руса* прилагается къ одному только существительному *глава;* впрочемъ, смыслъ выраженій руса глава и русе косе тождественный.

[1]) Это согласно утверждаютъ Караджичъ и братья Мажураничи, и показанія ихъ нетрудно подтвердить примѣрами: у Османа вокругъ *русой* головы обвита чалма, между тѣмъ какъ волосы у него *золотые* (Osm. II, 22 и 24); въ одной пѣснѣ *соколъ* лишается *русой* головы (Mikl. VI, 37); возлюбленная Юрія Держича ima ruse kose jak no zlatne žice (Gjore Držić, Pjesni razlike, pj. 3, v. 5. Stari pisci hrvatski. Knjiga druga. U Zagrebu 1870, str. 348). Стихъ Держича, конечно, нельзя переводить: у нея *русые* волосы, словно *золотыя* нити.

[2]) Osm. V, 81.

[3]) Као што је оно ведро небо
Часом ведро, а часом облачно. Кар. I, 538, 389.

[4]) Вјерна љуба Јанка дофатила
Те га она баци у тамницу.
Он плећима пао на подницу,
И млоге му кости запуцале. Кар. III, 30, 157.

[5]) Оштра ти бритка сабља била! Кар. III, 56, 96. Насчетъ значенія слова бритка см. выше, стр. 91, прим. 1.

[6]) . . . . εἵματα σιγαλόεντα
Πλύνεσκον Τρώων ἄλοχοι καλαί τε θύγατρες. Ἰλ. X (XXII) 154—155. Срв. Ὀδ. ζ. (VI), 26, 74.
Νέστωρ. . . . .
Εὔχετο χεῖρ᾽ ὀρέγων εἰς οὐρανὸν ἀστερόεντα. Ἰλ. O. (XV), 371; а молится онъ во время бѣгства изъ битвы, значитъ, днемъ.

воспроизведеніе однихъ и тѣхъ-же стиховъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ [1]), хотя этотъ пріемъ онъ могъ заимствовать и у Гомера, или у Виргилія [2]). Гундуличъ, въ своемъ Османѣ, неоднократно повторяетъ то отдѣльные стихи, то цѣлыя строфы, безъ измѣненій, или съ нѣкоторыми измѣненіями; кромѣ того, иные изъ этихъ стиховъ являются и въ другихъ произведеніяхъ нашего поэта. Чтобъ не говорить голословно, укажу подмѣченныя мною повторенія.

Когда Али-паша отправляется въ Польшу, о немъ говориться, что онъ не медлилъ, и гнала его мысль, что надо по-скорѣе установить миръ между сѣвернымъ солнцемъ и восточною луною: поперемѣнно онъ ѣдетъ то на однихъ, то на другихъ лошадяхъ, проѣзжая по горамъ, по лѣсамъ, по равнинамъ и по скаламъ [3]); а обратный путь его описанъ почти тѣми-же словами: онъ не медлитъ, и гонитъ его желаніе разгласить, какъ онъ установилъ дружбу сѣвернаго солнца съ восточною луною: поперемѣнно и т. д. [4]).

---

[1]) Извѣстно, что повтореніе однихъ и тѣхъ-же стиховъ вообще свойственно народной поэзіи. Въ сербскихъ пѣсняхъ можно найти, напр., слѣдующіе случаи повторенія:

Кад у јутру бијо дан освану. Кар. III, 81, 92=99.
Кад у јутру бијел дан освану, II, 62, 160.
Сан је клапа, а Бог је истина II, 10, 84.
Сан је лажа, а Бог је истина II, 69, 79 и т. д.
Turčin bješe zaigr'o ispod sebe dobra konja. Mikl. XXVIII, 29=46.
Ni ga ranom obranio, ni od konja od'jelio ib., 36=51 и т. д.

[2]) Вспомнимъ хоть стихи:
ἦ ῥα, καὶ ἀμπεπαλὼν προΐει δολιχόσκιον ἔγχος. Ил. III, 355; V, 280; VII, 244 и т. д.
αὐτίκα δ' ἐξ ὀχέων σὺν τεύχεσιν ἆλτο χαμᾶζε. Ил. III, 29; V, 494, VI, 103 и т. д.
Obstupui, steteruntque comae, et vox faucibus haesit. Aen. II, 774; III, 48.
Ter conatus illi collo dare bracchia circum;
Ter frustra comprensa manus effugit imago,
Par levibus ventis, volucrique simillima somno. Aen. II, 792—794; VI, 700—703.

[3])
Nepoteži, nu ga tiera
miso da prie sklad se uzroči
medju suncem od sievera
i miesecom od iztoči.
Sada jedne, a sad druge
konje jaše na promienu,
probijući strane i luge
po ravnini, po kamenu. Osm. III, 7—8.

[4])
Nepoteži, nu ga tiera
želja oglasit kako uzroči

Двѣ строфы V пѣсни, въ коихъ говорится о подвигахъ Коревскаго, почти дословно воспроизведены въ IX пѣсни и примѣнены къ Соколицѣ: Коревскій „безъ страха сопротивляется всѣмъ; но, межъ тѣмъ какъ онъ бьетъ и разитъ ихъ, вдругъ, среди размаха, у него ломается острый и добрый мечъ. Онъ не останавливается, бьется ефесомъ и увязаетъ въ вражьей крови; но отовсюду, все сильнѣе, кишитъ толпа злодѣевъ“ [1]). А вотъ второе мѣсто: смѣлая дѣва не устрашается; но межъ тѣмъ какъ она бьетъ и разитъ ихъ, вдругъ, среди размаха, у нея ломается богатырская сабля. Она не останавливается, бьется ефесомъ и увязаетъ въ вражьей крови; но отовсюду, все сильнѣе, кишитъ толпа поляковъ [2]).

Бой Дилавера съ Хайдаромъ описанъ почти тѣми-же словами, какъ единоборство Крунослары съ Соколицею. Въ описаніи послѣдняго мы читаемъ: ровное и широкое поле, между обоими войсками, служитъ имъ мѣстомъ боя, а свѣтлое око солнца можетъ быть его свидѣтелемъ [3])....
На желѣзное оружіе падаетъ градъ тяжелыхъ ударовъ, изъ щитовъ сып-

---

družtvo sunca od sievera
i mieseca od iztoči.

Sada jedne i t. d. XII, 2—3. Одинъ изъ этихъ стиховъ (probijući strane i luge) встрѣчается еще и въ третій разъ, въ Слезахъ блуднаго сына (Pl. II, v. 134).

[1]) Opire se sviem bez straha;
ali čiem ih bie i tuče,
iznenadke sried zamaha
britki i dobri mač mu puče.
Neustavlja se, bočom lupa
i u zlotvorskoj grezne krvi,
ali svak čas huda skupa
odsvud množtvo veće vrvi. Osm. V, 51—52.

[2]) Smiona dikla neima straha
ali čiem ih bie i tuče,
iznenadke sried zamaha
vitežka joj sablja puče.
Neustavlja se, bočom lupa,
i u zlotvorskoj grezne krvi,
nu od leškoga svak čas skupa
od svud množtvo veće vrvi. IX, 141—142.

[3]) Polje ravno i široko
sried dvie vojske miesto'e njima,
a sunčano svietlo oko
sviedočit im jakos ima. Osm. V, 89.

лются и летятъ искры, бѣлые панцыри огнемъ горятъ. Кони, быстрые какъ стрѣлы, куда только поворотятъ ихъ проворныя руки, вьются вихремъ туда и сюда, нападаютъ справа, слѣва, отовсюду. Оба сердца, въ одно и то-же время, при одинаковой силѣ рукъ, оказывали одинаковую мощь, и не было между ними разницы. Крѣпки щиты, цѣлы панцыри, никто еще не раненъ, еще острое желѣзо не попило ни капли чьей-либо крови [1].... Обѣ стали на стремена и, если не измѣнять великія силы, собираются покончить этотъ бой однимъ ударомъ [2]). Соотвѣтствующее мѣсто девятнадцатой пѣсни читается такъ: ровное и широкое поле служитъ имъ мѣстомъ боя, а свѣтлое око солнца можетъ быть его свидѣтелемъ [3]). На желѣзное оружіе падаетъ градъ тяжкихъ ударовъ, бѣлые панцыри пламенемъ горятъ. Проворные кони бросаются стрѣлою, куда только поворотятъ ихъ богатырскія руки, и вихремъ нападаютъ справа, слѣва, отовсюду. Оба витязя, въ одно и то-же время, выказали одинакую силу, одинакія сердца и руки, и не было между ними разницы. Крѣпки щиты, цѣлы панцыри, никто еще не раненъ, еще острое желѣзо ни по-

---

[1]) Vrh oružja gvozdovita
gradi udarac težkieh se ore,
skaču i lete iskre iz štita,
biela oklopja plamom gore.
Nagli honji strielovito
kud ih hitre ruke obrću,
siemo tamo viu se u vito,
s desna, s lieva, svud nasrću.
Jednu snagu jedno u doba
u jednakoj sili od ruke
ukazaše srca oba,
ni medj njima bi razluke.
Tvrdi štiti, cieli oklopi,
još izranen nije nitko,
ničie krvi još nepopi
jedne kaplje gvoždje britko. V, 92–95.

[2]) Na stremeni su obie stale,
i ako neizda sila mnoga,
udarcem se jedniem hvale
svrhu doniet bienja toga. V, 97.

[3]) Polje ravno i široko
od boja je miesto njima,
a sunčano svietlo oko
sviedočit im jakos ima. Osm. XIX, 65.

пило ни капли чьей-либо крови [1].... Онъ (Дилаверъ) вскочилъ на стремя и, если не измѣнять великія силы, хотѣлъ бы однимъ ударомъ доконать своего врага [2]).

Въ VI пѣсни, пастухъ Миленко почти дословно повторяетъ слова своего соименника и сострадальца, въ Дубравкѣ, когда поетъ слѣдующіе стихи: „зачѣмъ ты одна, до конца враждебная и непріязненная моей жизни, являешь каменную грудь, таишь райскую красоту свою [3])?“ Другой Миленко выразился слѣдующимъ образомъ: „увы, и подъ конецъ моей горестной жизни, ты являешь еще каменную грудь, таишь райскую красоту свою [4]).

Этихъ выписокъ, кажется, достаточно; хотя ихъ можно бы-сдѣлать гораздо больше [5]).

---

[1])
Vrhu oružja grozdovita
grad udarac težkieh se ore:
skaču i lete iskre iz štita,
bjela oklopja plamim gore.
Brzi konji strielovito,
kud vitežke ruke ih svrtju,
zamiču se i u vito
s desna, s lieva, svud nasrtju.
Jednu snagu, jedno u doba,
i jednake srce i ruke
ukazaše viteza oba,
ni medju njim bi razluke.
Tvrdi štiti, cieli oklopi,
još izranjen nije nitko,
ničje krvi još nepopi
jedne kaplje gvoždje britko. XIX, 74—77.

[2])
Na stremen je uskočio,
i ako neizda sila mnoga,
udarcem bi jedniem htio
nepriatelja svršit svoga. XIX, 80.

[3])
Čemu sama ti u svrsi
huda i prika mom životu
od kamena kažeš prsi,
kriješ rajsku tvu liepotu? VI, 23.

[4])
još, jao, i u svrsi
nemilomu mom životu
od kamena kažeš prsi,
kriješ rajsku tvu liepotu! Dubr. Čin. I, skaz. 3.

[5]) Вотъ списокъ прочимъ повтореніямъ, въ Османѣ: IX, 38=Dubr. Čin. III,

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О размѣрѣ Османа.

Гундуличъ, помимо другихъ достоинствъ, слыветъ также мастеромъ въ стихосложеніи: Веберъ утверждаетъ, что въ этомъ дѣлѣ никто (т. е. никто изъ Сербо-хорватовъ) не превзошелъ еще нашего поэта, а Иванъ Ловричъ говоритъ, что „дивная сладость его стиховъ и непринужденность риѳмы должны быть предметомъ гордости Иллирійскаго народа“ [1]).

Однако, выборъ размѣра для Османа Веберъ не одобряетъ, такъ какъ размѣръ этотъ имѣетъ слишкомъ легкій, лирическій характеръ [2]); съ чѣмъ нельзя не согласиться. Но, далѣе, Веберъ взводитъ на нашего поэта и другія, невполнѣ основательныя обвиненія: Гундуличъ, избравъ размѣромъ восьмисложные стихи, съ перекрестною риѳмою, создалъ де себѣ и подражателямъ своимъ большія затрудненія, мѣстами запуталъ свою конструкцію и лишилъ себя возможности пользоваться словами, имѣющими болѣе четырехъ слоговъ. Почему труднѣе риѳмовать стихи крестъ-на-крестъ, нежели попарно, непонятно; а, кромѣ того, поэтъ воленъ создавать себѣ какія угодно трудности, если только впослѣдствіи сумѣетъ ихъ побѣдить, что, по мнѣнію самаго Вебера, Гундуличъ и сдѣлалъ. Къ тому же, Веберъ напрасно говоритъ, что Гундуличъ первый написалъ поэму коротенькими стишками, съ перекрестною риѳмою: предшественники его всегда риѳмовали крестъ-на-крестъ и только на письмѣ сливали два стиха въ одинъ, напр.

Tko se sam spoznava,—dobiva i sudi,
jači je od lava—i tvrdji svieh ljudi [3]).

Такіе шестисложные, съ виду двѣнадцатисложные, стихи, любимый размѣръ старыхъ далматинцевъ, очевидно, еще менѣе годятся для эпоса, чѣмъ размѣръ Гундулича, и риѳма въ нихъ представляетъ еще больше,

---

skaz. 9; X, 13=XI, 5; X, 18 и 20—21=XI, 9—11; X, 24=XI, 34. Неоднократно повторяются и отдѣльные стихи: I, 86=III, 22=X, 63=XIII, 3=XIX, 102=XX, 64; V, 83=XII, 73=Dubr. Čin. I, skaz. 6=Arijadna. Čin. I, skaz. 1; V, 105=XIX, 83; VII, 100=VII, 123; VII, 127=X, 49.

[1]) Iv. Fr. Gundulić str. XXVIII. Giovanni Lovrich. Osservazioni sopra diversi pezzi del viaggio in Dalmazia de Signor Alberto Fortis coll' aggiunto di Socivezza.

[2]) Iv. Fr. Gundulić str. XI—XII.

[3]) Pjesme Mavra Vetranića Čavčića. Stari pisci hrvatski. Knj. III, str. 175. Prava mudrost, v. 1—2.

затрудненій. Что касается длинныхъ словъ, то надо замѣтить, что шести сложныхъ словъ, по всему сербскому словарю, наберешь съ полдюжины, а изъ пятисложныхъ многія укладываются въ разсматриваемый стихъ.

Каковъ, однако, размѣръ Османа, въ тоническомъ отношеніи? Онъ сказывается, приблизительно, четырехстопнымъ хореемъ:

–◡|–◡|–◡|–◡

Впрочемъ, размѣръ невсегда строго выдерживается: если разставлять ударенія по Караджичеву словарю, то даже во всемъ Османѣ наберется какихъ-нибудь 30 вполнѣ тоническихъ строфъ [1]); но это едва-ли правильная мѣрка для оцѣнки стиховъ нашего поэта. Вѣроятнѣе, что Гундуличъ произносилъ слова съ такимъ-же удареніемъ, какъ позднѣйшій соотечественникъ его Стулли, т. е. съ удареніемъ, которое во многихъ случаяхъ отклоняется отъ сербскаго и приближается къ русскому [2]). Если жъ это такъ, то цѣлая масса, повидимому, совершенно нетоническихъ стиховъ имѣетъ правильный хореическій ритмъ: по Караджичу мы читали бы, напр.,

Kroz nèsrjeće srjȅća ìznosi I, 6.
Kȍnju i vȁma strjȅhe ȍbćenē
stȁhu nȍćnieh sried pȍkōjā. I, 38.
Ne rȍbinje neg gȍspoje
od kȍljena plȅmenita
za ljùbōvće ȉsti svȍje! II, 87 [3]).

---

[1]) Въ первыхъ пяти пѣсняхъ, содержащихъ въ общей сложности 572 строфы, я насчиталъ всего 7 такихъ строфъ (I, 63; IV, 40; V, 36, 59, 63, 97 и 132).

[2]) Вообще, можно сказать, что удареніе у Стулли стоитъ на тѣхъ же слогахъ, какъ и въ Русскомъ языкѣ; только при гласномъ окончаніи слова оно, вмѣсто послѣдняго слога, падаетъ на предпослѣдній: brāda, kònj, kōnja, dobròta. Есть, правда, и другіе отдѣльные случаи уклоненія, напр. pomōć, pomòći; prijatèlj, prijatèlja.

[3]) Въ употребленіи акцентовъ слѣдую Даничичу, или, что̀ сводится къ тому же, Караджичеву словарю 1852 года, только что надъ долгими, но неударяемыми гласными, подобно Мажураничу, ставлю просто знакъ долготы. *Двойной грависъ* (вмѣсто котораго я, за неимѣніемъ его въ типографіи, употребилъ знакъ ˘) указываетъ на тотъ краткій и рѣзкій выговоръ гласнаго, который Нѣмцы, Италіанцы и др. обозначаютъ удвоеніемъ слѣдующей согласной буквы. Гласныя, отмѣченныя *простымъ грависомъ* произносятся не такъ рѣзко и нѣсколько по-протяжнѣе. *Циркумфлексъ* и *акутъ* ставятся надъ долгими гласными. Характеръ этихъ удареній можно опредѣлить однимъ словомъ, наз-

Придерживаясь Стулли, будемъ читать слѣдующимъ образомъ:

Kroz nesrjèće srjèće iznòsi.
Kònju i vàma strjèhe obćène
  stàhu nòćnieh sried pokōjā.
Ne robìnje, neg gospòje
  od koljèna plemenìta
  za ljubōvce ìšti svòje [1]).

Однако, и при такомъ произношеніи, не всѣ стихи Гундулича удается поставить на ноги: нѣкоторые изъ нихъ отъ стулліевскихъ удареній мало выигрываютъ, или даже теряютъ. Такъ, мы читаемъ:

Pod kàcigom obràz skrīvā. V, 17.
Odjèća vas rēsī làka. I, 41.
Vojvòdami pod ovàcīm. I, 72.

Эти стихи, будучи произнесены по Караджичу, звучали бы не хуже, а отчасти даже лучше:

Pod kàcigōm òbraz skrîvā.
ʼOdjeća vas rêsī lȁka.
Vȍjvodami pod ovàcīm.

Читая стихи Гундулича, надо принимать во вниманіе пропускъ гласныхъ передъ гласными, съ которыхъ начинается слѣдующее слово (elisio). Но такимъ пропускомъ поэтъ пользуется совершенно произвольно. Возьмемъ для примѣра слѣдующіе стихи:

Sablju o pasu, kopje u ruci. I, 36.
Jadna u srdcu uspomena. I, 19.
Na prestolje ono isto. I, 12.

вавъ первое нисходящимъ удареніемъ, а второе—восходящимъ, такъ какъ первое произносится съ постепеннымъ пониженіемъ голоса, а второе—съ повышеніемъ. Нисходящее удареніе есть обыкновенное удареніе долгихъ гласныхъ у Нѣмцевъ, Италіанцевъ. См. A. Mažuranić. Slovnica hèrvatska za gimnazije i realne škole. Dio I, rěčoslovje. Četvèrto izdanje. U Zagrebu 1869. § 31—33. (Извлеченіе изъ Мажуранича сдѣлалъ А. Аѳ. Потебня, въ своей статьѣ о полногласіи, стр. 39 и сл. [Два изслѣдованія о звукахъ Русскаго языка. Воронежъ 1866]). Ђ. Даничић. Нешто о Српскијем акцентима. (Miklosich. Slavische bibliothek oder beiträge zur slavischen philologie und geschichte. Erster band. Wien 1851. S. 97).

[1]) Стулли употребляетъ только два акцента: грависъ, для краткихъ слоговъ, и знакъ долготы, для долгихъ. Такъ какъ я не всегда въ состояніи опредѣлить, когда подъ этими знаками скрываются ударенія рѣзкое и нисходящее, когда—слабое и восходящее, то предпочелъ не отступать въ этомъ отношеніи отъ Стулліевой акцентуаціи.

Чтобы подогнать эти стихи подъ размѣръ, въ первомъ приходится дважды произвести элизію, во второмъ—разъ надо соблюсти ее, а разъ нѣтъ, въ третьемъ же необходимо два раза допустить „зіяніе". Опущеніе гласныхъ передъ гласными, очевидно, есть подражаніе Древнимъ и Италіанцамъ [1]): правда, гласные изрѣдка опускаются и въ народныхъ пѣсняхъ, но, безъ различія, и передъ другими гласными, и передъ согласными [2]),—просто какъ слѣдствіе небрежнаго произношенія.

Риѳмы Гундулича, дѣйствительно, отличаются непринужденностью, но не всегда заслуживаютъ похвалы относительно благозвучія. Дѣло въ томъ, что правильность удареній не строго соблюдается даже въ послѣдней стопѣ, которая должна риѳмоваться на конецъ другого стиха, вслѣдствіе чего иныя риѳмы существуютъ лишь на письмѣ. Таковы, напр., риѳмы kȃžete—diète, I, 10; vȉdio—bȉo, II, 10; têžkī—vȉtēžkī, V, 33; mȉlo—stȁvilo, VIII, 109. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что Сербохорваты ясно отчеканиваютъ каждый слогъ, что у нихъ, собственно говоря, на каждомъ слогѣ стоитъ удареніе, только, что на одномъ оно нѣсколько сильнѣе. Благодаря такому произношенію, слова въ родѣ kȃžete и dième представляютъ таки нѣкоторое созвучіе, хотя и нельзя назвать ихъ настоящими риѳмами. Риѳмъ этого рода въ Османѣ, если держаться удареній Караджича,—легіонъ, но, если слѣдовать Стулли, то число ихъ значительно сократится, и бо́льшая часть ихъ окажется правильными: вмѣсто ȍbćenē—oplètene, I, 36, bȍgata—zlâta, II, 23, mȕci—ȕnuci, II, 67, мы произнесемъ obćènē—opletène, bogàta—zlâta, mùci—unùci [3]). Впрочемъ, какъ размѣръ вообще, такъ и риѳма не всегда выигрываетъ отъ замѣны караджичевскаго ударенія стулліевскимъ: иногда ударенія эти одинаковы, напр. въ вышеприведенныхъ риѳмахъ kȃžete—dième и т. д., иногда же стулліевское удареніе не только, что не поправляетъ, а портитъ окончательно не совсѣмъ хорошія, но, по крайней мѣрѣ, сносныя риѳмы: вмѣсто ȉme—ȉstočnime, VIII, 59; bȉo—ȕgrabio, VIII, 123; nàgledati—sjȁti, VIII, 190, придется произнести ìme—istȍčnime, bìo—ugràbio, naglèdati—sjàti. Далѣе, въ Османѣ немало риѳмъ нечистыхъ. Риѳмы эти, начиная

---

[1]) Италіанцы, при чтеніи стиховъ, собственно не опускаютъ элидируемые гласные, а скрадываютъ ихъ и сливаютъ со слѣдующимъ звукомъ.

[2]) Разумѣю такіе случаи, какъ кум' вjенчани! Кар. I, 52, 90; д'обруни цв'jетак I, 456, 333. Что жъ касается весьма обычнаго опущенія *и* въ неокончательномъ и въ повелительномъ, то его незачѣмъ считать поэтической вольностью. Примѣръ, въ родѣ „кум' вjенчани", встрѣчается и въ Османѣ:

Sljedeć sve vil' zrak ljubljeni. VII, 15.

[3]) Точнѣе: obćěne, opletěne, bogăta, mŭci, unŭci.

съ ударяемыхъ гласныхъ, дѣйствительно представляютъ одни и тѣ же звуки [1]), но самые гласные различны по количеству—такъ, у Гундулича встрѣчаются слѣдующія риѳмы: slūša—dúša, II, 46; s lāvom—glávōm, II, 76; vríme—īme, III, 24; věće—nêće, VIII, 46.

Однако, Гундулича не слишкомъ ужъ слѣдуетъ упрекать за недостаточность его риѳмъ: Сербскій языкъ, избѣгающій ударенія на концѣ слова, при всей своей музыкальности, чрезвычайно бѣденъ риѳмами—риѳмъ односложныхъ въ немъ почти вовсе нѣтъ, да и двусложныхъ немного, особенно, если требовать полной чистоты созвучія [2]).

Какъ образецъ Гундуличевыхъ стиховъ, прилагаю отрывокъ изъ Османа (изъ VII пѣсни), тщательно снабженный акцентами [3]).

  Ah! jèsi li tî, o slâvna
Gřčkā zěmljo, ȍnā mǎti,
plôd čèstitī kā ȍd dāvna
od rǎzuma dǎt nèkrāti?
  Pȍrodi li njěgda ȍnē
tî mudràce glasȍvite,

---

[1]) Звуковое тожество словъ, начиная съ ударяемыхъ гласныхъ, и до конца—это точное опредѣленіе риѳмы. Подъ него подходятъ и „бѣдныя" риѳмы (какъ: вода—рука) не допускаемыя въ русскомъ стихосложеніи.

[2]) Что касается мѣста ударенія, то въ Сербохорватскомъ языкѣ (штокавскаго парѣчія) оно всегда на одинъ слогъ ближе къ началу слова, чѣмъ въ Русскомъ языкѣ, при чемъ обыкновенно предлоги (а иногда и союзы) считаются за одно цѣлое съ идущимъ за ними словомъ. Вслѣдствіе этого закона, напр. русскія риѳмы *звѣзда—среда, перо—серебро, мудрецъ—конецъ, птица—сестрица, трудъ—на судъ* по сербски въ риѳму не годятся, такъ какъ произносятъ zvijèzda—srijèda, pèro—srèbro, múdrac—kònac, ptîca—sèstrica, trûd—nà sūd. См. у Мажуранича (Slovnica hèrvatska, § 35—51), или у Потебни (Два изслѣдованія). Возможно, однако, и даже вѣроятно, что Гундуличъ, какъ замѣчено уже выше, держался нѣсколько иного произношенія, болѣе благопріятствовавшаго риѳмѣ: напр., слова ptica и sestrica, должно быть, и для него представляли настоящую риѳму (ptîca—sestrîca).

[3]) При разстановкѣ акцентовъ, я кромѣ книгъ, пользовался помощью природныхъ сербовъ, правда, не дубровчанъ. Разставить же ударенія по дубровницкому произношенію я не имѣлъ никакой возможности. Судя по Стулли, у Гундулича, вмѣсто слабаго и восходящаго ударенія на третьемъ слогѣ съ конца, слѣдуетъ полагать удареніе на предпослѣдній и читать, напр., не glasȍvite, náuke, bez rázbora, а glasovíte, nāūke, bez rāzbȍra.

kī náuke i zákone
ȍstaviše plemènite [1])?
Sȉnovi li tvȍi se glȃsē
Vȉtēzi ȍnī i junáci,
kī ȉstok stȁvit vȁs pȍdā se
s mȃlicm vójskam' bjȅhu jáci?
Tî li si ȍnā pȕna hválē,
kȍjā cjȅća znánja tvȏga
zvȃše pȗke svȅ ȍstālē
bez rázbora i rázloga?
Ah! obàzri sȁd se ná 'te
i nèvōljno bítje pȁzi,
nèvjerstvu su stȃrōm' pláte
sàdanjī ȍvī tvȍi pȍrāzi.
Evo [2]) vȅće nȉgdi u tèbi
ȍsobita nî vládānja,
sáma ȍstajēš tī pȍd nebi
bez ȍrūžja i bes znánja.
Pòrušena u cȑnilu
vȅći dȉo lèžīš pústa,
izgùbila bȕdūć sȉlu
i od rúkā i od ústā.
Slobòda se tvā pȍnīzi,
dòbro ti je svȁko ȍtēto,
zȁ vrāt dȑži te u vèrizi
samòsilje tȕrskō klêto [3]).

Такимъ образомъ, стихи Гундулича похожи на стихи Данта, Аріоста, Тасса, т. е. они, собственно, не тоническіе, но близки къ тоническимъ [4]). Прочтемъ, для сравненія, одну строфу изъ Освобожденнаго Іерусалима:

Védi le mémbra de' guerriér robúste,
Cúi nè cammín per áspra térra préso,

---

[1]) Произносятъ также plȅmenite: такъ пишетъ Караджичъ, въ своемъ словарѣ.

[2]) Слово ȅvo и встрѣтившееся намъ выше восклицаніе ȁh оставлены безъ ударенія, такъ какъ для нихъ пришлось бы отливать особыя буквы.

[3]) Osm. VII, 67—74.

[4]) У италіанцевъ, къ концѣ стиха, размѣръ постоянно соблюдается: риѳмъ въ родѣ Гундуличевыхъ kȃžete i diète мы у нихъ не встрѣчаемъ.

Nè férrea sálma, ónde gír sémpre onúste,
Nè domò férro álla lor mórte intéso;
Ch'ór risolúte, e dal calóre adúste,
Giácciono a sè medésme inútil péso:
E víve nélle véne occúlto fóco,
Che pascéndo le strúgge a póco a póco [1]).

Превзошелъ ли Гундуличъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ въ дѣлѣ ритмическаго благозвучія, рѣшить не берусь и приведу только нѣсколько отрывковъ изъ другихъ далматинскихъ стихотворцевъ, также снабженные акцентами. Конечно, эти акценты, какъ у Гундулича, такъ и здѣсь, не могутъ считаться вполнѣ вѣрнымъ выраженіемъ выговора самихъ авторовъ.

Изъ Сигизмунда Менчетича.

Vĕlikū t' ìma čês, vĕlikū t' môć ìmā,
gòspodje, tvōj ŭrēs prid nằšiem òčima;
jer slâvno líčce tvē tko vĭdī, òstavī
čínjēn'je svòje svĕ, a tèbe jūr slăvī;
a tèbe jūr tìrā za svū môć i krīpōs
tĕr ti se zàzirā smâmljeno u lípōs
i k tòmuj gòvorī: òvō čâs ŏd svīta,
òvō svít kū stvŏrī, da slăvōm procvìtā [2]).

Изъ Мавра Ветранича.

Gòspoje od gòspōj, a săd se spòmēni,
sáma se tī pòsvōj a túdjieh odrèni,
òrūžni tăč zvŏkōt nèka te nè čujē,
i òrao i kŏkōt nèka te nè kljujē.
Čĭn', de t' se pòklonī kŏkōtov plăhī bĭes,
u òrūžju kī zvònī i gròmī kăko trĭes;
čĭn' da te Åkvila, Làtīnko, nĕ cvīlī,
kòjā săd svā kríla dalèče ràskrīli;
čĭn' da te nĕ cvielē ĭstočnī pògani
i òrūžjem nĕ dielē tŭdjīni nèznānī [3]).

---

[1]) Ger. lib., C. XIII, st. 61.

[2]) Pjesme Šiška Menčetića Vlahovića, skupio Vatroslav Jagić, str. 18, pj. 35. (Stari pisci hrvatski, na sviet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Knjiga druga).

[3]) Pjesme Mavra Vetranića Čavčića, skupili Dr. V. Jagić i Dr. J. A. Kaz-

Изъ Андрея Чубрановича.

Jěst u mĭstu u òvomu
jèdan zá te kī ùmirē,
cĭć gorúštē ljŭbi i vĭrē,
kū t' u sr̄cu [1]) nŏsī svômu [2]).

Изъ Николая Налешковича.

O národe pristúpite
poklònit' se Isukr̀stu,
kī za tèbe mrê na kr̀stu,
da od smr̄ti òdkūpī te.
Krĭžu svètī i blážeñī,
sàčūvaj nās od nápasti,
da bŭdemo dûše spăsti,
a hudòbe svĕ odždèni.
Klĕknūvši te svĭ mŏlīmo,
nèmōj glĕdat' grièhe năše;
mĭlosr̄dje [3]) pòzri năše,
ĕr se zà grieh svĭ bòlīmo [4]).

---

načić. Piesanca Latinom (№ 9), dio I, str. 87, v. 179—188 (Stari pisci, knjiga treća).

[1]) Произносятъ также и ŭ srcu.

[2]) Andrija Čubranović, Jegjupka (цыганка), v. 317—320. (Stari pisci, knjiga VIII, str. 153). Два послѣднихъ стиха этого куплета интересны для насъ еще по тому, что встрѣчаются и въ Османѣ (XII, 85), съ самымъ незначительнымъ измѣненіемъ. Это случай не единичный: Аппендини говоритъ, что Гундуличи и Пальмотичи вставляли въ свои произведенія по цѣлымъ стихамъ изъ Чубрановича (i Gondola e i Palmotta non dubitarono..... di inserire gl' interi di lui versi nelle sue composizioni. Appendini, Notizie. Tomo II, parte II, lib. I, pag. 222). Подтвержденіемъ этихъ словъ можетъ служить также первое двустишіе Чубрановичева куплета, воспроизведенное Гундуличемъ въ его комедіи Дубравкѣ, гдѣ мы читаемъ слѣдующіе стихи:

Ah, u srcu je li tvomu ka spomena od me vire
i da u mistu jest ovomu jedan ki za te umire? Dubr. Čin I, škaz. 3.

[3]) Или milòsr̄dje.

[4]) Nikola Nalješković. Pjesan koja se poje u veliki petak, kad se adorava sveti križ, v. 1—12 (Stari pisci. Knj. peta, str. 151) —Цитованные мною поэты всѣ—предшественники Гундулича: старшій изъ нихъ, Менчетичъ, родился въ 1475-мъ году, младшій, Налешковичъ, скончался въ 1585-мъ.

Заключеніе.

Разобравъ Османа, относительно содержанія и формы, насколько хватило матеріаловъ и умѣнія, прихожу къ подведенію итоговъ.

Османъ, несмотря на многіе недостатки, въ своемъ родѣ,—произведеніе прекрасное. Уже самый выборъ сюжета заслуживаетъ полнаго одобренія: выбранъ вопросъ всемірнаго значенія, вопросъ о существованіи Оттоманской имперіи, изображенъ гнетъ ея, тяготѣющій надъ столькими миліонами христіанъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—наступившее разложеніе ея, подающее надежду, что дни ея могущества сочтены.

Уничтожить Турецкое государство, какъ надѣется Гундуличъ, суждено Польшѣ, но—не одной, а въ союзѣ съ другими европейскими державами. Вообще, вся эта надежда основана лишь на томъ, что Поляки одержали уже блестящую побѣду надъ мусульманами, а не на томъ, что они соплеменники угнетаемыхъ славянъ.

Историческіе факты, въ Османѣ, не подверглись значительнымъ искаженіямъ—развѣ, считать таковымъ личное участіе Владислава въ хотинскихъ бояхъ,—но, въ частностяхъ, встрѣчается немало отступленій отъ Исторіи. Говорю объ умышленныхъ отступленіяхъ, потому что, въ самомъ Османѣ, проявляется порядочное знакомство съ исторіею Польши и Турціи. По части Географіи и Этнографіи, мы у Гундулича также находимъ нѣкоторыя вольности, а, можетъ быть, и ошибки.

Въ Османѣ, на каждой страницѣ проявляется вліяніе классическихъ и, еще чаще, италіанскихъ, писателей, преимущественно Тасса. Знакомство съ этими авторами, хотя, несомнѣнно, важное и полезное для развитія Гундулича, породило въ его поэмѣ массу подражательныхъ мѣстъ. Однако, Гундуличъ цѣнилъ также народную поэзію и многимъ позаимствовался изъ нея.

Что касается недостатковъ Османа, то главный недостатокъ его отсутствіе единства дѣйствія. Кромѣ того, Гундулича нельзя не упрекнуть въ излишней пышности изложенія и въ чрезмѣрной подражательности, къ коимъ примыкаетъ еще одинъ внѣшній недостатокъ: неудачно выбранный размѣръ, размѣръ чисто лирическій, который, однако, съ легкой руки нашего поэта, сталъ господствующимъ метромъ у далматинскихъ эпиковъ.

Примѣчаніе Статья эта была уже почти окончена печатаніемъ, когда мнѣ сдѣлалась извѣстною XLVI книга Трудовъ Югославянской академіи, въ которой, между прочимъ, заключается—еще не оконченный—литературный разборъ Османа, принадлежащій перу Фр. Марковича и озаглавленный Estetička ocjena Gundulićeva Osmana. Цѣль автора—опровергнуть взглядъ на Османа Армина Павича о которомъ было говорено выше, стр. 9—13.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Еще нѣсколько замѣтокъ
о
трудныхъ мѣстахъ у Горація.

Рѣшаясь продолжать начатый во второй книгѣ настоящихъ „Извѣстій“ рядъ попытокъ къ возстановленію подлиннаго текста Горація, мы прежде всего представимъ одно существенное исправленіе первой своей статьи и нѣсколько другихъ не лишенныхъ значенія добавленій къ ней. Αἱ δεύτεραι φροντίδες ἀμείνονες, гласитъ поговорка, а въ такомъ дѣлѣ, какъ конъектуральная критика, неустанная провѣрка собственныхъ выводовъ особенно необходима: надѣемся слѣдовательно, что въ упрекъ намъ ея никто не поставитъ.

Разумѣемое исправленіе касается предложенной въ XIV параграфѣ къ Sat II. 5, 90. догадки: „Difficilem et morosum offendet garrulus: *usque* Non etiam sileas“. Тутъ въ рукописяхъ стоитъ *ultra* и *ultro*. Опровергнувъ оба чтенія и раньше придуманныя ихъ эмендаціи, мы сдѣлали свою, опираясь на выраженіи схоліаста: „nec nimium sis taciturnus“. Но, во первыхъ, фраза эта, хотя и должна несомнѣнно руководить нами въ данномъ случаѣ при измѣненіи преданія, однако формулируетъ слишкомъ общее положеніе, чтобы служить ручательствомъ въ подлинности имѣвшаго, по нашему мнѣнію, резюмировать ее словечка, тѣмъ болѣе, что *usque* графически не подходитъ достаточно къ традиціонному тексту [1]), а главное, не объясняетъ его характернаго колебанія въ послѣдней буквѣ. Сверхъ того самая редакція: „usque non etiam sileas“ безспорно прозаична (чтобъ

[1]) „*Vt par*, Non etiam sileas“, въ этомъ отношеніи, лучше, но столь же легко замѣнимо другимъ, *вообще* говоря, удовлетворительнымъ, специфически же не убѣдительнымъ выраженіемъ.

не сказать пошловата), сравнительно съ живостью и остроуміемъ всего тона рѣчи. Отъ usque мы поэтому отказываемся и полагаемъ, что слѣдуетъ отдать предпочтеніе поправкѣ:

Difficilem et morosum offendet garrulus; ut *fu*r
Non etiam sileas.

Надобно вспомнить сценаріо: Горацій, пародируя 11 пѣсню Одиссеи, выводитъ ея героя совѣтующимся въ преисподней съ Ѳиванскимъ гадателемъ о томъ, какъ бы поправить свои финансы. Длинный отвѣтъ Тиресіи, смыслъ котораго заключенъ въ наставленіи: „captes astutus ubique Testamenta senum" (v. 23 sq.), и наполняетъ главнымъ образомъ собою сатиру. Въ ней съ неподражаемымъ юморомъ поэтъ обличаетъ обыкновенные пріемы той гнусной категоріи паразитовъ, которая процвѣтала въ Римѣ уже въ эпоху Цицерона (cf. Cic. Paradox. V. 2. 39), но для обозначенія которой лишь впослѣдствіи вошелъ въ употребленіе терминъ heredipetae (Petron. Sat. 124). Естественно, что отличительною чертой всѣхъ перечисленныхъ Тиресіею способовъ добиться данной цѣли является лицемѣріе. Дѣйствительно, не быть преданнымъ старому богачу, но казаться беззавѣтно къ нему привязаннымъ, не быть достойнымъ его благодѣяній, но казаться заслуживающимъ ихъ болѣе другихъ, словомъ сказать, *быть мошенникомъ*, но *не казаться* таковымъ—вотъ первое правило, которое долженъ себѣ усвоить новичекъ въ благородномъ искусствѣ вымогательства наслѣдствъ, и вся многосложная педагогика зла, въ которой тутъ упражняется Тиресія, является только развитіемъ *этого* принципа. Ясно такимъ образомъ, что, говоря въ 90 стихѣ: *„не будь какъ воры"*, Горацій дѣлаетъ самое подходящее къ характеру консультаціи сравненіе. Опасайся и того, замѣчаетъ колко Тиресія, чтобы неестественная молчаливость не выдала тебя, не забывай, что напряженная т. ск. таинственность—особенно со стороны заискивающаго—подозрительна [1]), вызываетъ представленіе о

[1]) Прекрасно уясняется дѣлаемое тутъ сравненіе на примѣрѣ выводимаго *Epl. I. 16, 57 sqq.* Гораціемъ *образцоваго* лицемѣра, не впадающаго слѣдовательно въ ошибку, отъ которой предостерегаетъ Тиресія: Vir bonus, omne forum quem spectat et omne tribunal, Quandocunque deos vel porco vel bove placat, „Jane pater!" *clare clare cum dixit* „Apollo!" *Labra movet metuens audiri* „Pulchra Laverna, Da mihi fallere, da iusto sanctoque videri, Noctem peccatis et fraudibus obice nubem". Въ разбираемомъ стихѣ 5 сатиры II книги можно бы даже видѣть шутливый намекъ на тему: „Будешь все... тише воды, такъ подумаютъ конецъ, что ты Лавернѣ молишься". Относительно поклонниковъ этой богини напомнимъ кстати слова схоліаста (ad Hor. 1. 1): „Simulacrum eius *fures* colunt et qui *consilia sua volunt tacita*, nam *preces eius cum silentio exercentur*". Ей род-

тревожномъ состояніи духа и легко можетъ быть сочтена за признакъ нечистой совѣсти [1]). Будь слѣдовательно добродушно общителенъ, въ

ственна (Преллеръ ихъ даже отождествляетъ) *Larunda*, богиня молчанія (Dea Muta, Tacita), отчасти тоже Ангерона „quam Verrius Flaccus Angeroniam dici ait quod *angores ac sollicitudines animorum propitiata depellat*. Masurius adicit simulacrum huius deae *ore obligato atque signato* in ara Volupiae propterea collocatum, quod *qui suos dolores anxietatesque dissimulant* perveniant patientiae beneficio ad maximam voluptatem" (Macrob. S. I. 10). Въ адрессованной одному воришкѣ эпиграммѣ *Cat.* XXV Беркгъ удачно эмендировалъ: „Cinaede Thalle, mollior cuniculi capillo ... Idemque Thalle turbida rapacior procella, Cum diva *muttiens* (cdd. mulier) aves ostendit oscitantes; Remitte pallium meum, mihi quod involasti" (остальныя конъектуры, особенно Böhme, Munro и Baehrens'а, крайне насильственны). Связь молчанія съ культомъ божествъ, покровительствующихъ ворамъ, видна, впрочемъ, и у Грековъ которые напр., если въ разговаривавшемъ обществѣ наступала тишина, замѣчали: „Ἑρμῆς εἰςῆλθεν". Затѣмъ недовѣріе къ безмолствующимъ личностямъ выразилось вѣдь и въ новыхъ языкахъ пословицами: въ тихомъ омутѣ черти водятся, stille Wasser sind tief, il n'y a pas de pire eau que celle qui dort и т. д. Наши выраженія *втихомолку*, *подъ шумокъ* и пр. тоже принадлежатъ къ этому кругу воззрѣній. [„Fur" одного корня съ furvus, fuscus, braun и означаетъ собственно дѣйствующаго во тьмѣ, ночью. Эпитетомъ ночи служитъ тоже нерѣдко muta, silens: ср. ег обороты *cum tacet nox*, *tempus erat*, *quo cuncta silent* etc.].

[1]) *Ovid. Metam. II, 447 sqq.*: „Heu quam *difficile est crimen non prodere vultu!* Vix oculos attollit humo (sc. Parrhasis) nec, ut ante solebat, Juncta deae lateri, nec toto est agmine prima, Sed *silet* et laesi dat signa rubore pudoris". Не станемъ, впрочемъ, доказывать еще, что воры дѣйствительно молча и въ тишинѣ практикуютъ свое ремесло: поступокъ, совершенный *furtim*, *furtive*, полагаемъ, никому *шумнымъ* представить себѣ не удастся. Куріозно, что даже въ выраженіи „furtiva venus" на первомъ планѣ понятіе не скрытности, а беззвучности. Cf. *Tib. I. 8, 57—60:* „Nota venus furtiva mihi est, ut *lenis* agatur spiritus, ut *ne dent* oscula rapta *sonum*; et possum media quamvis obrepere nocte et *strepitu nullo* clam reserare fores". Затѣмъ мы, конечно, не утверждаемъ, чтобы молчаливостію сопровождался одинъ преступный образъ дѣйствій. *Epl. II, 2, 83* Горацій говоритъ, что „ingenium—quod studiis annos septem dedit insenuitque libris et curis, *statua taciturnius* exit plerumque et risu populum quatit", и это въ соотвѣтственномъ контекстѣ такъ же умѣстно, какъ въ нашей сатирѣ предложенное выше выраженіе, ибо указываетъ на возвышенность заботъ ученаго, на многозначительную его задумчивость и прекрасно контрастируетъ съ безсмысленнымъ зубоскальствомъ толпы [Лерсъ однако эти чудные стихи выбрасывалъ, такъ какъ „statua taciturnius" переводилъ: „als halb Blödsinniger"; другіе извиняютъ Горація тѣмъ, что ему „mit diesem Grunde nicht besonders Ernst sein konnte"!]: провербіальность оборота *statua taciturnior*

смиреніи непринужденъ и, какъ Давъ въ комедіи, сохраняй эту покорную развязность даже, когда чуешь грозу [1])“.

Еще прибавимъ, что, принявъ настоящее чтеніе, мы не только освободимся отъ общаго мѣста, въ которое испорченность главнаго слова превратила предложеніе, но и получимъ наконецъ разгадку рукописныхъ варіантовъ VLTRA и VLTRO: стоило въ „ut fur“ выпасть или исказиться одной буквѣ, чтобы затѣмъ къ слегка видоизмѣненному VTFR на угадъ и не впопадъ прибавляли то А, то О [2]).

Покончивъ со своей палинодіей, мы обратимся къ дополненіямъ. Разнородность и безсвязность ихъ читатель извинитъ, надѣемся: т. н. „адверзаріи“ вѣдь неизбѣжно влекутъ за собой отсутствіе стройности, и это еще не большая бѣда, лишь бы дѣло оттого не страдало.

I. стр. 72 - (4) сл. [3]). Въ подтвержденіе догадки „Audax omnia perpeti Gens humana *luit pernicie* nefas“ (c. I. 3. 26) напрасно не было

такой интерпретаціи не препятствуетъ. И fides хвалится нерѣдко за молчаливость и порицается за нарушеніе ея („arcani-fides prodiga“ Hor. c. I. 18, 16; „Arcanis dea laeta... tacitumque in pectore numen“ Sil. It. II. 481—6).

[1]) Мы этими словами попробовали хоть приблизительно передать настоящій смыслъ прелестныхъ по комизму стиховъ: Davus sis comicus atque Stes capite obstipo, multum similis metuenti“, по необходимости превратно толковавшихся въ ихъ прежней обстановкѣ. Тиресія рекомендуетъ Одиссею изображать изъ себя вовсе не „ужасъ“, а напротивъ „неукоснительную *готовность* претерпѣть“, какъ говоритъ Щедринъ, т. е. высшую степень подобострастія.

[2]) Еслибъ мы, впрочемъ, особенно настаивали на близости къ преданію, то предложили бы: „*ut trabs* Non etiam sileas“, причемъ указали бы на вошедшее въ пословицу безмолвіе андріантовъ (см. выше). Только, разумѣется, подобное сравненіе было бы тутъ крайне неумѣстно, ибо никому въ голову не прійдетъ посовѣтовать Одиссею, чтобы онъ не держалъ себя, *какъ пень* (trabs, подобно stipes и truncus, въ переносномъ смыслѣ не можетъ не означать глупца). „Vt fur“, напротивъ того, годится *и для самого Одиссея и для навязываемой ему роли*.—Совершенно голословна была бы конъектура: „*Vt Thrax* Non etiam sileas“, которая, въ виду сосѣдства Дава, исходила бы напр., изъ предположенія, что въ какой нибудь утраченной комедіи былъ изображенъ типъ молчаливаго нахлѣбника. Наконецъ „*Vt Thraex*“ (т. е. какъ тяжело вооруженный гладіаторъ, которому шлемъ не позволяетъ говорить) едва ли даже стоитъ упоминанія.

[3]) Ссылаясь на первую статью свою, мы римскими цифрами обозначаемъ параграфы ея, арабскими же страницы, причемъ въ скобкахъ ставимъ нумерацію отдѣльныхъ оттисковъ.

нами приведено явное подражаніе Сенеки *Med. 617 sqq.*: „Exitu diro temerata ponti iura piavit“. Впрочемъ, соотвѣтственный хоръ, если не считать начала его, представляетъ вообще амплификацію на тему „exigit poenas mare provocatum“, и параллелизмъ его съ одой Горація не замѣчался только вслѣдствіе порчи преданія въ послѣдней, да еще оттого, что съ ней главнымъ образомъ сличали стихи той же трагедіи: „audax nimium qui freta primus rate tam fragili perfida rupit“ (vv. 301 sqq.), обязанные извѣстностью поразительной удачѣ грандіознаго предсказанія: «Venient annis saecula seris, quibus Oceanus vincula rerum laxet, et ingens pateat tellus, Tethysque novos detegat orbes nec sit terris ultima Thule“. Въ сущности идея тутъ діаметрально противоположная развиваемой у Горація, къ пессимизму котораго, повторяемъ, гораздо болѣе подходитъ хоръ съ заключительнымъ восклицаніемъ: „Jam satis, divi, mare vindicastis: Parcite iusso!“

Относительно еще одного мѣста той-же 3-оды I книги мы позволимъ себѣ прибавить нѣсколько строкъ. Стихи 21 и слѣд. обыкновенно читаются такъ: „Nequicquam deus abscidit Prudens Oceano dissociabili Terras, si tamen impiae Non tangenda rates transiliunt vada“. Слова эти объясняются двояко, смотря потому, какъ тутъ понимается прилагательное „dissociabili“. Тѣ, которые ему придаютъ активный смыслъ (=qui dissociat), парафразируютъ болѣе или менѣе искусно [1]) на тему: „deus terras discrevit interveniente Oceano“, но, разумѣется, приходятъ, при буквальномъ переводѣ, къ великому изреченію: „deus terras dissociavit Oceano, qui terras dissociat“. Тѣ, которые эпитету этому приписываютъ страдательное значеніе (=qui sociari nequit) не менѣе осторожно лавируютъ [2]), чтобы добраться до формулы: „deus ab infesto mari terras separavit“, но опять таки непремѣнно разбиваются объ абсурдъ: „deus effecit, ut Oceanus, qui cum terris sociari non poterat, cum terris sociari non possit“. Оказывается, что слово „dissociabili“ сбивчиво, какъ бы его ни толковали [3]). Подобное мнѣніе, какъ

---

[1]) Напр. „eo consilio interfudit mare, ut dissociaret terras“, „seiunxit terras Oceano apto ad dissociandum“, „der wohl hätte eine Scheide bilden können“ etc.

[2]) Напр. „abscidit terras ab Oceano, quem par erat ab eis dissociari“, „ab Oceano haud sociando“, „insociabili“, „ἀπ' Ὠκεανοῦ τοῦ ἀμίκτου“, „vom ungeselligen, unwirthsamen Ocean“ и т. д.

[3]) Подробнаго доказательства несостоятельности обѣихъ интерпретацій съ точки зрѣнія логики, а особенно лингвистики (логику вѣдь всякій считаетъ себя въ правѣ отстранять ссылками на злополучную copia poetica) мы не даемъ, ибо легко у издателей каждой изъ указанныхъ группъ найти совершенно убѣдительную полемику противъ мнѣнія другой стороны: сопоставленіе

извѣстно, высказано не нами впервые. Такъ чувствовали уже Н. Гейнзій, Готье, Бентли, Мерклендъ, Геснеръ, Феа, Дёрингъ, предлагавшіе или допускавшіе поправку: dissociabilis Terras" [1]); такъ разсуждали Кёнингэмъ и Уденлорпъ, принявшіе варіантъ плохихъ рукописей: „abscidit—dissociabile Terras". Но, въ виду явной неудовлетворительности этихъ эмендацій [2]), въ большинствѣ изданій удержалась, какъ мы уже сказали, традиціонная редакція, и если кто, подобно намъ, съ нею никоимъ образомъ примириться не можетъ, то ему приходится прибѣгать къ новымъ, если не конъектурамъ, то, по крайней мѣрѣ, интерпретаціямъ.

Какъ кажется, самый раціональный способъ дѣйствія будетъ состоять въ предварительномъ анализѣ даннаго текста въ томъ видѣ, какъ онъ представляется, если отвлечься отъ присутствія въ немъ спорнаго слова „dissociabili".

Что значитъ: „deus abscidit Oceano terras"? Мы видѣли, какъ это одними переводится: „моремъ разбилъ сушу на нѣсколько частей", а другими: „отдѣлилъ море отъ суши". Оба смысла возможны, вопросъ только въ томъ, который умѣстнѣе и формально вѣроятнѣе. Вотъ причины, побуждающія насъ отдать предпочтеніе послѣднему:

Горацій оплакиваетъ не самый фактъ путешествій въ отдаленныя страны, не то, что люди другъ съ другомъ *сообщаются*, а то, что, вопреки божескому закону, они *по морю ѣздятъ*. Да и первый мореплаватель, съ точки зрѣнія нашей оды, не могъ знать, есть-ли вообще за моремъ другая земля [3]): онъ слѣдовательно въ свое предпріятіе пускался не съ опредѣленною цѣлью добраться до этого неподозрѣваемаго края, и ежели онъ открылъ его и завелъ сношенія съ невѣдомыми дотолѣ народами, то это было только *слѣдствіемъ* его экспедиціи [4]), притомъ слѣдствіемъ, которое само по себѣ *предосуди-*

этихъ взаимныхъ опроверженій даже весьма поучительно. Мы со своей стороны только поставимъ вопросъ, въ правѣ-ли былъ бы кто нибудь, опираясь на разбираемое мѣсто, объяснять напр. *Hor. Epl. I. 16, 5*: „Continui montes, ni dissocientur opaca valle" словами: „ni abscindantur dissociabili valle"? Нужно же быть послѣдовательнымъ!

[1]) Сюда же относятся ученые, удерживающіе, вродѣ г. Келлера, вульгату, но объясняющіе *dissociabili* per ennallagen, т. е. въ смыслѣ Бентлеевской поправки.

[2]) „*Dissociabiles*" ведетъ къ „dissociavit dissociatas", а „*dissociabile*" къ „dissociavit dissociabiliter".

[3]) Горацій, очевидно же, говоря: „illi robur et aes triplex...", думаетъ не объ Аргонавтахъ.

[4]) Оттого-то и *transiliunt*, на которое такъ напиралъ Бентли, нашему толкованію вовсе не противорѣчитъ.

тельнымъ считаться *не* можетъ, коли судить о немъ на основаніи главной мысли стихотворенія, ибо конфигурація извѣстнаго древнимъ свѣта, *допуская* повсемѣстное сообщеніе *сушей* [1]), приводила ихъ къ заключенію, что *принципіальныхъ* преградъ *тутъ* природа людямъ *не* положила. Не однимъ Гораціемъ, но и другими античными поэтами преступность мореходства усматривается въ *смѣшеніи стихій* [2]), въ томъ, что, не обладая отъ рожденія органами, которые, говоря словами Евангелистовъ, позволяли бы περιπατεῖν ἐπὶ θαλάσσης, люди умудрились создать искусствен-

---

[1]) Тотъ-же Вергилій могъ изъ Италіи сухимъ путемъ попасть въ Грецію, и еслибъ таково было его намѣреніе, то никакого προπεμπτικὸν ему Горацій не посвящалъ бы.—Затѣмъ „Oceano" понимать, разумѣется, должно о морѣ вообще и о Средиземномъ въ особенности, а не объ Океанѣ. Это только французскіе переводчики могутъ „съ легкимъ сердцемъ" увѣрять, что Горацій сказалъ: „Pour séparer entre eux *l'un et l'autre hémisphère*, Plaça de l'*Océan* l'imposante barrière". Для любителей замѣтимъ, что этотъ курьезъ мы нашли въ „Odes d'Horace, traduites en vers français, par M. Letexier, ingénieur des ponts et chaussées. A Paris. Chez Verdière, 1818". Почтенному инженеру простыя моря не казались, можетъ быть, „unüberbrückbar scheidend", какъ нѣкоторые Нѣмцы объясняютъ „dissociabilis" (coll. Stat. Silv, III. 2, 68).

[2]) Уже Пеерлкампъ замѣтилъ, что Бентли напрасно не въ этомъ значеніи толковалъ стихи: „*Bene dissaepti* foedera *mundi* Traxit in unum Thessala pinus Jussitque *pati verbera* pontum, Partemque metus fieri nostri *Mare sepositum*. Dedit illa graves improba poenas" (Sen. Med. 335 sqq.). „Когда то было т. ск. *договорено* (foedera), что *элементы* будутъ *разграничены* (dissaepti mundi). Люди нарушили условія глубоко обдуманнаго трактата (bene, какъ у Горація prudens), *перешли границы* удѣленной имъ области (traxit in unum); *обособленное отъ материка* море (mare sepositum) они *въ покоѣ не оставили* (iussit pati verbera), за что и *подверглись репрессаліямъ* (dedit poenas), *терпятъ сами опасность* отъ водъ (partem metus nostri)". Разобщенія *земель* тутъ нѣтъ и въ поминѣ. На первомъ планѣ гетерогенность элементовъ, между которыми былъ прежде миръ, смѣнившійся теперь войной. Выше Сенека дѣйствительно говоритъ, что, бывало, каждый „nisi quas tulerat Natale solum non norat opes", но въ томъ то и характерное тирады, что, коль скоро пошла рѣчь о мореплаваніи, на него поэтъ смотритъ уже не, какъ на пагубное *по своимъ послѣдствіямъ* явленіе, а какъ на *самостоятельный грѣхъ*, помимо его мотивовъ и результатовъ. Съ даннымъ нами объясненіемъ стиховъ Сенеки ср. *Claud. III, 4 sqq.:* „Nam cum *dispositi* quaesissem *foedera mundi*, *Praescriptosque mari fines*... [illegible] omnia rebar Consilio firmata dei" и приведенныя Пеерлкампомъ слова Колумеллы *R. R. I. Praefat. 6, 8*: „Ut rupto naturae foedere, terrestre animal homo—se fluctibus audeat credere".

ныя орудія для этой цѣли и *превратили море въ путь* [1]), т. ск. въ сушу. Наконецъ самый способъ выраженія: *„abscidit Oceano terras“* гораздо естественнѣе сближать съ Овидіевымъ: „Nam caelo terras et *terris abscidit undas*“ (Met. I, 22) да съ оборотами „abscissum aequor“ у Стація и „mare sepositum“ у Сенеки [2]), нежели съ безсмысленнымъ стихомъ Валерія Флакка: „Has etiam *terras* (т. е. Малую Азію и Ѳракію)—Neptunia quondam cuspis *et* adversi longus labor *abscidit* aevi“ (II. 616 sqq.), гдѣ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, сказать *aut* и *discidit*, да жалкій стихоплетъ спасовалъ передъ метрическимъ неудобствомъ [3]).

---

[1]) *Stat. Silv. III. 2, 61 sq.:* „Quis rude et *abscissum* miseris animantibus *aequor Fecit iter*?“ Еслибы Беренсъ вдумался порядочно въ эти слова, то, конечно, воздержался бы отъ конъектуры: „*in*.... aequor fecit iter“. Въ томъ вся суть, что *зыбкія* волны, не предназначенныя природой служить *почвой* для путешественниковъ, смертными все таки обращены въ *iter*. Самъ Стацій объяснительно прибавляетъ: „*Solidaeque* pios telluris alumnos expulit in *fluctus* pelagoque inmisit *hianti* Audax ingenii“ (*Hianti* великолѣпная поправка Италіанцевъ, Бентли и Пеерлкампа, другъ отъ друга независимо предложившихъ ее, вмѣсто рукописнаго *hiantes*). Еслибъ Стацій, какъ того желаетъ Беренсъ, написалъ: „*in* aequor fecit iter et expulit *in* fluctus, et pelago *in*misit“, то пришлось бы уже воскликнуть не δίς, а „τρὶς ταὐτὸν εἴπας!“ Между тѣмъ въ рукописномъ текстѣ есть все таки свой оттѣнокъ у каждаго стиха. Немного ниже Стацій говоритъ: „Inde furor ventis et *fulmina plura Tonanti*“. Все это изъ Горація, какъ у Сенеки.

[2]) См. два предидущ. примѣчанія.

[3]) „adversi longus“, вмѣсто „adversus longi“, вѣроятно, намѣренная „красота“. Eiusdem farinae и другое мѣсто, цитованное у Бентли: „Euboean insulam continenti adhaerentem tenui freto reciprocantibus aquis Euripus abscindit“ (Flor. I. 24). „Еврипъ *(проливъ!)* отдѣляетъ Еввію, прилегающую къ материку, своимъ *узкимъ проливомъ*, воды котораго имѣютъ возвратное движеніе“. Отъ чего же онъ ее отдѣляетъ? Не отъ материка, коль скоро она къ нему прилегаетъ. Можно, конечно, adhaerentem принимать за причастіе, вмѣсто прошедшаго, и такъ Флоръ хотѣлъ, чтобы его понимали, но неумѣніе выражаться тутъ и проявляется: къ „adhaerentem“ приходится дополнять „olim“, а къ „abscindit“ даже „a continente“, т. е. и тутъ и тамъ самое важное! Такъ какъ приведенные выше стихи Валерія Флакка взяты имъ, по обыкновенію, изъ Вергилія, то, ради огражденія послѣдняго отъ подозрѣній въ подобной же небрежности слога, не мѣшаетъ напомнить, что онъ и тутъ свободенъ отъ недостатковъ своего подражателя. Въ 3 п. Энеиды весьма толково сказано, что работа времени (v. 415) подготовила катастрофу (vv. 414, 416): о трезубцѣ нѣтъ и рѣчи, разумѣется, при такой постановкѣ вопроса. Далѣе (v. 417 sqq.) читаемъ у Вергилія, что море „undis Hesperium Siculo latus *abscidit* („*отдѣлило* своими

Выяснивъ такимъ образомъ основной смыслъ интересующихъ насъ стиховъ Горація, мы уже безъ труда опредѣлимъ вѣроятную подкладку никого не удовлетворяющаго термина „dissociabili". Ограничиться, пови-

водами Италію отъ Сициліи") arvaque et urbes Litore *diductas* angusto *interluit* aestu" („омываетъ *разобщенныя* мѣстности"). Вотъ это латынь, настоящая латынь золотого вѣка! Впрочемъ, и у Вергилія въ 417 стихѣ маленькое затрудненіе; рукописи представляютъ варіанты: „venit medio vi pontus и „medio venit", а Сенека (N. Q. VI. 30) цитуетъ „venit ingenti vi pontus". Вмѣсто „medio", ожидается естественно „medius" (Hor. c. III. 3, 46 sq.: „qua medius liquor secernit Europen ab Afro" значитъ, разумѣется: „гдѣ Гадитанскій проливъ отдѣляетъ Европу отъ Африки", а не: „гдѣ Средиземное море находится", какъ нѣкоторые объясняли), слово „vi" тутъ лишне: не потому только, что это для того же понятія было непосредственно передъ тѣмъ употреблено (haec loca vi quondam—convolsa), но и оттого, что рѣчь теперь идетъ о другомъ предметѣ. Можетъ быть, читать слѣдуетъ: „venit medius vix pontus". „Море едва проникло и отсѣкло, такъ что лишь узкій проливъ омываетъ". „Medius" очень легко возстановить: окончаніе *us* вѣдь сплошь да рядомъ замѣнялось крючкомъ, вродѣ *o*. А за *vix* говоритъ подражаніе Силія Италика (XIV. 11), къ которому мы наконецъ переходимъ: „Ausoniae pars magna iacet Trinacria tellus, ut semel expugnante Noto et vastantibus undis Adcepit freta, caeruleo propulsa tridente. Namque per occultum caeca vi turbinis olim Inpactum pelagus laceratae viscera terrae *Discidit* et medio perrumpens arva profundo Cum populis pariter convolsas transtulit urbes. Ex illo servans rabidus divortia Nereus saevo dividuos coniungi pernegat aestu. Sed spatium, quod *dissociat* consortia terrae, Latratus fama est (sic *arta intervenit* unda) Et matutinos volucrum tramittere cantus". Отъ благородной простоты Вергилія мы тутъ очень далеки, но и нелѣпости Валерія Флакка не встрѣчаемъ. У Силія долговременное подкапываніе волнъ вовсе не упомянуто, все у него сразу дѣлается (semel): подымается буря (Notus et undae) и въ материкъ вторгается море, гонимое впередъ Нептуномъ. Соединять слѣдуетъ: „freta, propulsa tridente", а не „tellus propulsa", какъ видно изъ ἐπεξήγησις: „inpactum pelagus". Затѣмъ „caeca vi turbinis" и есть парафраза словъ: „caeruleo tridente". Это смѣшеніе миѳологической терминологіи съ какою то лже-научною совсѣмъ во вкусѣ тогдашней литературы. Наконецъ у Клавдіана (R. Pr. I. 140 sqq.) реминисценціи изъ Овидія (Met. XV. 290) и Силія соединяются съ подражаніемъ Вергилію и даже Валерію: Trinacria quondam Italiae pars *una* fuit (pars *ima* fuit?): Sed pontus et aestus Mutavere situm: rupit confinia Nereus Victor et abscissos interluit aequore montes". Первое предложеніе изъ Силія, mutavere изъ Вергилія, confinia изъ Овидія, Nereus изъ Силія, abscissos montes изъ Валерія, interluit изъ Вергилія. Сравнить можно еще Luc. III. 59 sqq., Prisc. Perieg. 486 sq. Мы, кажется, не преувеличиваемъ: у Клавдіана нерѣдко находятся такія мозаичныя работы.

димому, слѣдуетъ дѣйствительною диссоціацiей составныхъ частей этого несчастнаго слова, т. е. читать:

> Nequicquam deus abscidit
> Prudens Oceano *dis sociabili*
> Terras, si tamen impiae
> Non tangenda rates transiliunt vada.

Людямъ назначено было по божескому плану жить на землѣ, море же боги (Neptunus, Amphitrite, Tethys, Nereus, Thetis, Triton и tutti quanti) предоставили себѣ. Когда поэтому смертные пустились въ плаваніе, то, „concitus ausis *Aequoreos* vocat ecce *deos* Neptunus et ingens Concilium. Fremere et *sedem defendere* cuncti hortantur“ [1]). А когда морякъ нуждается въ чемъ-либо, то онъ произноситъ молитву, вродѣ встрѣчаемой у Вергилія (Aen. V. 235 sqq.): „di quibus imperium est pelagi, quorum aequora curro“ etc. Что Горацій сказалъ именно это, видно не только изъ контекста [2]), но еще изъ упомянутыхъ уже подражаній Сенеки и Стація. У перваго мы находимъ: Furit *vinci* dominus profundi *regna Secunda* (Med. 597 sq.), съ намекомъ на знаменитую трихотомію вселенной, у послѣдняго же читаемъ: „abscissum miseris animantibus aequor“, т. е. выраженіе, явно адекватное возстановленному: „Oceanus dis sociabilis“ (=quocum dis tantum societatem contrahere fas est). Въ стилистическомъ же отношеніи мы теперь дѣйствительно получаемъ право замѣтить то, что Lübker когда то страннымъ образомъ сказалъ о вульгатѣ: „Die vom Dichter gewählten Gegensätze *scindere—sociari, non tangere—transsilire* sind offenbar rhetorisch nicht ohne Kraft“.

Въ заключеніе укажемъ на то, что, не измѣняя въ сущности вовсе преданія, мы могли бы довольно категорически претендовать на признаніе первенства за своимъ объясненіемъ: ибо несомнѣнно же изъ двухъ интерпретацій одного и того же текста та, которая приводитъ къ абсурдамъ или, по меньшей мѣрѣ, къ набору словъ, не должна конкуррировать съ той, которая, безо всякаго насилія, создаетъ самый подходящій смыслъ.

II. стр. 75 (7) слѣд., прим. 2. По поводу конъектуры „dum gravi Cyclopum Volcanus ardens *sudat* officina“ (c. I. 4, 7 sq.) мы бы скромно

---

[1]) Val. Fl. I. 211 sqq.

[2]) Вся ода описываетъ титаническую борьбу съ богами: Промиѳей похищаетъ огонь „aetheria domo“, Дедалъ пускается въ воздухоплаваніе „pinnis non homini datis“, Ираклъ врывается въ царство Плутона: подобная наклонность къ захватамъ, подобное стремленіе присвоить себѣ *привилегіи боговъ* и вызываетъ у поэта восклицаніе: „Nil mortalibus ardui est!“ Въ разобранной строфѣ недоставало именно этой нотки.

поставили вопросъ, не исправить-ли приблизительно тѣмъ же образомъ мѣсто у Вергилія *Aen. VIII 434:* „Parte alia Marti currumque rotasque volucris *Instabant* (sc. Cyclopes)". Это вынуждены объяснять „instanter conficiebant — pro vulgari *instare operi*", тогда какъ, извиняя фразу аналогіей, можно только сказать, что она составлена „pro insolito *instare opus*". (Примѣры изъ Невія и Плавта, имѣющіе доказать правильность употребленія instare съ Винит., сюда не относятся). Между тѣмъ догадка „currumque rotasque volucris *sudabant*„ могла бы опираться на дѣйствительной аналогіи такихъ оборотовъ, какъ *Sil. It. IV. 433*: „multoque labore Cyclopum *sudatum thoraca* capit" (т. е. именно Марсъ), для которыхъ естественно искать прецедента въ классическомъ писателѣ [1]). До сихъ поръ однако въ литературѣ эпохи Августа было извѣстно лишь одно параллельное мѣсто, а именно у *Ливія V. 5.* „relinquendane haec censetis, ut ad aestatem rursus novus de integro his instituendis *exsudetur labor*". Если удерживать у Вергилія „currum instabant", то переводить это слѣдуетъ буквально, въ томъ же смыслѣ, какъ у Валерія Флакка IV. 287. sq.: „*fulmina* Cyclops *Prosubigit*.

Въ томъ же II параграфѣ, въ концѣ примѣчанія на стр. 76 (8) недостаточно было сказать въ защиту эмендаціи „inadspectos Phoebo (cdd. caelo) radiisque penates" (Stat. Theb. I. 50), что это весьма обыкновенное ἓν διὰ δυοῖν. Слѣдовало для мало изучавшихъ языкъ Стація прибавить, что у него же Theb. I. 362 встрѣчается: „nullisque adspecta per aevum *solibus*", а Theb. VI. 89: „lucosque ostendere *Phoebo*". Съ другой же стороны Theb. I 455 „tecto *caelum* prohibere" или Sil. It. XIII. 525: „invisus *caelo* specus" противъ насъ, конечно не говорятъ, ибо тутъ не достаетъ именно понятія spectandi. Luc. III. 401: Lucus erat—cingens—submotis *solibus* umbras. 444: admisere *diem*. Sen. H. O. 1628: „Stat vasta late quercus et *Phoebum* vetat" и 1634: „protinus *radios* locus admisit" показываютъ, впрочемъ, что и въ послѣднемъ случаѣ *небо* у римскихъ поэтовъ упоминается *весьма рѣдко*, вмѣсто солнца и его лучей, *для обозначенія*

---

[1]) У Силія, Стація и Клавдіана, какъ первый показалъ Дракенборхъ (ad Sil. l. l.), не рѣдки выраженія sudatus labor, sudatus ludus, sudata bella, даже встрѣчаются sudatae vomere messes, sudata marito fibula, zona manibus sudata и т. д. (Cf. Ritschel. Opusc. III. 611, гдѣ, впрочемъ, довольно вяло ведется защита Пеерлкампова „sudare" у Горація c. II. 1,21 противъ совсѣмъ слабыхъ аргументовъ противниковъ этого чтенія). Переходную ступень къ конструкціямъ, вродѣ приведеннаго: multo labore Cyclopum sudatum opus, легко усмотрѣть въ болѣе обыкновенной: „nullum tanto *sudore* Pyracmon Nec Steropes *construxit* opus" (Claud. R. P. I, 238 sq.) Въ основѣ и тутъ Гомеровскій оборотъ, именно „θώρηκα, τὸν Ἥφαιστος κάμε τεύχων" (Θ. 195).

источника свѣта. Verg. Georg. III. 417: „vipera delituit *caelumque* exterrita fugit“ не значитъ собственно „lucem exosa delituit“, а „перестала быть подъ открытымъ небомъ“. Еще менѣе сюда относится Aen. VI. 896 [1]). Совсѣмъ непонятны наконецъ: „*radiata—lumina caelo*“, у Стація *Silv. II. 1, 42* о красивыхъ глазахъ. Лучше Мерклендовыхъ попытокъ было бы повидимому, чтеніе: „*O ubi* purpureo suffusus sanguine candor Sidereique orbes radiataque lumina, *quaeso*, Et castigatae collecta. modestia frontis Ingenuique super crines mollisque decorae Margo comæ? blandis *ubinam* ora arguta querelis„ и т. д. *Вопросы* продолжаются *въ разныхъ видахъ* еще на цѣлой страницѣ. (Слишкомъ манерно, даже для Стація, было бы: „*radiataque* lumina *caeco*“, т. е. такіе лучезарные глаза, что и слѣпой замѣтилъ бы ихъ блескъ). Все это мелочи, коли угодно, но мы отмѣчаемъ ихъ, не желая, чтобы хоть одно изъ сдѣланныхъ нами измѣненій въ древнихъ текстахъ производило впечатлѣніе легкомысленной забавы: вѣдь въ нашей наукѣ презрѣніе къ „пустякамъ“ и знаменуетъ обыкновенно поверхностность.

IV. стр. 81 (13). Въ доказательство того, что колесницами главныхъ боговъ являются квадриги, нечего ссылаться еще относительно Юпитера на римскіе денаріи *quadrigati*. Но именно *Паллада* вѣдь на монетахъ изображена въ квадригѣ: не имѣя, къ сожалѣнію, подъ руками нумисматическаго сборника, мы цитаты дать не въ состояніи, но самый фактъ не подлежитъ же никакому сомнѣнію.—Тріумфаторскихъ колесницъ (Iuven. VII. 126: quadriiuges in vestibulo) мы не упоминали, относя ихъ къ параднымъ, хотя, разумѣется, вся pompa побѣдителя подражаніе Юпитеровой (Извѣстный разсказъ о мнимой ὕβρις Камилла цѣны не имѣетъ, ибо поздно и плохо составленъ).

Относительно даннаго *тамъ же, примѣч. 5*, объясненія словъ Эннія „*irarumque effunde quadrigas*“ (ap. Serv. ad Aen. XII. 499) намъ было сдѣлано возраженіе пр. Никитинымъ, который приводитъ этотъ оборотъ въ связь со скачками, ссылаясь на выраженія, вродѣ Вергиліевыхъ: „Ut cum carceribus sese effudere quadrigae“ (Georg. I. 512), effusi carcere currus“ (Aen. V. 145). Намъ кажется, что мысль о состязаніи тутъ только мѣшала бы и что ближе все таки тотъ стихъ, по поводу котораго Сервій

---

[1]) У Силія I. 84 упоминается templum „quod taxi circum et piceae squalentibus umbris Abdiderant *caelique* arcebant *lumine*“. Тутъ „caeli lumen“ и есть солнце, какъ у Горація c. s. 2: „lucidum caeli decus“ названы солнце и луна. Наконецъ „caeli lucida templa“ у Лукреція II. 1039 только подтверждаютъ наше мнѣніе, какъ въ томъ легко убѣдиться, прочитавъ предидущіе въ поэмѣ стихи: „Percipito caeli clarum purumque colorem, Quaeque in se cohibet palantia sidera passim Lunamque et solis praeclara luce nitorem“ (v. 1030 sqq.).

указыкаетъ на параллельное мѣсто изъ Эннія, именно: *„irarumque* omnis *effundit habenas"* [1]). Между тѣмъ „effundere habenas" вовсе не исключительно, а только между проч., говорится при упоминаній ристаній цирка, а слѣдовательно и въ переносномъ смыслѣ эта и аналогическія ей формулы могутъ быть объяснены безъ всякаго намека на бѣговыя колесницы [2]). Съ другой стороны специально касается послѣднихъ въ цитуемыхъ противъ насъ стихахъ только слово carcer, а *именно его у Эннія въ данномъ случаѣ нѣтъ.* Затѣмъ неразрывность понятій „квадрига" и „циркъ" мы вѣдь оспариваемъ. Стало быть въ сущности аргументъ сводится къ гадательному толкованію глагола „effundere", къ которому нашъ уважаемый критикъ считаетъ повидимому необходимымъ всегда дополнять „e carceribus", лишь только дѣло идетъ о колесницѣ, тогда какъ мы, охотно соглашаясь съ тѣмъ, что откуда нибудь да должно брать свое начало всякое „изліяніе", не видимъ однако нужды за обычную его точку отправленія принимать для лошадей баррьеръ цирка и, напротивъ того, утверждаемъ, что неупоминаніе этой ограды въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, при неотлучномъ указаніи на нее въ другихъ, служитъ естественнымъ критеріемъ для распознанія тутъ характера соотвѣтственной метафоры. Наконецъ замѣтимъ, что „audaces effusus in iras" у Стація Theb. VII. 322 (не смотря на то, что рѣчь тутъ идетъ объ Азопѣ) и „talique effunditur ira" у Валерія Флакка VII. 34 всего удобнѣе,

---

1) Сближеніе это подтверждается и переходною т. ск. конструкціею у Валерія Флакка *III. 498*: „bellum ingens, atque ipse *citis* Gradivus *habenis Fundit equos"*; другою крайностью будетъ „suspendere equos" (Stat. Theb. VI, 504. Sil. Ital. IV, 144), т. е. „suspensis habenis sistere equos": иными словами „fundere equos" значитъ „пустить коней", а „suspendere equos"—„поднять коней на дыбы". И въ смыслѣ Гораціева: „non alius *flectere equum* sciens aeque (*c. III. 7. 25*) Стацій (*Theb II. 573 sq.*) сказалъ: „Nec *vertere* cuiquam *frena* secundus". Причинная связь между степенью напряженности повода и аллюромъ коня вѣдь несомнѣнна: отчего же отрицать законность оборотовъ, которые являются только слитнымъ выраженіемъ этой связи (frena effundendo equos effundere и т. д.)? Такимъ же образомъ въ противоположность „несущимся квадригамъ гнѣва" говорятъ напр. „pone irae frena modumque" (Juven. VIII. 88), а не какъ нибудь: „берегись выводить гнѣвъ въ арену" (Cf. Obbar. ad *Hor. Epl. I. 2, 63*). Вообще метафора, которую намъ противополагаютъ, не имѣетъ первичнаго характера: „Veluti cum carcere rupto Auriga.. totas effundit habenas" (Sil. It. VIII 279).

2) Въ переносномъ смыслѣ мы имѣемъ еще напр., объ огнѣ у Вергилія *Aen. V. 662:* „furit inmissis volcanus habenis", о водѣ у Валерія Флакка *VI. 391:* „Juppiter omnis fluviûm si fundat habenas" (cf. Ov. M. I. 280), о чувствѣ у Силія VI. 556 sq.: „excussit habenas Luctificus pavor" и т. д.

по нашему мнѣнію, тоже толковать сравненіемъ увлеченнаго гнѣвомъ съ разнузданною лошадью. Но „fusus habenas„ (Sil. Ital. IV. 137) говорится о возницѣ, выпустившемъ поводья (cf. effusa comas, effusa manus etc.), рядомъ съ „effusa largus habena“ (id. VII. 696).

IV. стр. 87 (19), прим. 2. Уже *Wakefield* предлагалъ, какъ оказывается, читать Hor. Epod. 10. 8: „Aquilo, quantus altis montibus *Plangit* trementes ilices“, вмѣсто рукописнаго „frangit“. Эмендацію эту мы продолжаемъ рекомендовать, какъ вполнѣ достовѣрную, несмотря на примѣчаніе Феи, который только напуталъ со своимъ опроверженіемъ „свиста“ и не обратилъ даже вниманія на то простое обстоятельство, что ежели считать *постояннымъ* занятіемъ Аквилона *ломаніе* деревъ на горныхъ вершинахъ, то остается загадочнымъ, какъ это онъ тамъ не истребилъ давно всѣхъ лѣсовъ. Никто не отрицаетъ, что вѣтеръ „*interdum* rapido percurrens turbine campos arboribus magnis sternit *montesque supremos Silvifragis vexat flabris*“ (Lucr. I. 273 sqq.), но у Горація этого не могло стоять, какъ потому, что предшествовало непосредственно „fractosque“, такъ вслѣдствіе присутствія эпитета „trementes“ и особенно въ виду того, что вся редакція фразы свидѣтельствуетъ объ упоминаніи въ ней *постояннаго* явленія [1]). Если же кто сталъ бы настаивать на словѣ „quantus“, то неизбѣжно пришелъ бы къ переводу: „такой сильный вѣтеръ, что способенъ *даже на горныхъ вершинахъ* ломать дубы“. Между тѣмъ вовсе не *труднѣе* Аквилону производить *тамъ* подобныя операціи, нежели *въ полѣ*.—Неубѣдительна, впрочемъ, аналогическая догадка Гейнзія къ Силію Италику I. 206: „*quassant* cava tempora (Атланту) venti“, гдѣ ближе къ рукописному „vastant“ было бы: *vexant* (cf. Lucr. l. l.).

Тамъ же, стр. 89 (21), пр. 2. Признаемся, что къ примѣрамъ употребленія слова „palla“ для обозначенія *мужского* платья мы бы охотно прибавили одно мѣсто изъ Горація, именно *c. III. 20. 12*, гдѣ весьма заманчиво читать: „Arbiter pugnae (т. е. самъ puer delicatus) posuisse nudo Sub pede *pallam* (cdd.: palmam) Fertur et leni recreare vento Sparsum odoratis umerum capillis, Qualis aut Nireus fuit aut aquosa Raptus ab Ida“. Неархъ, въ ожиданіи исхода боя.... разоблачился. Оно, конечно, неприлично, но что-жь дѣлать? Развѣ это не естественный результатъ всего эпизода, развѣ онъ и безъ того не заключается implicite въ сюжетѣ

---

[1]) Конечно, „quercum Alpini Boreae—*Eruere inter se certant*“, но вѣдь сплошь да рядомъ это имъ не удается: Ipsa *haeret* scopulis et quantum vertice ad auras Aetherias, tantum radice in Tartara tendit“ (Verg. Aen. IV. 441 sqq.). Не слѣдуетъ забывать тоже, что во всемъ эподѣ проведена извѣстная градація: только въ концѣ его упомянута катастрофа (carinam ruperit etc. v. 20 sqq.).

оды? Изъ за чего же Пирръ ссорится со „львицей“? и кого же намъ представлять себѣ подъ ея „catulus“? Затѣмъ вѣдь чтеніе кодексовъ, „palmam“, совершенно безсмысленно. Неархъ самъ palma, praemium victoriae, и наступить на себя, полагаемъ, не могъ. Кромѣ того необходима же мотивировка заключительной картины, и ее даетъ только предлагаемая эмендація: когда Неархъ снялъ съ себя плащъ, то нога его дѣйствительно обнажилась (nudo sub pede), тогда какъ раньше этого не было, ибо „Palla imos ferit—pedes“ (Valer. Flacc. I, 385); теперь же и вѣтеръ могъ играть у него на плечахъ (recreare vento—umerum), чего до тѣхъ поръ тоже не было, ибо „palla umeros velat“ (Claudian. I. 224). Наконецъ становится и понятнымъ, почему Горацій написалъ recreare (а не recreasse) рядомъ съ posuisse: юноша *спустилъ* съ себя одежду и благодаря тому *освѣжается.*—Что касается другой трудности той же оды, т. е. мнимаго противорѣчія слова „fugies“ въ 3 ст. со слѣдующимъ „celeres sagittas promis“ (vv. 9—10), то мы не видимъ надобности устранять ее конъектурами (Унгеръ: „vegeas“—слабовато!). Въ двухъ первыхъ строфахъ поэтъ говоритъ о будущемъ гипотетично, а въ двухъ послѣднихъ о прошедшемъ и настоящемъ, на основаніи сплетни („fertur“ v. 13). Никакихъ слѣдовательно нелѣпостей въ стихотвореніи нѣтъ, оно даже не лишено комизма, если принять нашу поправку: „Теперь ты еще хорохоришься, любезный Пирръ, пока львица только востритъ зубы [1]), да и

[1]) Лерсъ смѣялся надъ тѣмъ, „wie sie ihre Zähne wetzt, bis Nearchus (описка, вмѣсто Pyrrhus) Zeit hat seine Pfeile hervorzunehmen“. Но еслибъ даже это не было сказано юмористично (вродѣ нашего: языкъ чешется) въ смыслѣ: „она бранится, заочно грозитъ отомстить“, то все же несообразности тутъ никакой бы не было. *Lucan. I. 205 sqq.:* „Sicut squalentibus arvis Aestiferae Libyes viso leo cominus hoste Subsedit dubius, totam dum colligit iram; Mox ubi se saevae stimulavit verbere caudae Erexitque iubas, vasto et grave murmur hiatu Infremuit: tum torta levis si lancea Mauri Haereat, aut latum subeant venabula pectus, Per ferrum, tanti securus vulneris, exit“. *Val. Flacc. I. 757 sqq.:* „quasi multa leo cunctatur in arta Mole virum rictumque gemens et lumina pressit: Sic curae subiere ducem, ferrumne capessat“.... *Verg. Aen. X. 707 sqq.:* „At velut ille canum morsu de montibus altis Actus aper—postquam inter retia ventum est, Substitit infremuitque ferox et inhorruit armos, Nec cuiquam irasci propiusque accedere virtus, Sed iaculis tutisque procul clamoribus instant: Ille autem inpavidus partes cunctatur in omnis, Dentibus infredens et tergo decutit hastas“... Полагаемъ, что изъ всѣхъ трехъ примѣровъ достаточно явствуетъ законность выраженія: „dum tu celeres sagittas promis, haec dentes acuit timendos“. Настоящимъ образомъ дикіе звѣри вѣдь именно, получивъ только рану, приходятъ въ ярость; ср. провербіально употребленное напр. у Стація сравненіе: „Non leo, non iaculo tantum indignata recepto Tigris (Theb. VI. 787 sq.).

самъ Неархъ такъ увѣренъ въ твоей побѣдѣ, что, какъ злые языки говорятъ, уже заранѣе приготовился увѣнчать ее подобающимъ образомъ (мы бы сказали: такъ ужь и расхаживаетъ въ костюмѣ Адама)[1]. Вотъ подожди ты, ринется наконецъ ярая противница на тебя, тогда ты обратишься въ постыдное бѣгство". Certamen въ 7 ст. мы бы даже перевели, если только можно: „еще вопросъ, еще весьма спорно", т. е. для посторонних, для будущихъ зрителей. Въ крайнемъ случаѣ, впрочемъ, можно бы читать напр. „*subeas*", вмѣсто „fugies". При всемъ томъ многое, разумѣется, остается для насъ темнымъ въ стихотвореніи. Но вѣдь оно иначе и быть не можетъ, такъ какъ мы не знаемъ подробностей того скандальнаго анекдота, который несомнѣнно легъ въ основаніе оды[2], и по меньшей мѣрѣ странно дѣлать изъ такого незнанія аргументъ противъ подлинности ея[3].

---

[1]) Нѣкоторые и раньше, еще рѣзче, объясняли: „in lectulo iacens". Ничего, впрочемъ, превратнѣе не можетъ быть одно время распространенной интерпретаціи: „ventum sibi *flabello* facit *parum* scilicet *curans* certamen vestrum eiusque eventum". Часть ея (упоминаніе вѣера) опровергнулъ уже Орелли, который удерживаетъ однако другую (о презрительномъ настроеніи Неарха)— очевидно, за имѣніемъ лучшей. Что иные ученые подъ „palma" разумѣли *руку*, тоже любопытное доказательство растерянности комментаторовъ, имѣющихъ дѣло съ испорченнымъ текстомъ.

[2]) Мейнеке напрасно полагалъ, что она объяснительный текстъ къ *картинѣ*: еслибы живописецъ представилъ настоящую львицу да охотника съ колчаномъ и стрѣлами, то не сталъ же бы Горацій превращать похищаемыхъ σκύμνοι въ разныхъ Неарховъ! Непонятно тоже, какъ Мичерлихъ могъ сказать: „Totum carmen *ad verbum* plane e *graeco* poeta expressum esse et *argumenti* et *tractationis ratio* facile evincunt". „Argumentum", къ сожалѣнію, античное вообще, „обработка" же его осторожна, ибо касается частнаго случая, разсказы о которомъ ходили тогда по Риму, почему и не названы имена дѣйствующихъ лицъ. Наконецъ одна черта во всемъ эпизодѣ, показавшаяся особенно смѣшною (появленіе нагого Неарха въ самую патетическую минуту), послужила, повидимому, ближайшимъ поводомъ къ составленію всего ᾠδάριον. Вотъ единственное, что мы можемъ, и то не безъ произвола, предположить.

[3]) Что касается до самой palla, то рѣшительно не видно, отчего богатыри (напр. Іазонъ Val. Fl. III. 718, Геркулесъ Sen. H. O. passim, Полиникъ Stat. Th. XI. 400) могутъ ее носить, а Неарху—личности, надо полагать, не героической—оно бы не позволялось? Его, вѣрно, давно перестали „умолять", чтобъ онъ надѣлъ это платье, какъ въ Стаціевой Ахиллеидѣ (I. 258 sqq.) Ѳетида умоляетъ своего сына: „animos submitte viriles atque habitus dignare meos... si decet aurata Bacchum vestigia palla Verrere, virgineos si Juppiter induit

Тамъ-же, стр. 92 (24). При разборѣ стиховъ Петронія: „tali volucrem Fortunam voce lacessit: rerum humanarum divinarumque *potestas*, Fors, cui nulla placet nimium secura *potestas*, quae nova semper amas et mox *possessa* relinquis“ (c. 120, vv. 78—81), мы вскользь упомянули догадку „*vix* possessa“ Каспара фонъ Бартъ. Его, очевидно, смущало „possessa“, употребленное въ текстѣ преданія въ смыслѣ винительнаго пад. множ. числа, и онъ своею эмендаціей обращалъ это слово въ именит. единственнаго. Основаніе у него было весьма вѣское: никто о Фортунѣ не говоритъ, что она *владѣетъ* тѣмъ, кому покровительствуетъ; напротивъ, *ею* обладаютъ счастливцы. Измѣненіе вульгаты слѣдовательно необходимо. Но Бартово „vix“ мало удовлетворяетъ: вѣдь на сомнѣнія наводитъ не “mox“, а „possessa“, тѣмъ болѣе, что этотъ терминъ сильно рѣжетъ ухо послѣ двукратнаго potestas въ предидущихъ строкахъ, эффектъ которыхъ онъ только портитъ. Устранить такимъ образомъ нужно „possessa“, и это, какъ кажется, можно сдѣлать вполнѣ прилично, читая: „quae nova semper amas et mox *hospes vaga* linquis“. Фортуна—гостья, и ея посѣщенія продолжаются обыкновенно не долго потому именно, что она vaga. „Vaga“ о Фортунѣ имѣется у Манилія IV. 97, а къ hospes это самый подходящій эпитетъ. Затѣмъ въ женскомъ родѣ существительное hospes (=hospita) встрѣчается у Овидія и Лукана (см. лексиконы). Дополнять къ linquis слѣдуетъ, разумѣется, eadem, modo amata и т. п. Мѣсто тогда весьма напоминаетъ полустишіе Горація A. P. 165: „amata relinquere pernix“.

---

artus“... и т. д. Онъ скорѣе самъ „die togae virilis stolam sumpsit“ (Petron 81). Это Сципіона только упрекать могли за обычай „cum pallio crepidisque (мы бы сказали: въ халатѣ и туфляхъ) inambulare in gymnasio“ (Liv. XXIX 19). Для Неарха же, при его ремеслѣ, именно такой костюмъ былъ очень удобенъ: „Löste man die Nadeln auf der Schulter, so fiel es (das Tuch хитона, соотвѣтствовавшаго римскому tunicopallium) ganz herunter“ (Marquardt, Röm. Privatalterth. II. S. 182). Затѣмъ „ponere“ о сниманіи платья (=deponere, exuere) совершенно вѣрно: *Prop. II. 2. 13 sq.:* divae, quas viderat olim Idaeis tunicas ponere verticibus. *Ov. Am. III. 14. 21:* „Illic nec tunicam tibi sit posuisse pudori“. *Met. II. 460:* „cunctae (sc. Nymphae) velamina ponunt“. Между тѣмъ едва-ли правильно сказать: „ponere palmam sub pedibus“ въ смыслѣ *proicere*, презрительно бросить.—Еще укажемъ на то, что въ 8 стихѣ рукописное чтеніе (illi) можно бы, при упорномъ консерватизмѣ, прекрасно защищать шутовскимъ разговоромъ у Плавта *Aulul. 276—84* и цѣлою главой Петронія (c. 79—80: „age, inquit, nunc et puerum dividamus“ etc.), говоримъ „можно бы“, но отнюдь не „слѣдовало бы“, ибо безподобная эмендація Пеерлкампа и Гаупта (illa) вполнѣ законно стала вульгатой (ее даже принялъ О. Келлеръ во втор. изданіи).

Тамъ-же стр. 93 (25). Не лишнимъ будетъ замѣтить, что ради объясненія вульгаты, эксперименты, вродѣ тѣхъ, которымъ подвергали Фортуну въ 35 одѣ I кн., нѣкоторые ученые вынуждены были продѣлывать и надъ выведенною тамъ v. 21 sqq. Fides: ее переводили словомъ „Vertrauen", ее отождествляли со Spes, ее двоили на bona и mala fides и т. п. Ни одна изъ этихъ интерпретацій, иногда весьма остроумныхъ, трудностей мѣста, къ сожалѣнію не устраняетъ.

Тамъ-же, стр. 98 (30), прим. 2. Къ примѣрамъ употребленія оборотовъ *talis ut* (Liv. 42. 42), *aliter ut* (Cic. de rep. I. 4, 7), *aeque ut* non *secus ut* и т. д. можно добавить Cic. Rab. perd. 2, 4: *nihil aliud ut*, гдѣ совершенно напрасно вставляютъ то *quam*, то *nisi*.

Тамъ-же, стр. 100 (32), прим. 3. Едва ли ближе, чѣмъ sinister (т. е. senester) къ рукописному severus (c. I. 35, 19) подходило бы: „nec *supremus* uncus abest" (т. е. опять таки въ смыслѣ feralis). Но съ большимъ вѣроятіемъ *c. I. 12, 55*, вмѣсто непонятнаго „sive *subiectos* Orientis orae Seras et Indos", читать можно: „Sive *supremos* Orientis orae" cf. *Hor. Epl. 1. 1, 45*: „extremos... ad Indos" *Epl. I. 6, 6*: „extremos Arabas... et Indos" *Catull. 11. 2 sqq.* „Sive in extremos penetrabit Indos, Litus ut longe resonante Eoa tunditur unda" *Verg. Georg. II. 123*: „Aut quos Oceano propior gerit India lucos, Extremi sinus orbis". Въ этомъ же смыслѣ часто употребляется ultimus: *Hor. c. I. 36. 4*: „Hesperia sospes ab ultima" *II. 18, 4.* „columnas ultima recisas Africa" *II. 20. 18*: „me... ultimi noscent Geloni" *III. 3, 45*: „in ultimas... oras" *Epod. I, 13:* „occidentis usque ad ultimum sinum" и т. д. (cf. Bentl. ad Hor. c. I. 35, 29). „Supremus" въ томъ же значеніи мы имѣемъ напр.: *Mart. epigr. lib. 3. 6*: „Et quem *supremae Tethyos* unda ferit", что совершенно равносильно выраженіямъ *Силія Италика III. 411*: „*Extremamque* petit, Phoebea cubilia, *Tethyn*" и *Клавдіана V. 148*: „quidquid ligat *ultima Tethys*". (Гауптъ въ приведенномъ мѣстѣ Горація читалъ: *seu superiectos* orientis orae Seras et Indos". Стихъ оттого, какъ намъ кажется, ничего не выигрываетъ).

Тамъ-же, стр. 101 (33), прим. 1. Искаженіе слова „minimi" (c. I. 35. 24) напоминаетъ намъ, что у Стація Theb. IX. 139 читать слѣдуетъ „magnosque *minor* fuge tangere", а не съ вульгатой „magnosque *miser*.

Въ томъ-же прим. справедливо отвергнута фигуральная интерпретація Петроніева стиха: „ut, Fortuna levis, Magni quoque terga videres" (c. 123. v. 244). Нельзя однако умолчать, что у Сенеки мы находимъ: „haud est virile terga Fortunae dare" (Oedip. 86) и даже: „quid terga vertis, anime"? (Agam. 229). cf. Stat. Silv. II. 6, 93 sq.: „quin terga dolori, Urse, damus?".

Въ томъ же прим. сдѣлана выписка изъ Стацiевыхъ стиховъ: „Te (Domitiano) signa ferente Et minor in leges iret gener et Cato *castris*“ (Silv. I. 1, 27 sq.). Послѣднее слово исправлялось различно: ни *vestras* (Bentley), ни *iustas* (Cruceus), ни *pacis* (Bährens) не годятся. Но отчего не внести въ текстъ прекрасной конъектуры Бурзiана: „et Cato *castus*“? Это, разумѣется, понимать должно прегнантно: „Передъ Тобой не только Помпей смирился бы, но и Катонъ принялъ бы Твою сторону безъ всякихъ компромиссовъ со своими пуританскими принципами; измѣняя республикѣ ради *Тебя*, онъ бы *все таки* оставался нравственно *безукоризненнымъ*“. Болѣе тонкую лесть трудно придумать. Оттого, можетъ быть, и нашелся недавно критикъ, нѣкто Grasberger, который мысли Бурзiана не понялъ и со своей стороны предложилъ: „et Cato *tristis*“, т. е. „нехотя“ слѣдовательно, „съ угрызенiями совѣсти“? Хорошъ комплиментъ Домицiану! Грасбергеръ ссылается на *Silv. II. 7, 66 sqq.*, гдѣ Муза предсказываетъ новорожденному Лукану всю его поэтическую карьеру и, между проч., говоритъ: „Pharsalica bella detonabis, Quod fulmen ducis inter arma divi, Libertate *gravem* pia *Catonem* Et gratum popularitate Magnum“. Но никто не оспариваетъ, что Катонъ считался серiознымъ человѣкомъ и даже меланхоликомъ! Весь вопросъ въ томъ, *умѣстенъ*-ли въ контекстѣ данный эпитетъ: и тутъ, конечно, приходится отвѣтить отрицательно, ибо названiе „Cato“ употреблено уже Стацiемъ, какъ нарицательное, въ смыслѣ мужа „libertate gravis pia“, какъ онъ его описываетъ (*описывает*ъ, что совсѣмъ другое дѣло!) въ цитатѣ Грасбергера. Опредѣлительнымъ къ нему должно здѣсь поэтому служить не одно изъ прилагательныхъ, которыми и безъ того характеризуется самый типъ Катона, а то, которое *видоизмѣняетъ* этотъ типъ, сообразно спецiальному случаю, подобно тому, какъ въ той же строкѣ minor измѣняетъ cognomen Помпея. Рекомендованное выше *castus* удовлетворяетъ, какъ мы уже замѣтили, подобному условiю лишь, если его понимать sensu praegnanti. И возможно, что въ этой интерпретацiи усматривали нѣкоторую трудность, натяжку, неясность выраженiя, почему конъектура Бурзiана и не имѣла успѣха. Если такъ, то мы предложили-бы—никакъ не tristis, а наоборотъ, нѣчто, вродѣ gaudens, напр.: „Et minor in leges iret gener et Cato *gratus*“, т. е.: „Катонъ не выказывалъ бы прежней настойчивости въ оппозицiи къ монархiи, а посмотрѣлъ бы на ея учрежденiе, какъ на *благодѣянiе* для страны и, преисполненный патрiотической *признательности*, перешелъ бы въ ряды ея приверженцевъ“ [1]).

---

1) Аналогическое мѣсто см. у *Марцiала XI. 5, 5 sqq.*, въ стихотворенiи, посвященномъ уже, впрочемъ, Императору Нервѣ: „Si redeant veteres, ingentia

VII. стр. 104 (36) и слѣд. Удивительно, что ни самъ Бентли, ни ученые, принявшіе сдѣланную имъ къ *c. I. 37. 6* конъектуру: „Regina... Contaminato cum grege turpium *Opprobriorum*", не привели въ защиту ея замѣчательную исторически и филологически аналогію у Вописка *Firm. 5*, гдѣ въ эдиктѣ Императора Авреліана значится: „Pacato... orbe terrarum, Firmum etiam latronem Aegyptium, barbaricis motibus aestuantem et *feminei propudii* (изящная перифраза для обозначенія Зиновіи) *reliquias* colligentem, ne plurimum loquar, fugavimus obsedimus cruciavimus occidimus". Впрочемъ, шутки въ сторону, отъ „grex opprobriorum" переходъ къ этимъ „reliquiae" не особенно крутой, и намъ кажется, что достаточно простого сопоставленія обоихъ выраженій, чтобы отвергнуть конъектуру, заставляющую Горація говорить почти одинаковымъ языкомъ съ грубымъ солдатомъ конца III вѣка [1]).

---

nomina, patres, Elysium liceat si vacuare nemus: Te *colet* invictus *pro libertate* Camillus, Aurum Fabricius, te tribuente, *volet;* Te *duce gaudebit* Brutus, tibi Sulla cruentus Imperium *tradet, cum positurus erit;* Et te privato cum Caesare Magnus *amabit*, *Donabit* totas et tibi Crassus opes. *Ipse* quoque infernis revocatus Ditis ab umbris Si *Cato* reddatur, *Caesarianus erit*". Сулла тутъ упомянутъ весьма некстати. Во первыхъ, едва ли можно себѣ представить его въ Елисейскихъ рощахъ въ обществѣ Фабриціевъ и Катоновъ. Во вторыхъ особенной даже учтивости въ томъ не будетъ съ его стороны, если онъ передастъ власть другому, „cum positurus erit". Это напоминаетъ извѣстный методъ угощенія: „да скушайте же, все равно придется свиньямъ бросить" (Hor. Epl. I 7. 19). Наконецъ быть „избранникомъ Суллы" во всякомъ случаѣ не лестно. Мы это говоримъ не изъ какихъ нибудь конъектуральныхъ цѣлей — мѣста трогать не слѣдуетъ — а чтобы показать, какъ напускной энтузіазмъ заставляетъ завираться самыхъ остроумныхъ людей. Вѣдь понятно, что́ Марціалъ *хотѣлъ* сказать: „Даже такой политическій скептикъ, какъ Сулла, увѣруетъ, глядя на Тебя; даже этотъ пресыщенный кровью и властью идонистъ въ рѣшительную минуту не броситъ несчастнаго государства на произволъ судьбы, лишь бы самому отдохнуть, а съ мольбою поднесетъ Тебѣ бразды правленія" и т. д. Но, разумѣется все это ложь, ибо Сулла ровно никакого вниманія на кроткихъ старцевъ не обращалъ, да и его время въ нихъ вовсе не нуждалось: вотъ внутреннее противорѣчіе мысли и отражается неизбѣжно въ словахъ. Остальныя гиперболы риторически вполнѣ законны.

1) Покойный Лерсъ, впрочемъ, подобными соображеніями не связывалъ себя, какъ показываетъ его догадка „*complices* Nymphae" къ *Hor. c. II. 8, 13, sq.* Слѣдуетъ однако замѣтить, что тутъ никто бы не тревожилъ рукописнаго чтенія: „*Ridet hoc*, inquam, Venus ipsa, *rident Simplices* Nymphae ferus et Cupido", еслибъ „Simplices" принимали за *винит.* падежъ, какъ того требуетъ смыслъ: Нимфы и Купидонъ смѣются надъ простодушными (*credulus* c.

Тамъ-же, стр. 106 (38), прим. 1. Разобравъ любопытный случай (Cic. de rep. I. 2), гдѣ ходячая формула *nec vero* вытѣснила первоначальный текстъ автора, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе на однородное искаженіе подлинника, вызванное столь же привычнымъ для переписчиковъ оборотомъ „nisi forte“. Мы разумѣемъ слѣдующія слова Квинта Цицерона, оспаривающаго нѣкоторыя сомнѣнія Аттика въ началѣ діалога *de legibus* (*I. 1, 2*): „Dum Latinae loquentur litterae, quercus huic loco non derit, quae Mariana dicatur, eaque, ut ait Scaevola de fratris mei Mario, canescet saeclis innumerabilibus; *nisi forte* Athenae tuae sempiternam in arce oleam tenere potuerunt *aut*, *quod* Homericus Vlixes Deli se proceram et teneram palmam vidisse dixit, hodie monstrant eandem, *multaque alia* multis locis diutius commemoratione manent quam natura stare potuerunt“. При первомъ же чтеніи чувствуется здѣсь извѣстная путаница въ ходѣ мысли и отчасти неясность въ выраженіяхъ. И дѣйствительно старые издатели замѣтили это: Turnèbe, а за нимъ Davies, предлагали напр. „aut *quam* Hom. Vl.“ Davies кромѣ того „*si* forte Ath.“, наконецъ Rath. „*sic certe* Ath.“ Но уже Мозеръ считаетъ вульгату безошибочною, а Ваке ограничивается туманящими разсужденіями о значеніи словосочетанія „nisi forte“. И такимъ образомъ рукописное чтеніе побѣдоносно перешло къ Орелли-Гальму, Валену и Гушке. При всемъ стараніи, мы однако не могли успокоиться на немъ“. Пока будетъ жить память о Марьѣ, говоритъ Квинтъ, до тѣхъ поръ будетъ стоять на этомъ мѣстѣ какой нибудь дубъ, и его навѣрное будутъ продолжать называть *quercus Mariana.* Возмущаться же этимъ ты бы имѣлъ право только, утверждая, что въ Аѳинахъ показывается... настоящій масличникъ Паллады, а на о. Дилѣ пальма Одиссея, да еще тѣмъ, что и въ другихъ мѣстахъ... погибаетъ предметъ, а сохраняется одно воспоминаніе о немъ“. Помилуйте! гдѣ-же тутъ логика? Что ни слово, то противорѣчіе: доказывая *древность* хранившейся въ Акрополѣ ἐλαία и Одиссеевой пальмы, Аттикъ бы, разумѣется, говорилъ *въ духѣ* народнаго повѣрія о quercus Mariana, а *не опровергалъ* бы его! Съ другой стороны

I. 5, 9), наивными любовниками, такъ ихъ ловко обманываетъ неисправимая кокетка, самое Венеру потѣшающая своими продѣлками. Къ злорадному хохоту Нимфъ „Simplices“, конечно, ни чуть не подходитъ, объяснять слѣдовательно этотъ эпитетъ: „ab omni fraude alienae“, значитъ пренебрегать совершенно содержаніемъ стихотворенія. Что касается до интерпретаціи: „Simplices, *sc.* munditiis, *ut* c. I. 5, 5“, то она близкая родственница знаменитому „lucus a non lucendo“, ибо ка́къ это Simplices можетъ означать „Simplices munditiis“ *потому именно*, что munditiis при немъ *не* стоитъ—того, разумѣется, никто не пойметъ, если не проникся предварительно духомъ приведенной этимологіи.

на ряду съ подобными разсказами (т. е. ежели бы достовѣрность ихъ онъ допускалъ) никоимъ образомъ не могли бы у него фигурировать примѣры того, какъ реальная *бренность* не служитъ препятствіемъ идеальной долговѣчности. Смыслъ, очевидно, требуетъ: „Трунить надъ римскими легендами, почтенный Аттикъ, ты бы могъ себѣ позволять, только отказавшись отъ однородныхъ греческихъ, только признавшись, что и въ твоихъ милыхъ Аѳинахъ и въ Дилѣ и всюду наконецъ публику водятъ за носъ“. Подразумѣвается, конечно, Квинтомъ (и въ этомъ весь аттицизмъ, вся ироническая сила словечка nisi), что Аттикъ, какъ умный и образованный человѣкъ, не видитъ вовсе нужды придираться къ миѳамъ и жертвовать цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ поэтическихъ представленій ради какого то дѣтски-варварскаго реализма, что онъ предпочитаетъ ограничиться внутреннимъ сознаніемъ ихъ фиктивности. И больше ничего Квинтъ отъ него не добивается, ибо самъ тоже допускаетъ здѣсь только иллюзію, а не истину. Повторяемъ, все это несомнѣнно стояло, хотя бы въ видѣ намека въ текстѣ: это естественное его содержаніе. Теперь спрашивается слѣдовательно, какъ бы возстановить соотвѣтственную редакцію. Намъ кажется, что Цицеронъ написалъ: „Dum Latinae loquentur litterae, quercus huic loco non derit, quae Mariana dicatur, eaque, ut ait Scaevola de fratris mei Mario, canescet saeclis innumerabilibus; nisi *fraude* Athenae tuae sempiternam in arce oleam tenere potuerunt aut, *quam* [1]) Homericus Vlixes Deli se proceram et teneram palmam vidisse dixit, *haud iam* monstrant eandem, multaque alia multis locis diutius commemoratione manent quam natura stare potuerunt“. Аргументъ Квинта разсчитанъ на то, что, услышавъ слова „fraude Athenae“..., Аттикъ почувствуетъ желаніе воскликнуть: «фи, къ чему эти рѣзкости!“ но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ будетъ воздержаться, понимая, что въ такомъ протестѣ лежало бы косвенное осужденіе подобныхъ же инсинуацій, только что сдѣланныхъ имъ самимъ относительно италійскихъ преданій. Иными словами логика Квинта

---

1) „Quam“, какъ было замѣчено выше, предлагалось уже раньше.—„Furto“ мы на мѣсто „forte“ не рекомендуемъ, ибо въ Цицероновской прозѣ оно въ смыслѣ „fraude“ стоять едва ли можетъ Еще у Веллея *2.63:* („M. Lepidus) pontifex maximus in C. Caesaris locum *furto creatus*“ не значитъ, что, при назначеніи будущаго тріумвира, истинный результатъ голосованія 17 трибъ былъ какъ нибудь искаженъ, а что соотвѣтственныя comitia pontificatus maximi *вовсе* не произошли, такъ какъ „подъ шумокъ“ событій Антоній возстановилъ (но не закономъ, какъ утверждаетъ Діонъ въ концѣ 44 книги!) первоначальную *cooptatio* первосвященника понтификальною коллегіею (Liv. ep. 117: *in confusione rerum ac tumultu* M. Lepidus pontificatum maximum *intercepit*).

обезоруживаетъ Аттика, далекаго, конечно, отъ всякаго радикализма. Съ другой стороны Цицеронъ, кольнувъ слегка своего собесѣдника, тотчасъ смягчаетъ тонъ и кончаетъ уже вполнѣ объективно фразу. Исказиться возстановленное „fraude“ и „haud iam“ могло тѣмъ легче, что въ немъ для умственнаго кругозора весьма многихъ никакой полемической мѣткости не заключалось и что настоящая deductio ad absurdum усматривалась въ насмѣшливомъ предположеніи суевѣрія въ Аттикѣ. Несовмѣстимость же такого пріема съ собственнымъ тезисомъ говорящаго и съ иоико-артистическимъ уровнемъ остальныхъ лицъ діалога совершенно выпускалась изъ виду.

VIII. стр. 109 (41), прим. Представляя анализъ Стаціевыхъ стиховъ *Silv. III. 5. 47 sqq.*, мы, кажется, поторопились принять на вѣру отождествленіе Эгіалы и Меливіи съ женами Діомида и Филоктита. Отсылаемъ интересующихся къ разсужденію Унгера въ „Conjectanea de Statii locis controversis“ стр. 157 и слѣд., причемъ однако заявляемъ, что его взгляда на „fabularum veterum fides et constantia“ вовсе не раздѣляемъ, и еще менѣе сочувствуемъ его критическимъ пріемамъ.

XIII. Хотя мы рядъ цитатъ на страницахъ 120, 121 и 122 (52—4) справедливо объявили не нуждающимся въ пополненія, но все же жалко, что въ списокъ этотъ не попали по крайней мѣрѣ такія прекрасныя параллельныя мѣста, какъ *Verg. Georg. I. 481 sqq.*: „Proruit insano *contorquens* vertice *silvas* Fluviorum rex Eridanus camposque per omnis Cum stabulis armenta trahit (отсюда заимствованъ упомянутый нами стихъ Лукана о р. По II. 49) и *Stat. Silv. IV. 3, 79 sq.*: Qui terras rapere et *rotare silvas* Assueram (говоритъ Вультурнъ), pudet! Amnis esse coepi“. Тутъ противополагаются amnis и torrens, причемъ отличительными признаками послѣдняго названы именно тѣ, которые мы помѣстили въ свою конъектуру. Вѣроятно, сюда же относится *Sen. H. O. 503 sqq.:* Forte per campos vagus Evenos altum gurgitem in pontum ferens Iam *paene summis turbidus silvis* erat“. Это мѣсто напрасно считается испорченнымъ. Деянира, чтобы дать понятіе о силѣ потока, говоритъ, что въ немъ уже можно было видѣть увлеченными „почти самыя высокія деревья“[1]), т. е. слѣдовательно деревья весьма почтенныхъ размѣровъ. Такую „приблизительную“ оцѣнку, на глазомѣръ, мы готовы признать плоскою, но эмендировать (вдобавокъ довольно слабо): „*Par* pane“ (Gronov., N. Heins.) не видимъ вовсе основанія.

Другое дѣло лирика; тамъ, пожалуй, подобныя выраженія могутъ казаться подозрительными. Не безъ причины напр., нѣкоторые ученые

1) „Silva“, какъ сплошь да рядомъ у поэтовъ, значитъ тутъ, разумѣется, дерево, а не лѣсъ. И такъ „Evenos-turbidus silvis“ совершенно сходно съ выраженіемъ „Turbidus-truncis-Druentia“ у Силія III. 468.

и съ этой точки зрѣнія недовѣрчиво отнеслись къ весьма страннымъ вообще строфамъ *Hor. c. IV. 14, 17—24:* „Spectandus in *certamine* martio, Devota morti pectora liberae Quantis fatigaret ruinis, *Indomitas prope* qualis undas Exercet Auster Pleiadum choro Scindente nubes, impiger hostium Vexare turmas et frementem Mittere equum medios per *ignes*". Мы оставимъ въ сторонѣ главный доводъ гиперкритиковъ противъ подлинности этихъ стиховъ, т. е. указаніе на неожиданность и даже неестественность новаго, асиндетически приставленнаго къ первому, сравненія того же Тиберія съ потокомъ (vv. 25—34: sic tauriformis volvitur Aufidus— Ut barbarorum Claudius agmina Ferrata vasto diruit impetu) и на происходящую оттого аномальность, что подвигамъ Друза удѣлено менѣе 5 строкъ, тогда какъ старшему его брату посвящено ихъ около 20. Упрекъ такой, относясь къ композиціи всей Оды, никакъ не можетъ считаться спеціально направленнымъ противъ ея пятой и шестой строфъ: съ одинаковымъ правомъ напр., Линкеръ выбрасывалъ седьмую, измѣнивъ въ слѣдующей *ut* на *sic* [1]). Гораздо справедливѣе, какъ намъ кажется, другія возраженія, сдѣланныя приведенному мѣсту, хотя, разумѣется, они касаются только частностей. Такъ „spectandus in certamine martio" есть стихъ безъ цезуры, такъ „indomitas" нелѣпый эпитетъ для волнъ, когда ихъ сравниваютъ съ побѣжденными [2]), такъ „prope" совершенно неприличное ограниченіе въ похвальномъ сравненіи [3]), такъ „ignes" неслыханный синонимъ слова acies [4]), такъ наконецъ самое „certamen martium"

[1]) Унгеръ пытается устранить всю трудность, читая въ 30 ст.: „Ut barbarorum Claudius agmina Ferrata vast*e* (cdd. vasto) diruit impetu*s* (cdd. impetu)", такъ чтобы „Claudius-impetus" относился къ *обоимъ* братьямъ: тогда на долю Друза получается 4 стиха, на долю Тиберія 11, въ честь того и другого объединяюще 8. Вмѣстѣ съ тѣмъ 7 и 8 строфы теперь перестаютъ быть неловкою кумуляціей. Примѣры, приведенные Унгеромъ въ защиту этой догадки, хороши.

[2]) Правильно Стацій *Theb. VII. 86:* „debellatasque reliquit Eurus aquas".

[3]) Въ доказательство законности слова „prope" при сравненіяхъ, Мейнеке ссылается на *Cato ap. Gell. N. A. XI. 2:* „vita humana prope uti ferrumst", а Л. Миллеръ на *Hor. S. II. 268 sq.:* „tempestatis prope ritu mobilia". Оба примѣра не убѣдительны: Горацій въ нашей одѣ *прославляетъ* Тиберія, и, какъ Лерсъ прекрасно замѣтилъ, ни у одного поэта не повернется языкъ, чтобы сказать о героѣ стихотворенія, что „онъ дрался *почти*, какъ лѣвъ".

[4]) Pugnae fervor, τὸ θερμὸν τῆς μάχης и т. д. не аналогіи, а глоссы. Вѣдь не сочтетъ же никто законнымъ выраженіе „mittere equum medias per *undas*", въ смыслѣ „per aciem", на томъ де основаніи, что Силій весьма удобопонятно сказалъ: „Scipio, qua *medius pugnae* vorat agmina *vertex*, Infert

болѣе, нежели лишне, являясь непосредственно за „grave proelium“. Если слѣдовательно и считать предположеніе объ интерполяціи въ данномъ случаѣ недостаточно мотивированнымъ, то все же нельзя не допустить, что преданіе наше тутъ значительно испорчено. И допускаемъ то мы это, признаемся, весьма нехотя: когда приходится эмендировать такъ много, у критика, незамѣтно для него самого, изчезаетъ научная почва подъ ногами, и онъ почти всегда преступаетъ границы вѣроятнаго. Сообщаемъ мы такимъ образомъ то, что намъ приходило въ голову на счетъ первоначальнаго состоянія даннаго текста, лишь въ силу принципа, что каждый труженикъ обязанъ посильно способствовать выясненію спорныхъ вопросовъ, не боясь неудачъ. Наша конъектура наведетъ, можетъ быть, другого на лучшую или послужитъ къ окончательному доказательству неизлѣчимости мѣста: въ обоихъ случаяхъ (мы взяли самые нелестные для насъ) безполезною она не будетъ. Затѣмъ, missis ambagibus, вотъ какъ намъ представляется подлинная редакція разбираемыхъ строфъ:

Spectandus, in*sta*r *fl*amin*is* A*f*r*i*ci
Devota morti pectora liberae
Quantis fatigaret ruinis:
20 Indomit*us* *freta* qualis *im*a

Exercet Auster Pleiadum choro
Scindente nubes, impiger hostium
Vexare turmas et frementem
Mittere equum medios per *e*nses!

„Indomitus“ и „enses“ принадлежитъ Бентли. Первое слово стоитъ и въ Цюрихскомъ Carolinus 6 (X в.), но не въ т. н. настоящей его части. Запятую послѣ spectandus поставилъ уже Iani, остальныя измѣненія въ знакахъ препинанія (двоеточіе послѣ ruinis и восклицательный знакъ въ концѣ слѣдующей строфы) мы сдѣлали, чтобы яснѣе обозначить контуры главной мысли. Сперва *вообще* сравнивается Тиберій съ бурнымъ вѣтромъ, а затѣмъ поэтъ развиваетъ подробно свою метафору: „дѣйствительно (дополнять можно *namque*) подобно тому, какъ буря съ *неукротимою* силой волнуетъ море до самой *глубины*, такимъ же образомъ Тиберій *неудержимъ* въ своемъ натискѣ и безстрашно врѣзается въ самые *густые* ряды непріятеля“. Тутъ все, кажется, сносно. Въ стилистическомъ отношеніи не

---

cornipedem“ (IV. 230). Такъ зачѣмъ же ссылаться на „incendia belli“ въ защиту простого „ignes“? Другое дѣло Гомеровское ἐν δαῒ λυγρῇ, но то и важно, что оно стоитъ особнякомъ.

дурна даже симметрія обоихъ членовъ сравненія въ выраженіяхъ: indomitus—impiger, ima—medias. Затѣмъ „flaminis Africi“ сказано, какъ c. I. 25. 11 sq.: „Thracio-vento“. „Africus“ очень часто существительное, но съ другой стороны мы у самого Горація (c. III. 29. 57.) имѣемъ: „si mugiat *Africis* malus *procellis*“ (cf. Cir. 479 sq.: „Cumba velut, magnas sequitur cum parvula classes, *Afer* et hiberno bacchatur in aequore *turbo*“). А что одинъ и тотъ-же южный вѣтеръ названъ сперва περιφραστιχῶς „Африканскимъ“, а потомъ точнѣе, собственнымъ своимъ именемъ, это смущать не должно: мы вѣдь замѣтили уже, что стихи 20—24 не что иное, какъ болѣе детальное описаніе на ту самую тему, которая въ общихъ выраженіяхъ намѣчена въ ст. 17—19 [1]). Остальное въ объясненіяхъ не нуждается. Къ „freta-ima exercet Auster“ можно подобрать несмѣтное количество примѣровъ [2]). Мы приведемъ только одинъ, заклю-

---

[1]) Мы предпочитаемъ оправдываться указаніемъ на спеціальныя условія даннаго мѣста, не считая убѣдительными ссылки на такіе тексты, какъ Hor. c. III. 25. 19 sq. или *Hor. c. IV. 8, 22 sqq.*: „Quid foret Iliae Mavortisque puer, si taciturnitas Obstaret meritis invida Romuli“? Въ послѣднемъ случаѣ неловкость выраженія дѣйствительно поразительна. Gotfr. Hermann предлагалъ, вмѣсто „Romuli“, читать: „invida *praemiis*“, Пеерлкампъ дѣлалъ разныя купюры, вообще ученые стремились всячески освободиться отъ неудобной конструкціи. Только одного до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, никто не замѣтилъ, а именно, что безо всякаго насилья получается безукоризненный текстъ, если измѣнить немного интерпункцію. Горацій, безъ сомнѣнія, написалъ: „neque, Si chartae sileant quod bene feceris, Mercedem tuleris. *Quid?* foret Iliae Mavortisque puer, si taciturnitas obstaret meritis invida Romuli“? Т. е.: „Развѣ бы существовало повѣріе о рожденномъ Реей отъ Марса сынѣ, еслибы не нашлось охотниковъ прославлять подвиги Ромула“? Горацій утверждаетъ, что *миѳъ о божественномъ происхожденіи* Ромула никогда бы не составился, безъ участія поэтовъ, историковъ и т. д. А, при такой постановкѣ вопроса, онъ совершенно правъ, *противополагая* другъ другу термины „Romulus“ и „Mavortis puer“. Вульгата же невозможна. „Чѣмъ былъ бы *сынъ Филиппа*, еслибы Аристотель не былъ воспитателемъ *Александра*“? Читая подобныя фразы, невольно даже спрашиваешь себя, не два-ли различныхъ лица сынъ Филиппа и Александръ!

[2]) Cf. *Interpp. ad Verg. Aen. I, 88:* „Incubuere mari totumque a sedibus imis Una Eurusque Notusque ruunt“. *Markl. ad Lucan. V. 456 sq.:* „imaque sensim Concussit pelagi movitque Ceraunia nautis“ (*Epist. crit. p. 49 sqq.*). Тутъ, впрочемъ, *nautis*, очевидно, вытѣснило подлежащее, которымъ могъ только быть какой нибудь *вѣтеръ*. Дополнять „солнце“ изъ предидущаго немыслимо: Мерклендъ прекрасно замѣтилъ „*soli* nihil esse cum *fundo maris*, quem radii eius non possunt *attingere*, nedum *concutere*“. Мы, со своей стороны, подтвердимъ это литературнымъ доказательствомъ, которое, впрочемъ, почер-

чающій въ себѣ то-же, что у Горація, сравненіе римскаго полководца съ ураганомъ, именно *Sil. It. IV. 243 sqq.:* „Perfurit Ausonius turbata per aequora ductor (т. е. Сципіонъ отецъ при Тицинѣ), Ceu Geticus Boreas, totum cum sustulit imo Icarium fundo victor mare: navita vasto Iactatur sparsus lacerata classe profundo"... Въ заключеніе замѣтимъ, что редакція Унгера: „Spectandus in *discrimine* Martio—*Sithoniam* prope qualis undas Exercet Auster" не годится во многихъ отношеніяхъ, между проч., потому, что цезура въ такихъ composita, какъ de-torquet, ex-ercitus и т. п. все таки только прекарна, а „Sithonia" въ значеніи существительнаго не употребительно.

Тамъ-же, стр. 123 (55), прим. Относительно несчастнаго стиха *Stat. Silv. I. 3, 21:* „Ipse Anien (miranda fides) infraque superque *Saxeus*, hic tumidam rabiem *spumosaque* ponit *Murmura*" еще одна комбинація заслуживаетъ, кажется, вниманія. Надобно вспомнить, что *Theb. IV, 800 sqq.* Стацій сказалъ: „iamque amne propinquo Rauca sonat valles *saxosumque* impulit aures *Murmur*" и что одинаковый способъ выраженія мы неоднократно находимъ у Вергилія: *Georg. IV, 370* saxosumque sonans Hypanis. *Aen. VII, 567* dat sonitum saxis et torto vertice torrens (cf. Georg. III, 239. Aen. I, 200. III, 555 sq. V, 169, 866. VI, 551. XI, 297 sqq.), тоже у Силія I, 261. IV. 656 sq. IX, 285 etc (по образцу Гомера Od. XII. 59. 238 sqq.). Съ другой стороны „spumosa murmura" даже невѣрно въ сущности, ибо оглушительный шумъ потока вовсе не „отъ пѣны" происходитъ (У Немезіана *Cyneg. 276* Бореа представленъ „super fluctus *spumanti murmure* fervens", но тамъ этому клокотанію противополагается именно завываніе вѣтра двумя строками выше: „Stridentique sono vastas exterruit undas"). Такъ не переставить-ли оба тер-

---

паемъ не изъ области античной поэзіи, а изъ новаго писателя. Одно небольшое, но прелестное стихотвореніе A. de Musset начинается такъ: „Ulric, nul oeil des mers n'a mesuré l'abîme, Ni les hérons plongeurs, ni les vieux matelots. *Le soleil vient briser ses rayons sur leur cime, Comme un soldat vaincu brise ses javelots.* Ainsi nul oeil, Ulric, n'a pénétré les ondes De tes douleurs sans borne"... и т. д. Тонкости Вебера, при защитѣ преданія, въ данномъ мѣстѣ Лукана [„dies et tempus facere dicuntur quae die et tempore fiunt"], опровергаются предидущими стихами, въ которыхъ сказано, что испуганныя штилемъ войска Цезаря молились о *бурѣ* [451 sq.: fluctus nimiasque precari *Ventorum* vires]: день и ночь тутъ на послѣднемъ планѣ. Мерклендъ эмендировалъ „movitque Ceraunia *flatus*". Лучше, какъ намъ кажется, было бы: „movitque Ceraunia *Caurus*". Направленіе Кора приблизительно одно и тоже, что Іапига (Favorinus ap. A. Gell. II. 22), послѣдній же считается самымъ попутнымъ для отправляющихся изъ Италіи въ Грецію (Hor. c. I. 3, 4).

мина, или, лучше сказать, ихъ коренныя созвучія „sax“ и „spum“ слѣдующимъ образомъ: „Infraque superque *Spumeus*, hic tumidam rabiem *saxosaque* ponit Murmura“? Теперь все на своемъ мѣстѣ: не только „saxeus“ благополучно устранено, но и rabies правильно отнесена къ „spumeus“. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни одна буква преданія не измѣнена. „Пѣнистымъ“ Аніо названъ и у Проперція V. 7, 81: „Pomosis Anio qua spumifer incubat arvis“ и у Овидія Am. III. 6, 45: „per cava saxa volutans Tiburis Argei Spumifer arva rigas“. „Spumeus amnis“ имѣется у Верг. Aen. II. 496 и вообще нерѣдко.

XVII. стр. 131 (63), прим. 1. Изъ *M. Haupt. Opusc. III. 132* [1]) мы съ радостью узнали, что часть предложенной нами къ *Stat. Silv. II. 6, 28* поправки была уже сдѣлана такимъ авторитетнымъ критикомъ, какъ *Шрадеръ.* Онъ читалъ: „*Rupibus* (cdd. Rusticus) invitas deiecit in aequora pinus“. Съ перваго взгляда ясно однако, что голыми этихъ утесовъ въ стихѣ оставить нельзя: поэтическая дикція настоятельно требуетъ для нихъ эпитета, а непонятное „invitas“ безъ того такъ и просится вонъ изъ этого мѣста. Такимъ образомъ самою вѣроятною мы продолжаемъ считать редакцію „Rupibus Idaeis“.

Вотъ главное, что мы имѣли сказать въ пополненіе предидущей статьи. Теперь мы перейдемъ къ анализу еще нѣсколькихъ текстовъ, тоже не лишенныхъ поучительности, при оцѣнкѣ рукописнаго преданія Горація. Назвавъ ихъ „*трудными* мѣстами“ въ заглавіи, мы отнюдь не хотѣли взывать напередъ къ снисхожденію читателей: намъ и безъ того извѣстно, что настоящіе знатоки дѣла весьма гуманно смотрятъ на чужія работы въ этой области, ибо лучше другихъ понимаютъ: „dass auf keinem Gebiete mehr, als auf dem der divinatorischen Texteskritik ein unberechenbarer Wechsel von glücklichen Eingebungen, die niemand commandiren kann, und unvermeidlichen Fehlgriffen das Allen gemeinsame Menschenloos ist“ [2]). Признавшись сразу слѣдовательно въ нелегкости задачи, за которую мы принялись, мы только желали выразить: „qu'en matière si obscure, какъ замѣтилъ одинъ французскій ученый, il faut douter de son scepticisme, autant même que des choses auxquelles on l'applique“ [3]).

---

[1]) Въ соотвѣтственной книгѣ „Hermes'a“ мы это просмотрѣли.

[2]) Слова Ричля въ той статьѣ, которую справедливо назвали его филологическимъ завѣщаніемъ (Opusc. III. 171).

[3]) Villemain (la République de Cicéron, p. 151), разумѣвшій, впрочемъ историческую критику.

XXI [1]).

C. I. 1, 3—14: Sunt quos curriculo pulverem Olympicum Collegisse *iuvat*, metaque fervidis Evitata rotis palmaque nobilis Terrarum dominos *evehit* ad deos; *Hunc* si nobilium turba Quiritium Certat tergeminis tollere honoribus; *Illum*, si proprio condidit horreo, (10) Quicquid de Libycis verritur areis. Gaudentem patrios findere sarculo Agros Attalicis condicionibus Numquam *demoveas*, ut trabe Cypria Myrtoum pavidus nauta secet mare.

„Omnes iam a literis renatis de impedita hic et salebrosa oratione questi sunt", говоритъ Бентли въ самомъ началѣ своего комментарія. Какъ кажется, теперь наконецъ перестали жаловаться. Не то, чтобы не сознавали справедливости самого замѣчанія [2]). Нѣтъ, только помочь горю не

---

[1]) Новой нумераціи параграфовъ мы не начинаемъ, чтобы упростить ссылки.

[2]) Оно невозможно, въ чемъ легко убѣдиться, при чтеніи объективнаго, лучше всего *буквальнаго* перевода. Для уясненія многочисленныхъ удобствъ подобнаго критерія, предлагаемъ слѣдующій образчикъ: „Есть (люди), которыхъ, тележкою пыль Олимпійскую когда набрали, тѣшитъ: и столбъ, раскалившимися незадѣтый колесами, и пальма прославленная земель властелиновъ возноситъ до боговъ; этого, если измѣнчивая толпа Квиритовъ споритъ троекратными поднять почестями; того, если въ неотъемлемый запряталъ амбаръ все, что изъ ливійскихъ ни выметается гуменъ; радующагося отцовскія бороздить полотикомъ поля Атталовыми условіями никогда не сдвинешь (съ мѣста), чтобы онъ бревномъ Кипрскимъ Миртойское, трусливымъ (ставъ) пловцемъ, разсѣкалъ море". Интерполировать своими комментаріями столь точно переданные тексты довольно мудрено. Въ данномъ случаѣ напр. изъ структуры рѣчи ясно, что „metaque *quos*" дополнять нѣтъ никакой надобности, и что „terrarum dominos" совершенно справедливо нѣкоторые относили не къ deos, а къ самимъ спортсменамъ. И вѣдь не одно словорасположеніе наводитъ на такое толкованіе: для боговъ безспорно „владыки *вселенной*" или по крайней мѣрѣ *eri caelestes* (Catull. 68 *b*. 36) было бы болѣе подходящимъ опредѣленіемъ, нежели двусмысленное terr. dom. (единственная аналогія, которую удалось привести въ пользу обыкновеннаго объясненія, именно Ovid. Pont. I. 9. 36, сюда не относится, ибо тамъ terrarum поставлено въ параллель къ предшествовавшему penetralia), а ἱπποτροφοῦντες естественно должны быть богачами. Конъектуру Пеерлкампа „impavidus nauta" теперь тоже оцѣнить можно по достоинству: превратить поселянина въ *боязливаго* моряка право же не фокусъ; съ другой стороны, характеризуя разные роды жизни въ ихъ наиболѣе типическомъ видѣ, Горацій не имѣлъ причины искажать обычный эпитетъ мореплавателей; наконецъ слово „безстрашный" возстановляетъ полную симметрію въ терминахъ сравненія (gaudentem-impavidus, findere-secet, sarculo-trabe, agros-mare), и та

удалось до сихъ поръ: ни конъектуры, ни перестановки стиховъ, ни предположенія о лакунѣ или даже объ интерполяціи успѣха не имѣли. Такъ и остались при старомъ текстѣ, рѣшивъ возвести одно какое нибудь объясненіе его т. ск. въ оффиціальное и повторять его постоянно.

Объясненіе это состоитъ, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ: къ *hunc* въ 7 ст. и затѣмъ къ *illum* въ 9 дополнять де слѣдуетъ не безличное *evehit* изъ 6 и не *demoveas* изъ 13 ст. (ибо то и другое ведетъ къ логическимъ несообразностямъ), а *iuvat* изъ 4-го. Подобное salto mortale гла-

---

кимъ образомъ антитеза получается поистинѣ эффектная: ковырять съ увлеченіемъ у себя въ огородѣ и отважно прорѣзать волны морскія на утломъ челнѣ, вотъ это контрасты, вполнѣ соотвѣтствующіе обороту „numquam demoveas". Но если приведенную догадку Пеерлкампа мы считаемъ прекрасною [т. е. по концепціи ея; самое чтеніе, конечно, легче оспаривать: варіантъ *trabibus* Бернскаго кодекса наводитъ скорѣе на *rabidus* cf. Hor. c. III. 16, 16 и т. д.], то совсѣмъ не понимаемъ, какъ онъ могъ выбрасывать стихи 3—5 и 9—10 ради устраненія одного формальнаго недостатка. Живость и сжатость въ описаніи Олимпійскихъ ристаній (схвачено 3 момента: pulvis, meta, palma) особенно дѣйствуютъ на читателя въ виду юмора, которымъ проникнута строфа: „Вотъ, говоритъ Гор., какіе бываютъ идеалы у праздныхъ магнатовъ: наглотаются пыли и мнятъ себя богами"! Что, вмѣсто дававшагося Олимпіоникамъ κότινος, упомянутъ φοῖνιξ, даже по существу дѣла вовсе не ошибочно; кромѣ того множествомъ аналогическихъ мѣстъ изъ Горація же и другихъ римскихъ писателей легко отстоять здѣсь пальму, фигуральное значеніе которой вліяло наконецъ неизбѣжно на поэта. Что касается придирокъ П. къ изображенію алчнаго плантатора, то опровергаются онѣ еще проще: „proprio" употреблено не „по безграмотности въ смыслѣ suo", а съ насмѣшкой (cf. Epl. II. 2. 171 sq.: tamquam sit proprium quicquam!), какъ и horreo (вмѣсто horreis), какъ verritur, которое потому именно и выбрано, что verbum vile; страстное желаніе крупнаго землевладѣльца напихать въ кровное т. ск. свое амбарище весь соръ Африки, разумѣется, комично въ глазахъ поэта. Кстати напомнимъ, что, и помимо своего плодородія, Африка тутъ не даромъ названа. У Плинія (N. H. XVIII. 7), послѣ знаменитой фразы „Verum confitentibus latifundia perdidere Italiam, iam vero et provincias", стоитъ вѣдь въ видѣ доказательства: „*Sex domini semissem Africae possidebant*, cum eos interfecit Nero". Подобное положеніе дѣлъ создалось, конечно, не сразу, и зачатки его существовали, вѣроятно, уже въ эпоху Августа. Еще при Домиціанѣ, впрочемъ, несмотря слѣдовательно на экзекуціи Нерона, Императорскій фискъ, владѣвшій другою половиной области, велъ часто процессы съ тамошними помѣщиками (cf. Frontin. de contov. agror. p. 53 ed. Lachm.). Напрасно большинство комментаторовъ не приводитъ подобныхъ разъясненій; благодаря имъ нерѣдко стихи Горація сразу выходятъ изъ области риторики и оказываются непосредственно относившимися къ дѣйствительности.

гола черезъ голову распространеннаго предложенія, конечно, невиданное дѣло [1]), но, вооружившись нѣкоторою смѣлостью, можно де утверждать, что оно не лишено даже извѣстной граціи [2]).

Въ значительной степени побѣдѣ рутины несомнѣнно способствовала громадная популярность стихотворенія. Это *первая* ода Горація, всѣ ее знаютъ наизусть и привыкли къ ея условной интерпретаціи. Мѣнять слѣдовательно что нибудь въ ней кажется сильною дерзостью [3]). Но есть и другая причина, болѣе научная, останавливавшая повидимому нѣкоторыхъ издателей отъ чистосердечнаго признанія испорченности мѣста, а именно явная ... какъ бы сказать, не неудовлетворительность (она бы

---

[1]) Сравнивать стиль Проперція съ Гораціевымъ уже само по себѣ признакъ отчаянія, но и у перваго IV. 3 L. M., кажется, только изъ уваженія къ Лахманну не переставляютъ съ Кейлемъ двустишія Tela-duces (17—18) послѣ equos (14), какъ оно явно требуется не одною формой, а смысломъ, ибо tela, arcus, вообще arma и duces относятся еще къ осязаемымъ споліямъ и трофеямъ, тогда какъ oppida capta зритель лишь вычитываетъ, покончивъ съ бросавшимся сразу въ глаза. Герцбергъ (ad Prop. l. l.) увѣряетъ, впрочемъ, что чѣмъ ужаснѣе hyperbaton, тѣмъ рельефнѣе въ немъ проявляется „impressum divinitus ingenii sigillum“.

[2]) Мы ничуть не каррикируемъ. Возьмите напр., глубоко продуманныя слова Бентли: „numquam ullis machinis efficies, ut τὸ *iuvat* per sententiae istius intervallum ad *hunc* usque rite transduci possit“ и сравните это энергическое заявленіе со слѣдующими варіаціями Мичерлиха на тему *нельзя не признаться, но должно сознаться:* „Structuram hanc.... paulo duriorem esse etsi non negem, neque tamen ideo in carmine eoque lyrico reprehendam“. И однако не съумѣлъ привести ни одной цитаты въ подтвержденіе того, что римскіе лирики дѣйствительно считали себя въ правѣ говорить такимъ образомъ! Еще досаднѣе, когда такой человѣкъ, какъ Готфридъ Германнъ, желая спасти казенную формулу, на одной и той же страницѣ впадаетъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собой. Opusc. VIII. 399 мы у него находимъ: „Negari tamen non potest *non immerito* viros doctos verbum *desiderasse*.... Refutarunt Bentleium (т. е. его конъектуру „evehere“) alii *nec* profecto *opus erat* ista *correctione*“. Просто не вѣришь своимъ глазамъ, читая подобныя вещи! Но у Германна слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, мотивировка, только, разумѣется, неизбѣжно плачевная: „quia, quum *evehit ad deos* tantum amplificando isti *iuvat* additum sit, nihil impedit (!), quin quae in utroque verbo (точно „evehit ad deos“ простой глаголъ!) notio (!!) inest, etiam ad sequentia referatur“. Хорошую бы можно грамматику составить изъ такихъ правилъ!

[3]) cf. *Iani. ad h. l.:* „Statim in scriptoris principio, quod fere memoria teneri solet, sic errasse omnes librarios, *durum* sit statuere“. И вѣдь такой вздоръ отъ частаго повторенія пріобрѣтаетъ наконецъ авторитетъ аргумента!

только подстрекнула къ новымъ попыткамъ), а незаконность предлагавшихся до послѣдняго времени эмендацій. И Бентли (v. 6 *evehere*), и Withof (v. 5 *si vitata*), и Oudendorp (v. 6 *si evehit*) и Hamacher (v. 6 *quae evehit*) исправляли то, что вовсе въ исправленіи не нуждалось. Всѣ они подступали къ *первой* строфѣ [1]), побужденные мотивами внѣшними, касающимися исключительно *второй* строфы. Тутъ была принципіальная ошибка. Ее-то, быть можетъ, нѣкоторые консерваторы и сознавали, но даже не вполнѣ, иначе, конечно, результаты ея не поражали бы ихъ уже своею нецѣлесообразностью: лишенныя *основанія* конъектуры не *могли* не *ухудшать* текста!

Стало быть, если мы желаемъ съ лучшимъ успѣхомъ возстановить подлинникъ, то прежде всего должны измѣнить постановку вопроса. Не надъ безукоризненною первою строфой намъ слѣдуетъ упражняться, а дать критическій анализъ именно тѣхъ стиховъ, безпомощное состояніе которыхъ и вызвало всѣ подозрѣнія въ искаженіи оригинала: разъ мы этимъ путемъ доберемся до какихъ нибудь опредѣленныхъ выводовъ, тогда у насъ будетъ надежный фундаментъ для эмендаціи.

Согласно съ указаннымъ взглядомъ, мы начнемъ съ того, что констатируемъ почти всѣми, впрочемъ, издателями подмѣченную уже, но лишь вскользь обыкновенно упоминавшуюся затруднительность выраженія: „certat tollere honoribus". Какой падежъ „honoribus"? Дательный-ли въ смыслѣ *in*, *ad* съ Винительнымъ (это мнѣніе Мичерлиха, Гёринга, Любкера и др.)? Или Творительный, какъ при *efferre*, *ornare* (такъ Геснеръ, Орелли, Эйхстедтъ и т. д.)? Чему бы мы ни отдали предпочтеніе, останутся всегда крупныя неудобства отъ того, что конструкція осложнена словомъ certat. Можно ли вообще соединять какой нибудь ясный смыслъ съ выраженіемъ: „certat tergeminis tollere honoribus"? Развѣ комиціи назначали одно и то же лицо *заразъ* на *всѣ* курульныя должности?! Да и чѣмъ наслаждается честолюбецъ? Тѣмъ, что его *избираютъ*, конечно, и притомъ особенно, если его *единодушно* избираютъ, а отнюдь не тѣмъ, что выборъ

---

[1]) Мы счетъ строфамъ ведемъ съ 3-го стиха, а въ двухъ первыхъ и двухъ послѣднихъ строкахъ, разрушающихъ всю ихъ симметрію и путающихъ ходъ мысли, видимъ позднѣйшую, притомъ случайную прибавку Горація, который ее, вѣроятно, вовсе для публики не предназначалъ: издатели, на совѣсти которыхъ лежитъ подобная неудачная спивка, оказали поистинѣ медвѣжью услугу поэту! На разборѣ конца оды мы, впрочемъ, тутъ не останавливаемся. Замѣтимъ лишь, что предложенная недавно г. Мессомъ (Ж. М. Н. Пр. Мартъ 1879, стр. 87—94) перестановка полустишій „dis miscent superis" (v. 30) и „secernunt populo" (v. 32) уже потому неудобна, что Нимфы и Сатиры къ высшимъ богамъ никакъ причисляться не могутъ.

его *оспариваютъ*. Это не придирка, а весьма серіозное возраженіе. Мы прекрасно знаемъ, что обыкновенное толкованіе приглашаетъ читателя смутно представлять себѣ нѣчто, вродѣ: „наперерывъ стремятся голосовать за него", но на отрѣзъ отказываемся понимать такимъ образомъ текстъ. Пересмотрите всѣ сохранившіеся случаи разумѣемаго тутъ употребленія словъ certare, certatim, и вы найдете, что рѣчь въ нихъ идетъ всегда о дѣйствительномъ состязаніи, о соревнованіи: каждый хочетъ напр., лучше или раньше другого совершить что нибудь. Здѣсь же ничего подобнаго нѣтъ и не можетъ быть: время и способъ избранія были опредѣлены закономъ, а само по себѣ suffragium одного гражданина ничѣмъ отъ suffragium другого не отличалось. „Certamen" безспорно происходило при выборахъ, но между *враждебными* партіями, а не *среди каждой* въ отдѣльности, ибо состязаться въ *единогласіи* столь же невозможно, какъ бѣгать лёжа [1]).

---

[1]) „Concordia discors" и т. п. сюда вовсе не относится. Но и такія мѣста не однородны, какъ Verg. Aen. III. 290: „certatim socii feriunt mare et aequora verrunt", 668: „verrimus et proni certantibus aequora remis" и т. д. Гребцы *различныхъ кораблей* дѣйствительно въ нѣкоторомъ родѣ состязаются между собой. А что именно такъ нужно понимать эти формулы, видно изъ аналогическаго оборота *Aen. V. 114 sq.:* „Prima pares ineunt gravibus certamina remis Quattuor-carinae", гдѣ несомнѣнно же дѣло идетъ о гонкѣ судовъ. Въ 197 ст. той-же 5 п.: „Olli certamine summo Procumbunt" относится, разумѣется, къ матросамъ одной Pristis, но изо всего контекста явствуетъ, что бороться не другъ съ другомъ ихъ приглашаетъ Мнисѳей, а съ товарищами Сергеста. Вообще въ классической латыни certamen никогда не однозначаще простому ardor, studium. Если хоръ станетъ certatim пѣть, то выйдетъ, пожалуй, усердно, но навѣрное и фальшиво. Можно „кричать наперерывъ *да, хорошо, согласны*", ибо тутъ именно проявляется разногласіе формы, при единствѣ мысли; можно слѣдовательно написать: „certant laudare" (Stat. Theb. 2. 26 sq.) [другое дѣло „certatim *ruit* (vulgus) *feliciter* succlamans" Phaedr. V. 1. 3 sq.], но тысячи разъ встрѣчающіяся у римскихъ историковъ выраженія: certamina ordinum, animorum de lege, de consulibus; contentio honorum и т. д. право же не годится понимать въ томъ смыслѣ, который приписывается разбираемымъ стихамъ первой оды! [cf. Liv. 25, 5: comitia inde pontifici maximo creando sunt habita... *tres* ingenti *certamine* petiere.] Еслибы Горацій сказалъ, что *димагоги* на перерывъ предлагаютъ народу въ честь властолюбца законы (вродѣ рогацій трибуновъ Манлія, Аппулея и Сюльпиція или консула Цинны въ пользу Марія, вродѣ leges Gabinia, Manilia и Trebonia въ честь Помпея), то это мы бы сочли за простую гиперболу и ничего въ томъ удивительнаго не нашли бы: но „*turba* Quiritium" законодательной иниціативы не имѣла. И повторяемъ, когда *она* слишкомъ *certat* въ избирательную эпоху, то кончается иногда даже весьма трагически, ибо кандидатъ дѣйствительно tollitur, но только не *honoribus*, а

Но еслибъ даже оно было возможно, то Горацій все таки никогда бы этого не сказалъ, такъ какъ сбивалъ бы тѣмъ намѣренно съ толку читающихъ, которые должны естественно думать о *пораженіи* кандидата въ комиціяхъ[1]). Но, возразятъ намъ, это, пожалуй, и желалъ поэтъ выразить, и не кроется ли тутъ ироніи? Нѣтъ, отвѣтимъ мы, суетность, шаткость успѣховъ честолюбца прекрасно обозначена уже эпитетомъ mobilium, а все остальное только путаетъ смыслъ. Представьте себѣ, что *Epl. I. 19, 37*, вмѣсто: „non ego ventosae plebis suffragia venor", Горацій бы написалъ: „non ego ventosae plebis *certantia suffragia* venor". Развѣ это бы намъ было понятно?

И такъ къ сомнѣніямъ относительно висящихъ на воздухѣ словъ *hunc*, *illum* присоединились новыя на счетъ безусловно неумѣстнаго тутъ глагола *certat* (вмѣсто котораго, кстати сказать, ожидается *certavit*, по аналогіи съ *collegisse* и *condidit!*) и тѣсно съ нимъ связаннаго глагола *tollere* съ его загадочною конструкціею. Задача критики теперь слѣдовательно точно формулировалась: исправленіе *этихъ* словъ должно *вмѣстѣ съ тѣмъ* устранить ту „incerta et perturbata constructionis ratio", которая такъ долго, какъ говоритъ Пеерлкампъ, „interpretes unice torsit".

Намъ кажется, что, признавъ основательность такой задачи, можно допустить и предположеніе о большей, сравнительно съ вульгатой, близости слѣдующей редакціи къ первоначальному тексту:

Sunt quos curriculo pulverem Olympicum
Collegisse iuvat, metaque fervidis
5. Evitata rotis palmaque nobilis
Terrarum dominos evehit ad deos.

Hu*ic* *est* mobilium turba Quiritium
C*or*d*i* tergeminis *ub*er honoribus,
Ill*i*, si proprio condidit horreo
10. Quicquid de Libycis verritur areis.

---

de medio, чему не трудно подискать доказательства въ лѣтописяхъ республики.—Еще поставимъ скромный вопросъ, чтобы покончить съ certare у Горація: не понимать-ли S. I. 5, 19 sq.: „nauta atque viator certatim" объ *одномъ и томъ же лицѣ*? Вѣдь несомнѣнно же все мѣсто вслѣдствіе того становится *яснымъ*, тогда какъ теперь его *никто* не понимаетъ Затѣмъ и *комизмъ* оттого значительно выигрываетъ: „когда бурлака стало сильно клонить ко сну, то барочникъ привязалъ лошака и принялся храпѣть".

[1]) Еслибы Горація хотѣлъ сказать, что громаднымъ большинствомъ голосовъ, что единогласно быть избрану пріятно, онъ бы написалъ нѣчто въ смыслѣ: hunc si „*ingenti consensu* populus Romanus" (Liv. I, 35) extollit honoribus.

Gaudentem patrios findere [illegible]do
Agros Attalicis condicionibus
Numquam demoveas, ut trabe Cypria
14. Myrtoum rabidus nauta secet mare.

Основной мотивъ оды: „одному *пріятно* то, другому иное", и въ большомъ умѣніи разнообразить это положеніе отказать поэту никакъ нельзя. Такъ во первыхъ у него чередуются выраженія: iuvat, evehit ad deos, gaudentem, numquam demoveas, laudat, non spernit; такъ во вторыхъ встрѣчаются рельефные обороты: mox reficit rates, manet sub Iove frigido. Только v. 23 Горацій опять прибѣгаетъ къ iuvat [1]). Но если одинъ жалкій педантизмъ станетъ возставать противъ повторенія слова на разстояніи 19 стиховъ и сочтетъ себя въ правѣ измѣнять на этомъ основаніи рукописное преданіе (читая напр. „multos castra *beant*"), то достаточно элементарнаго пониманія требованій стилистики, чтобы смутиться странности писателя, рискующаго невыносимое ὑπέρβατον, такъ какъ не находитъ самаго обыкновеннаго синонима.

Что касается до конструкціи: „huic est cordi turba, illi (est cordi), si condidit", то она совершенно аналогична часто цитованнымъ *Hor. c. IV. 1, 21:* „Me nec *femina*—nec *spes*—nec *certare* iuvat mero", *Iuven. XI, 199:* „Spectent iuvenes, quos *clamor* et audax *sponsio*, quos cultae *decet assedisse* puellae" и т. п. Затѣмъ „turba *uber* honoribus" сказано, какъ *Hor. c. III. 6, 17:* „*fecunda* culpae saecula" [2]), *Verg. Aen. IV. 229 sq.:* „*gravidam* imperiis—Italiam" [3]) и пр. Такимъ же образомъ въ переносномъ смыслѣ употребляются *creare*, *generosus*, *parens* и т. п., не говоря уже о *pario* (letum, curas etc): особенно вѣдь *famam*, *laudem*, *gloriam parere* ходячія выраженія; у самого Горація (c. II. 1, 16) мы имѣемъ: „cui *laurus* aeternos *honores* Delmatico *peperit* triumpho". И такъ формально все, при нашемъ чтеніи, обстоитъ благополучно [4]); по смыслу же

[1]) „Dis miscent superis" (v. 30) намѣренная параллель къ „evehit ad deos" (v. 6): не понимаемъ, какъ это можно оспаривать.

[2]) cf. *Lucan. I, 165 sq.:* „fecunda virorum paupertas", *Sil. It. II. 489*: „fecundum in fraudes hominum genus".

[3]) cf. *Hor. c. I. 22, 3. Sil. It. XIII. 542 sq.:* „noxâ gravido—populo".

[4]) Не приводя здѣсь дальнѣйшихъ примѣровъ, мы лучше разсмотримъ одно спорное мѣсто Горація, какъ намъ кажется, тоже сюда относящееся. *C I, 31* такъ начинается: „Quid dedicatum poscit Apollinem Vates? quid orat de patera novum Fundens liquorem? non opimae Sardiniae segetes feracis, Non aestuosae grata Calabriae Armenta, non aurum aut ebur Indicum, Non rura quae Liris quieta Mordet aqua taciturnus amnis". Тутъ прежде всего слѣдуетъ вернуться къ единственно правильному варіанту: „opimas Sardiniae segetes feracis" (его

послѣднее прекрасно подходитъ. Именно, какъ неизсякаемый источникъ

приняли, а частью гипотетично на него были наведены: оба Стефана, Гейнзій, Tanaquil Faber, Dacier, Baxter, Бурманнъ, Мерклендъ, Удендорнъ, Санадонъ, Яни, Пеерлкампъ). Вульгату защищаютъ тѣмъ, что „seges dicitur ea pars agri, quae arata et consita est“ (Fest. p. 340), но въ такомъ случаѣ получаются „плодородные участки плодородной мѣстности“. Между тѣмъ поэтъ отказывается, очевидно, отъ самыхъ *продуктовъ* острова, отъ богатой (удавшейся) „жатвы“ плодородной Сардиніи—совершенно, какъ ниже отъ стадъ, *производимыхъ* Калабріей, отъ золота, *привозимаго* изъ Индіи,—и только подъ конецъ рѣчь идетъ о землевладѣніи (rura), притомъ въ Италіи. Во вторыхъ, пользуясь приведеннымъ замѣчаніемъ, слѣдуетъ перейти къ эмендаціи словъ: „aestuosae grata Calabriae Armenta“. *Grata* испорчено, но не столько потому, что нелѣпо дѣлать изъ „пріятности“ спеціальный дистинктивъ скота сравнительно съ хлѣбомъ и золотомъ, сколько вслѣдствіе явнаго противорѣчія такого эпитета съ содержаніемъ: если Горацій *не хочетъ* этихъ стадъ, то не могутъ же они ему быть *пріятны*! По той же причинѣ не годится и конъектура *laeta* (Paldamus). Затѣмъ заманчивая на первый взглядъ догадка Шейбе и Урлихса: „*prata* Calabriae *aut* Armenta“ опровергается тѣмъ, ч[illegible] повторяемъ, территоріальная собственность едва ли два раза упоминалас[illegible] тому же не желательна эта элизія *ae* передъ *au*). Мейнеке предлагалъ „[illegible]*a* Cal. arm,“ „i. e. late diffusa, ut Homerus πλατέ 'αἰπόλια“, но сомнительно, чтобы Горацій „in re tam vulgari quaesiverit epitheton tam insolitum“, какъ справедливо замѣчаетъ Пеерлкампъ. Самъ Пеерлкампъ читалъ „*Graia* Cal. arm.“, и дѣйствительно, измѣненіе преданія тутъ призрачное, а „Graecum pecus“ для апулійскихъ овецъ служило техническимъ терминомъ. За эту эмендацію говорятъ слѣдовательно весьма уважительные доводы. Ясно однако, что и противъ нея можно высказать многое: такъ *armenta* употреблялось только о крупномъ рогатомъ скотѣ, далѣе, еслибъ „Graia armenta“ значило уже „Калабрійскія овцы“, то „Graia Calabriae armenta“ приводитъ къ „Калабрійскимъ овцамъ Калабріи“. Пеерлкампъ напрасно ссылается на *Plin. H. N. VIII. 48:* „Lana laudatissima Apula, et quae in Italia Graeci pecoris appellatur, alibi Italica“, ибо тутъ именно сказано, что „въ Италіи Апулійскую шерсть называютъ lana Graeci pecoris, а *внѣ полуострова* ее же зовутъ *Италійской*“, иными словами, что *нигдѣ* для нея не существуетъ синкретическаго выраженія „*Греко-Италійская*“. Такимъ же образомъ извѣстный напитокъ у насъ именуется „баварскимъ квасомъ“, а за границей „русскимъ“, но никто рѣшительно не говоритъ о „баварскомъ квасѣ Россіи“. Лучшая изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ попытокъ сводится слѣдовательно къ глоссѣ. Между тѣмъ несомнѣнно же настоящее мѣсто принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя *можно* съ достовѣрностью исправить. И если вспомнить данное нами выше указаніе относительно общаго характера содержанія, то станетъ яснымъ, что погоню за *эпитетами* слѣдуетъ бросить (къ приведеннымъ уже можно прибавить Лерсово *spissa* и Унгерово *intacta*) и, не мудрствуя лукаво, читать: „non aestuosa *p*arta Calabria Armenta“,

(fons uberrimus) всякихъ магистратуръ [1]), Квириты и вызываютъ „ухаживаніе“ (ambitus). Народъ для честолюбца т. ск. дойная корова. Эксплоатировать его довольно легко; онъ „stultus honores saepe dat indignis“ (Sat. I. 6, 15 sq.). Даже похвалить его только и есть, что за порядочный выборъ осыпаемаго почестями лица; по крайней мѣрѣ, самъ Горацій въ другомъ мѣстѣ (Epl. II. 1, 15 sqq.), напомнивъ Августу: „tibi *largimur*... honores“, прибавляетъ: „tuus *hoc* populus sapiens et iustus *in uno*, *te* nostris ducibus, *te* Grais *anteferendo*“. Съ другой стороны мудрымъ считается особенно человѣкъ, презирающій „amici *dona* Quiritis“ (Epl. I. 6, 7). Лишь желая выразить *невѣроятную* степень восторга, въ который Senatus populusque Romanus приведены славными дѣяніями принципата, поэтъ въ предпослѣдней одѣ четвертой книги объявляетъ, что Patres и Quirites даже *не знаютъ*, какъ достойнымъ образомъ отблагодарить Императора [2]).

---

[1]) *Cic. de l. agr. 2. 7, 17:* omnes potestates imperia curationes ab universo populo Romano proficisci convenit.

[2]) Такъ какъ это мѣсто (*c. IV. 14, 1—6*) къ сожалѣнію тоже изъ сомнительныхъ, то мы кстати постараемся выяснить характеръ его искаженія. „Quae cura Patrum quaeve Quiritium Plenis honorum muneribus tuas, Auguste, virtutes in aevum Per titulos memoresque fastos Aeternet, o qua sol habitabiles Inlustrat oras, maxime principum?“ Обыкновенно указывается только на тождесловіе „in aevum-aeternet“, подозрительность котораго еще значительно усиливается тѣмъ, что „aeternare“ есть архаизмъ, встрѣчающійся, кромѣ настоящаго стиха, лишь у Варрона ap. Non. II. 7. Намъ кажется, что ограничиваться этими возраженіями невозможно, и что попытки эмендировать спорный текстъ (Peerlk.: *extendet*, Unger: *perennet*) вышли бы удачнѣе, еслибъ обращено было должное вниманіе на неестественность выраженія „honorum muneribus“, которое, конечно, означаетъ или „honorum honoribus“ или „munerum muneribus“, ибо honores въ Римѣ и были munera, т. е. государственною службой (только особою, избирательною, уже переставшею быть обязательною); и на оборотъ, имѣя въ виду не республиканскую схему магистратуръ, а специфическіе элементы Императорской власти, можно сказать, что munera были простыми honores, давали права, формально [практика, особенно практика Августа, другое дѣло!] не создавая соотвѣтственныхъ обязанностей: не останавливаясь на титулахъ, составлявшихъ явно переходъ къ номенклатурѣ, и на sacerdotia, не бывшихъ вообще honores, мы къ подобнымъ легальнымъ синекурамъ отнесемъ кумуляцію проконсулатовъ въ цѣломъ рядѣ провинцій, вслѣдствіе того, разумѣется, лично управляемыхъ не самимъ проконсуломъ (сирѣчь Императоромъ), какъ оно собственно требовалось по коренному смыслу института (и какъ оно напр. практиковалось даже со временъ Августа въ т. н. сенатскихъ областяхъ), а его легатами (промагистратуры тоже первоначально вѣдь къ числу honores не принадлежали: Momms, Röm. St. I, 9 A. 4, гдѣ, впрочемъ, страннымъ обра-

Наконецъ объясненіе самого процесса перехода слова *uber* въ *tollere*, представляющееся, на первый взглядъ, не совсѣмъ удобнымъ, при всей своей гадательности, останется однако, какъ намъ кажется, въ предѣлахъ правдоподобнаго, если предположить, что поводомъ къ дальнѣйшему искаженію послужило неясное написаніе буквы *u*. Окончаніе прилагательнаго, при такихъ условіяхъ, легко могли принять за слѣдъ неопредѣлен-

зомъ не принята во вниманіе путаница въ терминологіи, произведенная всѣми учрежденіями принципата); далѣе укажемъ на оригинальную tribunicia potestas, пожизненно удерживавшуюся (т. н. lege regia?) и распространявшую между проч., компетенцію magistratus urbani на всю Имперію, дозволяя ему дѣйствовать въ отсутствіи (тоже въ разрѣзъ съ правовою сущностью легшаго тутъ въ основу народнаго трибуната). Стало быть „munera honorum" здѣсь навѣрное вмѣсто „служебныя обязанности" не поставлено; но такъ какъ оно munera honoraria, verbo tenus iniuncta (какъ бы honores munerum) тоже не означаетъ, а въ смыслѣ „подарки должностями" (вродѣ того, какъ говорятъ „подарки деньгами, натурой") вообще стоять не можетъ [другое дѣло munera Bacchi, munera Circi, даже напр., „*pulchrae munere formae*" у Стація Silv. V. 1. 51, съ чѣмъ мы бы сблизили Hor. c. IV. 13, 21: „*prodiga* et artium Gratarum facies", гдѣ рукописное чтеніе „notaque" заподозрили Мейнеке и Л. Миллеръ; ср. извѣстные обороты „virtutis prodiga vita" и т. д.], то слѣдовательно оно ровно ничего не значитъ: и въ такомъ случаѣ оно испорчено. Подобный выводъ тѣмъ болѣе правдоподобенъ, что tituli и fasti, преднолагая уже honores, тоже требуютъ ихъ устраненія. Не написалъ-ли Горацій: „Quae cura Patrum quaeve Quiritium Plenis honor*et* muneribus tuas, Auguste, virtutes in aevum *et* Per titulos memoresque fastos Aes ornet". Оправдывать тутъ приходится только прибавку союза *et*. Lehrs (Verschleifung, XV, sq.), констатировавъ, что Горацій чрезвычайно любитъ въ одахъ такую συναλοιφὴ предпослѣдняго слова въ стихѣ съ конечнымъ *et*, „wenn dies *et* durch Positionslänge mit einem anfangendem Consonanten des zusammengeknüpften Verses sich gezogen spricht", продолжаетъ: „Später war ihm dieses *et* fremd geworden, und in den Gedichten des *vierten* Buches kommt es *nicht* vor". Наша конъектура, относясь именно къ четвертой книгѣ, очевидно, грѣшитъ противъ этого правила. Спрашивается, опровергается ли она имъ, или наоборотъ оно ею? Не можемъ не замѣтить, что, при полномъ уваженіи къ добытымъ статистически результатамъ, сомнѣваемся однако въ законности односторонней ихъ интерпретаціи въ консервативномъ смыслѣ. Если напр., какъ въ настоящемъ случаѣ, исходить изъ того положенія, что не безъ причины въ трехъ первыхъ книгахъ одъ видно преобладаніе извѣстнаго явленія, а въ четвертой оно вовсе не встрѣчается, то все же остается спорнымъ, оттого ли это произошло, что Горацій намѣренно не примѣнялъ подъ старость данной clausula, или же оттого, что искаженіе оригинала окончательно вытѣснило ея слѣдъ изъ позднѣйшихъ стихотвореній, чему способствовало именно рѣдкое, единичное ея присутствіе въ нихъ.

наго наклоненія какого нибудь глагола 3-го спряженія и сообразно съ тѣмъ вставить въ стихъ казавшуюся подходящей форму. Предлагать чтеніе, вродѣ „tergeminis *fulgido* [1]) honoribus“ (c. III. 2, 18. 16, 31) или даже „*toto in* honoribus“ (S. I. 9, 2. Epl. I, 11) мы, разумѣется, считаемъ совершенно непозволительнымъ въ виду неизбѣжной, при этой схемѣ, элизіи долгаго передъ краткимъ.

---

[1]) Вотъ у Стація *Silv. IV. 4. 75* возстановить, можетъ быть, слѣдуетъ: „Surge agedum iuvenemque puer deprende parentem, Stemmate materno *fulgens* (cdd. felix), virtute paterna. Iam te blanda sinu Tyrio sibi curia *felix* Educat“, хотя, впрочемъ, *Silv. IV. 6, 88* читается тоже „felix dominorum stemmate signum“. Только изъ за аналогіи этой не должно забывать, что съ удареніемъ Стацій одно и тоже слово два стиха подъ рядъ безъ особыхъ причинъ повторять не любитъ. Затѣмъ clara gens, nitens origo и т. д. (cf. *Vell. II. 71:* „Messalla, fulgentissimus iuvenis“) [illegible]чень часто встрѣчается у него (Silv. I. 2. 70. V. 53 etc. cf. V. 2, 15 sq[illegible] 6 sq.), а читать въ слѣдующемъ стихѣ *fervens* неудобно. „Felix“ в[illegible] постоянный эпитетъ сената, какъ celsus для ordo equester. Однако само собой разумѣется, что тамъ, гдѣ указывается на печальное настроеніе или потерю какую нибудь куріи, ее „счастливою“ называть нелѣпо, и что писатели въ такихъ случаяхъ измѣняютъ эпитетъ (cf. Calpurn. I. 62: *Infelix* raros numerabit *curia* patres). Гейнзій былъ слѣдовательно совершенно правъ, возставая противъ преданія Стація *Silv. I. 4. 41:* „Non labente Numa timuit sic curia felix, Pompeio nec celsus eques nec femina Bruto“. Гейнзій читалъ: „m*ad*uit sic curia fl*etu*“, и эта поправка сильно прельщаетъ, какъ изяществомъ своимъ, такъ и близостью къ традиціи. Но едва ли она не поверхностна. Развѣ слово „felix“ единственная трудность даннаго стиха? Развѣ „labente“ менѣе странно? „Во время болѣзни“ это не означаетъ (къ тому же Нума умеръ отъ старости, Брутъ въ бою, Помпей отъ руки убійцы), въ смыслѣ „mortuo“, вмѣсто „lapso“, тоже стоять не можетъ, а ежели переводить: „когда умиралъ, при видѣ умирающаго“, то выходитъ безсмыслица (женщинъ напр. въ Silva Arsia, въ соотвѣтственную минуту не было!), наконецъ „labi“ только о дѣйствительномъ паденіи умирающаго и употребляется (labitur exsanguis и т. д.). Поэтому вульгату мы бы предпочли эмендировать такимъ образомъ: „Non la*men*t*a* Numa tu*lera*t sic curia f*uncto*“. cf. Silv. V. 3, 264: quae lamenta tuli! II. 1, 209: „omnia functa aut moritura vides“. Что касается до Plusquamperfectum „tulerat“, то, конечно, это самое умѣстное время здѣсь, гдѣ приводятся *прецеденты* къ общественной печали, сопровождавшей *прошедшую* болѣзнь Галлика. Искаженіе произошло отъ непониманія сокращенной формы конечнаго слова: стояло *fc̃t*°, вмѣсто чего, поискавъ, написали прилагательное, о которомъ извѣстно было, что оно обыкновенно находится при „curia“. Остальныя измѣненія пришлось предпринять уже для огражденія правъ грамматики.

Еще одно—вслѣдъ за указаніемъ на буквенное несходство съ текстомъ преданія—можно возразить противъ нашей эмендаціи, и скрывать этого мы тоже не намѣрены: случайно форма *huic* у Горація встрѣчается лишь въ Сатирахъ и Посланіяхъ, а не въ Одахъ и даже не въ Эподахъ. Ультра-консерваторамъ, конечно, весьма сподручно эксплоатировать подобное явленіе. Но именно ихъ упреки мы въ данномъ случаѣ чувствуемъ себя въ силахъ перенести съ большимъ хладнокровіемъ и, вмѣсто всякихъ оправданій, ограничимся напоминаніемъ, что въ вульгатѣ одъ попадается за то два раза *eius* (c. III. 11. 18. IV. 8. 18), и что защищающіе такихъ несомнѣнныхъ перегриновъ въ области лирики, едва ли могутъ, безъ легкаго противорѣчія съ собой, не признавать ius postliminii за чистокровнымъ, хотя, конечно, весьма скромнымъ уроженцемъ римскаго Парнасса.

XXII.

C. I. 12, 33 sqq.: Romulum post hos prius an quietum Pompili regnum memorem an superbos Tarquini fasces, dubito, an Catonis Nobile letum.

„Superbos Tarquini fasces“ принимать можно только за перифразу Тарквинія *Гордаго*. Съ другой стороны немыслимо, чтобы Горацій задавался вопросомъ, не воспѣть ли ему именно этого царя [1]). Весьма вѣроятно слѣдовательно, что мѣсто испорчено. Первый, сколько намъ извѣстно, указалъ на то Александръ Кэнингёмъ [2]), предложившій читать „*Junii* fasces“. Исполненіе мысли, явившейся тутъ у критика, разумѣется, плачевно: форма „Juni“ единственная, которую мы имѣли бы право приписывать въ данномъ случаѣ поэту, а простая замѣна одного имени другимъ, вовсе не похожимъ, пріемъ крайне грубый. Но самая идея изгнанія отсюда Тарквинія Брутомъ положительно недурна [3]): по крайней мѣрѣ, лучшаго до сихъ поръ ничего не придумали [4]). Остается поэтому лишь

---

[1]) Резоны Плюсса (*Fleck. Jahrb. 18773, p. 111 sqq.*) не выдерживаютъ критики. Ср. между проч. *Prop. III. 11. 47 sqq.*: „Quid nunc Tarquinii fractas *iuvat* esse secures, Nomine quem simili vita superba notat, Si mulier (Клеопарта) patienda fuit?“

[2]) *Animadvers. in Horat. Bentl. c. X. p. 125 sqq.*

[3]) Сопоставленіе двухъ наиболѣе типическихъ, по заслугамъ, царей съ первымъ и послѣднимъ республиканцами безспорно придаетъ строфѣ замѣчательную ширь и энергію. [Названіе „послѣдній республиканецъ“, конечно, болѣе подходитъ къ Катону Утическому, нежели „послѣдній Римлянинъ“ къ Кассію—этому зловѣщему римскому Яго!]

[4]) Лерсъ страннымъ образомъ сперва самъ признается, что здѣсь „ein Brutus, zugleich Gründer der Republik, würde vortrefflich passen“, а потомъ

усовершенствовать редакцію Кэнингёма, и вполнѣ удовлетворительнымъ намъ кажется въ этомъ отношеніи чтеніе:

Romulum post hos prius an quietum
Pompili regnum memorem an Superbo
Ta*m* *g*ra*v*i*s* fasces, dubito, an Catonis
Nobile letum.

„Gravis" съ дательн. падеж. употреблено здѣсь въ смыслѣ infestus, nocens и т. п., какъ нерѣдко у Вергилія, Горація и другихъ поэтовъ.

XXIII.

C. I. 38: Persicos odi, puer, adparatus. Displicent nexae philyra coronae, Mitte sectari, rosa quo locorum Sera moretur. (5) Simplici myrto nihil adlabores Sedulus curo: neque te ministrum Dedecet myrtus neque me sub arta Vite bibentem.

Ставить ли запятую въ 6 стихѣ послѣ „sedulus" или нѣтъ, все таки остается страннымъ, что Горацій такъ *озабоченъ* услужливостью своего раба. Интерпретировать „curo nihil adlabores" въ смыслѣ простаго „nolo quicquam adlabores" запрещаетъ даже словорасположеніе. Варіантъ „sedulus *curae*" ведетъ къ тавтологіи. Не годится слѣдовательно и основанная на немъ конъектура Пеерлкампа: „nihil adlabores. *Sedulum curae* neque"... Чтеніе: „nihil adlabores sedulus *cura*!" положительно смѣшно (другое дѣло: cura ne cures" врачей!). Еще смѣшнѣе однако поправка Горкеля: „sedulus *cur? o* neque"....

эмендируетъ „*Fabrici* fasces" (vv. 37—44 онъ выбрасываетъ), ибо невозможно де допустить, чтобы Горацій въ стихотвореніи, предназначавшемся для чтенія Августу, „neben dem unbedenklichen *Cato* auch noch sollte *zugleich* die *Bruti* genannt haben". Но вопервыхъ „die *Bruti*" вѣрно только по отношенію къ Лерсову неудачному варіанту (superbos *Junios* fasces) догадки Кэнингёма, а во вторыхъ непонятно, почему бы прославленіе Катона Утическаго, т. е. яраго противника цезарисма, считалось Императоромъ менѣе нецензурнымъ, нежели упоминаніе одного изъ національныхъ героевъ Рима, жившаго за 500 лѣтъ до того времени и не бывшаго ни предкомъ, ни даже омонимомъ убійцы Цезаря (консулъ 509 г. былъ патрицій, а percussor Caesaris—плебей, консулъ назывался L. Junius Brutus, а percussor Caesaris—Q. Caepio Brutus оффиціально и M. Brutus фамильярно, но никакъ не „Junius", по той простой причинѣ, что изъ рода Юніевъ онъ вышелъ и въ сущности сталъ Сервиліемъ). Какъ бы то ни было, но рекомендуемая нами редакція составлена такъ осторожно, что намека на воевавшаго съ Октавіаномъ Брута изъ нея самъ Аргусъ высмотрѣть бы не могъ.

При эмендаціи, какъ намъ кажется, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что первая антитеза второй строфы, собственно говоря, въ текстѣ вульгаты незакончена. Между тѣмъ для слова *simplici*, поставленнаго съ такимъ удареніемъ въ началѣ 5-го стиха, контрастирующій эпитетъ совершенно необходимъ, ибо „nihil“ соотвѣтствуетъ только существительному „myrto“. Не будетъ ли поэтому самымъ естественнымъ предположеніе, что поэтъ написалъ:

Simplici myrto nihil adlabores
Sedulus *rari*.

„Nihil... *cari*,“ можетъ быть, и ближе къ преданію, но если представлять себѣ раба ищущимъ розъ въ томъ самомъ саду, гдѣ Горацій распиваетъ свою бутылку, то это прилагательное менѣе удовлетворяетъ смыслу. „Rari,“ кромѣ того, хорошо подходитъ къ *sera* въ 4 ст.

XXIV.

C. III. 8, 1—8: „Martiis caelebs quid agam Kalendis, Quid velint flores et acerra turis Plena miraris positusque carbo in Caespite vivo, Docte sermones utriusque linguæ: Voveram dulcis epulas et album Libero caprum prope funeratus Arboris ictu“...

„Тебя удивляетъ, Меценатъ, что я, холостякъ, праздную матроналіи, тебя это удивляетъ потому главнымъ образомъ, что ты умѣешь говорить по латыни и по гречески; такъ знай-же: я исполняю обѣтъ“...

„Васъ удивляетъ, почему я праздную Варваринъ день, когда меня зовутъ Семеномъ; Васъ это удивляетъ главнымъ образомъ потому, что Вы умѣете говорить по русски и по французски, такъ знайте-же: у меня жена Варвара.

Нелѣпость ссылки на лингвистическія познанія собесѣдника въ обоихъ случаяхъ, очевидно-же, одинакова. Скрашиваетъ ее у Горація тѣмъ менѣе извинительно, что самое выраженіе „sermo linguae“ поражаетъ своею странностью. Полумѣры, впрочемъ, едва-ли способны исправить 5 стихъ: достаточно указать на прецедентъ Бентли, конъектура котораго „docte sermonis utriusque *Cilni*“ ни одного послѣдователя не нашла. Съ другой стороны и радикализмъ Лерса, считавшаго всю строку подложною, совершенно не убѣждаетъ. Отчего бы слѣдовательно не держаться и тутъ середины, оставаясь именно на рукописномъ fundus lectionis, но провѣривъ каждое въ немъ слово? Такой пріемъ конечно, многимъ „золотою серединой“ вовсе не покажется, но мы увѣрены, что законность его, при болѣе внимательномъ анализѣ вопроса, будетъ признана въ данномъ случаѣ несомнѣнною. Читать, какъ намъ думается, должно *g*ermane s͡criusque *o*lin *pi*“, т. е.

Docte germanae sacra iusque Ol[illegible].

За такую редакцію говоритъ весьма [illegible] [illegible]раженіе. Календы были вообще посвящены Юнонѣ [1]), ма[illegible]скія же въ особенности [2]). Такимъ образомъ торжественнымъ приготовленіямъ Горація къ этому дню дивился Меценатъ потому, разумѣется, что ему прекрасно были извѣстны всѣ требованія культа богини, а не потому, [illegible] онъ владѣлъ бывшими тогда въ повсемѣстномъ употребленіи нарѣчіями [3]). Если насъ затѣмъ спросятъ, съ какой стати поэтъ, хотя бы шуточно, предполагалъ именно въ своемъ могущественномъ патронѣ солидное знакомство съ различными sacra *„сестры Олимпійца"*, то мы естественно напомнимъ этрусское происхожденіе, какъ самаго Мецената, такъ и цѣлаго ряда почитавшихся въ Римѣ Юнонъ (Веентская Juno regina, Juno Falisca, Feronia и т. д.) [4]). „Sacra iusque" наконецъ такое же ἓν διὰ δυοῖν, какъ и всѣ другія [5]).

XXV.

C. III. 10, 13 sqq. „O quamvis neque te munera nec preces Nec tinctus viola pallor amantium Nec vir Pieria paelice saucius Curvat, supplicibus tuis Parcas, nec rigida mollior aesculo Nec Mauris animum mitior anguibus".

„Хотя подарки, *просьбы* и жалостный видъ влюбленныхъ, хотя даже измѣна мужа не въ состояніи склонить тебя, пощади однако *умоляющихъ*"...

---

1) *Ovid. Fast. I. 55:* „Vindicat Ausonias Junonis cura Kalendas". *Macrob. Saturn. I. 15. 18.*

2) Какъ извѣстно, на томъ основаніи, что онѣ когда то считались первымъ днемъ въ году, и что въ этотъ-же день Юнона родила Марса. Ср. тоже Ov. F. III. 229 sqq.

3) Это въ числѣ достоинствъ *раба* Марціалъ (X. 76. 6) могъ упоминать знаніе греческаго языка („lingua doctus utraque"), но трудно представить себѣ Горація, рекомендующаго подобнымъ способомъ Мецената публикѣ!

4) Не касаясь спорныхъ объясненій сюда относящихся древнихъ текстовъ новыми учеными, отвергающими тутъ этрусское вліяніе, приведемъ еще лишь слѣдующ. слова Сервія *ad Aen. I. 422:* Quoniam prudentes Etruscae disciplinae aiunt, apud conditores Etruscarum urbium non putatas iustas urbes fuisse, in quibus non tres portae essent dedicatae et votivae et tot templa Iovis, Iunonis, Minervae". И Капитолійскій храмъ вѣдь, по преданію, построенъ Тарквиніями. Мы, впрочемъ, вовсе не приглашаемъ читать у Горація: „sacra Tusca" или „sacra Etrusca" („Iunonis—Pelasgae" у Prop. II. 28. 11 мы бы тоже перевели *„Этрусской* Юноны", а не „Аргосской").

5) Jure, rite, iustus и т. д. постоянно употребляется, когда рѣчь идетъ о богослужебныхъ обрядахъ. Ср. *Cic. de legg. II. 9, 22:* „deorum Manium iura sancta sunto". Противоположность составляютъ *deorum iniuriae* (Tac. ann. I, 73). Горацій не имѣлъ собственно *права* участвовать въ празднествѣ.

Лерсъ переставлялъ занятую послѣ „supplicibus tuis" на томъ основаніи, что поэтъ говоритъ pro domo sua, а не изъ филантропіи. Справедливо однако Шюцъ возражаетъ: „allein dann kommt in dem Satze derselbe Begriff zweimal vor in *amantium* und *supplicibus*". Еще важнѣе, впрочемъ, было бы замѣчаніе, что фиктивныхъ supplices, за представителя которыхъ Горацій съ очевидно іезуитскою скромностью (какъ это укрылось отъ Лерса!) выдаетъ себя самого, онъ противополагаетъ вышеназваннымъ amantes, коихъ тактику (заключалась-ли она въ щедрости, въ мрачномъ выжиданіи или въ злословіи) горькій опытъ заставилъ его признать безплодною. Только замѣчаніе это, конечно, Шюцъ не могъ сдѣлать, пока удовлетворялся настоящимъ состояніемъ текста, ибо въ немъ *preces* фигурируютъ уже на одномъ ряду съ *munera* и *pallor*, иными словами преданіе, притомъ въ гораздо болѣе сильной степени, заслуживаетъ упрекъ, почти однородный тому, которымъ Шюцъ опровергалъ редакцію Лерса. Дѣйствительно, какой толкъ въ обращеніи: „хотя подарки, *просьбы* и т. д. на тебя не дѣйствуютъ, но я буду на тебя дѣйствовать *просьбами*". Мы бы поняли такую рѣчь: „Ты неподкупна, а все таки я для тебя не остановлюсь передъ величайшими жертвами; Ты неумолима, но я не устану взывать къ твоему милосердію" и т. д. Въ этомъ намѣренномъ презрѣніи къ логикѣ можно-бы было усмотрѣть удачно воспроизведенную черту страсти. Но въ вульгатѣ ничего подобнаго нѣтъ, а, вмѣсто того, перечислено сперва нѣсколько факторовъ, съ прибавленіемъ, что смягчить горделивую красавицу они оказались неспособными, а затѣмъ изъ нихъ-же выхваченъ одинъ и съ поразительною нелѣпостью представленъ чѣмъ то новымъ, подающимъ надежды на лучшій успѣхъ.

Если слѣдовательно въ 13 стихѣ слово *preces* оказывается преждевременнымъ и тѣмъ самымъ, по особымъ условіямъ даннаго мѣста, разрушаетъ общій смыслъ его, то естественно предположить (и, ежели не ошибаемся, уже было предположено) что слово это испорчено. При исправленіи его, нѣтъ, кажется, надобности прибѣгать къ произвольному увеличенію ряда явленій, признанныхъ безсильными сломать строптивость Лики. Одинаково гадательны формулы: „Теби и богатство, и *подвиги*, и страданія"... „Тебя и богаство и *слава*, и страданія"... „Тебя и богатство, и *пѣсни*, и страданія оставляютъ равнодушною". Отдавать предпочтеніе одной передъ другими поводовъ никакихъ нѣтъ. Гораздо раціональнѣе поэтому, какъ намъ думается, ограничиться развитіемъ сосѣднихъ съ заподозрѣннымъ выраженіемъ понятій. При этомъ, разумѣется, прежде всего должно бояться конъектуръ разжижжающихъ, т. ск., текстъ, и мы напр., никому не посовѣтуемъ читать: „neque te munera nec *trucem Iam* tinctus viola (т. е. предсмертный) pallor—curvat". И *trux* и *iam* совершенно лишни. Но почему бы не эмендировать:

O quamvis neque te munera nec *cruces*
Nec tinctus viola pallor amantium
Nec vir Pieria paelice saucius
Curvat, supplicibus tuis

Parcas, nec rigida mollior aesculo
Nec Mauris animum mitior anguibus:
Non hoc semper erit liminis aut aquae
Caelèstis patiens latus!

Выигрышъ двоякій. Съ одной стороны вставлено въ стихъ cruce и опредѣленное упоминаніе любовныхъ мукъ, отсутствіе котораго въ традиціонномъ текстѣ въ сущности тоже доказываетъ искаженность его. Во вторыхъ, получается извѣстная послѣдовательность въ чередованіи отмѣченныхъ поэтомъ моментовъ, ибо отвергнутыя *munera* находятся въ причинной связи съ *cruces*, которыми въ свою очередь вызывается *pallor*; а затѣмъ названный *vir paelice saucius* не только градаціи не нарушаетъ, но напротивъ того доводитъ ее до кульминаціоннаго пункта: неудивительно, что чужое горе не трогаетъ Лики, коли ея собственное въ ней реакціи не вызываетъ! И вотъ, признавъ все это, поэтъ торжественно заявляетъ, что онъ тѣмъ не менѣе (но уже въ послѣдній разъ!) обращается къ ея великодушію: если де мольбы его останутся тщетными, то... и въ заключеніе идетъ угроза разрыва. „Quamvis" мы бы даже отнесли не къ „parcas", какъ это обыкновенно дѣлается, а къ „supplicibus". „Сжалься надъ тѣми, которые *просятъ* о пощадѣ, *хотя* прекрасно знаютъ, что Ты жестока, которые, испивъ до дна чашу страданій, подносимую Тобой поклонникамъ Твоимъ, остались вѣрны своему прежнему чувству; помни, что если Ты и теперь покажешься непреклонною, то даже эта горсть, несмотря ни на что, преданныхъ Тебѣ доселѣ отвернется отъ тебя съ негодованіемъ, и тогда тебя постигнетъ Немезида". Много было ухаживателей у Лики, она большинство ихъ оттолкнула своею неприступностью; остальные надѣются стойкостью выслужить себѣ т. ск. взаимность (ср. хотя бы первую элегію Проперція: „Milanion nullos fugiendo, Tulle, labores Saevitiam durae contudit Iasidos" и т. д. или Stat. Silv. I. 2, 78 sqq.). Но и у нихъ терпѣніе можетъ лопнуть, а въ такомъ случаѣ Lyce останется одинокою. Какъ извѣстно, предсказаніе это сбылось. *Тринадцатая* ода *четвертой* книги представляется какъ-бы послѣднимъ актомъ той драмы, которая тутъ проходитъ подъ нашими глазами: „*Audivere Lyce, di mea vota*, восклицаетъ тамъ поэтъ, *di Audivere, Lyce! fis anus et tamen Vis formosa videri*"...

Съ точки зрѣнія языка прибавлять мы ничего не станемъ въ защиту своей эмендаціи: *cruciantur amantes*, *cruciatibus afficiuntur* и т. д. обороты общеизвѣстные. Но достой го вниманія, что у Марціала X. 82 мы имѣемъ довольно близкую анал о [1]) къ разбираемому стихотворенію Горація, и что у эпиграмматиста встрѣчается тамъ одинаковое выраженіе съ возстановленнымъ въ данной одѣ. Въ виду краткости разумѣемой пьески, мы позволимъ себѣ приписать ее сполна и въ выноскахъ укажемъ на параллели у Горація:

„Si quid nostra tuis adicit vexatio rebus, Mane vel a media nocte togatus ero, *Stridentesque* feram *flatus Aquilonis iniqui* [2]) Et *patiar nimbos* [3]) excipiamque *nives* [4]). Sed si non fias quadrante beatior uno *Per gemitus nostros ingenuasque cruces* [5]), *Parce precor* [6]) fesso Vanosque remitte labores, Qui tibi non prosunt et *mihi* Galle, *nocent* [7])".

XXVI.

C. III. 26, 6 sqq.: Hic, hic ponite lucida Funalia et vectes et arcus Oppositis foribus minaces.

Доказывать испорченность этого мѣста не приходится больше: всѣ согласны, что *лукамъ* здѣсь нечего дѣлать, что никто стрѣлами дверей не выбиваетъ и что съ колчанами на плечахъ никогда кутящая молодежь по улицамъ Рима не шаталась. Бентли читалъ: „et vectes *securesque*", но гиперметрическихъ стиховъ создавать мы, безъ особенно убѣдительныхъ мотивовъ, не имѣемъ права [8]), а, по очертанію, „secures" на „ar-

---

[1]) Съ тою, впрочемъ, разницей, что Марціалъ говоритъ не въ качествѣ безутѣшнаго вздыхателя съ женщиной, а какъ обиженный кліентъ со своимъ патрономъ.

[2]) Hor. l. l. vv. 3—7: obicere—Aquilonibus. Audis quo strepitu—nemus remugiat Ventis.

[3]) ibid. v. 10 sq.: aquae Caelestis patiens latus.

[4]) ibid. v. 7 sq.: ut glaciet nives—Juppiter.

[5]) ibid. v. 13: cruces, по предложенной выше поправкѣ.

[6]) ibid. v. 16 sq.: supplicibus tuis Parcas.

[7]) ibid. v. 14: tinctus viola pallor.

[8]) Еще опаснѣе конъектуры, основанныя на сѣченіи конечнаго слова въ стихѣ. У Горація такимъ образомъ дѣйствительно слитъ иногда adonius съ 3 строкой сапфической строфы: u-Xorius amnis (c. I. 2, 19), sub inter-Lunia vento (I. 25, 11), neque purpura ve-Nale neque auro (II. 16, 7) и, вѣроятно, zona bene te secuta e-Lidere collum (III. 27, 59), но напрасно Дюнцеръ полагаетъ возможнымъ этимъ же способомъ соединить два первыхъ стиха указан-

cus“ весьма мало похоже. О. Келлеръ предлагалъ и снова предлагаетъ во второмъ изданіи „et *ascias*“, т. е. догадку, противъ которой опять таки говоритъ метрика, и пока г. Келлеръ не выяснитъ необходимости двусложнаго произношенія слова „ascia“, онъ напрасно будетъ разсчитывать на сочувствіе. Р. Унгеръ эмендируетъ „et *artes*“: формальныхъ недостатковъ эта поправка не имѣетъ, тѣмъ не менѣе похвалить ее трудно. „*Поставьте* сюда факелъ, ломъ *и искусства*, грозныя оказывающимъ препятствіе дверямъ“—оборотъ совершенно дикій; извинить бы его лишь можно было, если, благодаря ему, мы бы выигрывали какой нибудь удачный оттѣнокъ рѣчи, между тѣмъ Унгеръ только разбавляетъ текстъ водицей.

Но что же, при такихъ условіяхъ, предпринять? Измѣнить, какъ намъ кажется, надо всю конъектуральную схему: искать не названія

ной строфы въ началѣ 2-ой оды четвертой книги: Pindarum quisquis studet aemulari, J-Vle, ceratis ope Daedalea nititur pinnis. (Гораздо раціональнѣе читать *Ille* съ Пеерлк., или напр. „*Molle* ceratis“: во всякомъ случаѣ сына тріумвира Антонія звали не „Іуломъ“, а Юліемъ, на что указалъ и Моммзенъ Röm. Forsch. S. 35. A. 54). Если допускать подобныя вольности, то почему же не эмендировать въ асклепіадеахъ: „Nos convivia, nos proelia Virginum *ex*-Sertis in iuvenes unguibus acrium Cantamus“ (c. I. 6, 17 sq)? Въ рукописяхъ „virginum *Sectis*“, т. е. довольно безграмотное чтеніе съ тщетными претензіями на остроуміе: безграмотное, ибо словорасположеніе „схватки дѣвъ подстриженными противъ юношей ногтями рѣзкихъ“ не допускаетъ иной конструкціи, какъ „Sectis in iuvenes“, плоское, ибо предполагаетъ въ хладнокровномъ состояніи заключенное обѣими сторонами условіе поссориться для виду, отнявъ у себя предварительно возможность причинить другъ другу боль, тогда какъ истинная любовная комедія состоитъ именно въ томъ, что у якобы отбивающейся дѣвушки *имѣются* ноготки, притомъ *способные поцарапать* предпріимчиваго юношу, но что она только пугаетъ ими, въ сущности же не пользуется ими. Бентли положительно геніально устранилъ мнимое ὀξύμωρον вульгаты своею догадкой “*Strictis* in iuvenes“, и мы, конечно, далеки отъ дерзкаго желанія противопоставить ей вышеуказанное „exsertis“, которое за себя могло бы только привести близость къ преданію и аналогію у Стація *Theb. II. 513:* „acuens exsertos protinus ungues“. Съ бо́льшимъ вѣроятіемъ мы возстановимъ у самого Стація *Theb. II. 130* „bella cupit (sc. tigris) laxatque genas *atque exserit* ungues. Mox ruit in turmas“. Въ кодексахъ стоитъ „*et temperat*“, что противорѣчитъ смыслу (cf. *ibid. VI. 274*, гдѣ побѣдителю на игрищахъ даютъ „tigrin *inanem* fulvo quae circumfusa nitebat Margine et extremos auro *mansueverat ungues*“) „Temperat“ значитъ безспорно не непремѣнно „умѣряетъ, смягчаетъ“, а иногда тоже „подчиняетъ извѣстнымъ законамъ“, но что же оно означаетъ въ спорномъ мѣстѣ у Стація?

инструмента, а дополненія къ „oppositis“ или опредѣленія къ „foribus“. Исходя напр. изъ того наблюденія, что въ вульгатѣ не характеризованъ вовсе тотъ, которому не отворяютъ дверей, естественно, вмѣсто „et arcus oppositis“, предположить нѣчто, вродѣ „*precanti* Oppositis“. Съ другой стороны однако роль вторгающагося въ женскую квартиру я безъ того ясна. Поэтому мы предпочитаемъ болѣе эмфатическую вставку. Вѣроятнѣе всего было бы, если не ошибаемся:

hic, hic ponite lucida
Funalia et vectes *ut* arc*is*
Oppositis foribus minaces.

Упорный отказъ впустить влюбленнаго заставляетъ его штурмовать жилище Хлои, двери котораго представляютъ *такое же препятствіе, какъ ворота крѣпости.* Поводъ къ искаженію подала непонятая эллиптическая конструкція: „Vectes, minaces foribus, oppositis, ut (fores) arcis“, ничего удивительнаго не представляющая въ стихотвореніи писателя, у котораго на первыхъ же страницахъ встрѣчается напр. „Nunc et in umbrosis Fauno decet *immolare* lucis, Seu poscat *agna* sive malit *haedo*“ (c. I 4, 11 sq.), „Nos, Agrippa neque haec *dicere* nec gravem Pelidae stomachum cedere nescii Noc cursus duplicis per mare Vlixei Nec saevam Pelopis domum conamur, *tenues grandia*“ (c. I. 6, 50) и т. д., и т. д. Довольно близкую аналогію къ разбираемому мѣсту мы имѣемъ *Epod. VIII. 6:* „hietque turpis inter aridas nates Podex, *velut crudae bovis*“ [1]) и *Sat. II. 4, 13*: „Longa quibus facies ovis erit, illa memento, *Vt suci melioris* et ut magis alma rotundis Ponere“ [2]). Относительно того наконецъ, можно ли

[1]) Гдѣ, впрочемъ, ожидается *Дательный* падежъ, такъ какъ предшествовало „cum sit *tibi* dens ater“ (v. 2). Въ томъ же эподѣ (v. 8) пора бы наконецъ исправить грубую грамматическую ошибку: „sed incitat me pectus et mammae putres, Equina *quales* ubera, Venterque mollis“ etc. Мадвигъ предлагалъ *qualia*; оно, разумѣется, вѣрно, но гораздо болѣе похоже на поправку ученической работы, чѣмъ на реставрацію древняго текста. Нельзя ли „mammae putres (equina *malles* ubera!) venterque mollis“...? Не слѣдуетъ однако забывать, что въ весьма важной группѣ рукописей (*A'B'R* λπ Келлера) стоитъ *qualis*; это же наводитъ на „*malis*“, что вполнѣ возможно: у поэтовъ Potentialis съ неопредѣленнымъ субъектомъ 2-го лица нерѣдко употребляется и въ настоящемъ времени (*Hor. Epl. II. 1. 202. Verg. Aen. IV. 401. Ov. Met. XI. 517. St. Th. VII. 18. Sil. It. II. 430* и т. д.).

[2]) Мы не приводимъ *Prop. II. 3. 21:* „Et sua cum antiquae committit scripta Corinnae“, ибо въ этомъ на первый взглядъ сюда относящемся мѣстѣ „cum“, вѣроятно (cf. Hertzb. ad. h. l.), союзъ, „Corinnae“ дательный падежъ

сказать „fores arcis“, никто, полагаемъ, сомнѣній высказывать не станетъ: *Hor. c. III. 16, 1 sqq.:* „Inclusam Danaen *turris ahenea Robustaeque fores*—munierant „*Stat. Theb. VII. 68 sq.:* „*clausaeque adamante perenni* Dissiluere *fores*“ (дѣло идетъ о зáмкѣ Марса, неприступномъ, конечно, болѣе всякой крѣпости: „ferrea compago laterum, ferro arta teruntur limina; ferrati incumbunt tecta columnis“ ibid. v. 43 sq.) и т. д.

XXVII.

Epod. XV. 1 sq.: Nox erat et caelo fulgebat Luna sereno Inter minora sidera, Cum tu, magnorum numen laesura deorum In verba iurabas mea, (5) Artius atque hedera procera adstringitur ilex Lentis adhaerens bracchiis, Dum pecori lupus et nautis infestus Orion Turbaret hibernum mare, Intonsosque agitaret Apollinis aura capillos, (10) Fore hunc amorem mutuum.

Впечатлѣніе, оставляемое этимъ прелестнымъ описаніемъ, положительно оскверняется пресловутымъ ζεῦγμα седьмой строки, благодаря которому оказывается, что волки мутятъ море. Единственный способъ освободить текстъ отъ этой безсмыслицы Пеерлкампъ находилъ въ изгнаніи двустишія „Turbaret—capillos“. Такое насиліе, разумѣется, ничѣмъ не оправдывается [1]), и мысль объ интерполяціи тутъ всѣми оставле-

---

(въ родительномъ Проперцій сказалъ бы: „Corinnes“). Схема сравненія эта встрѣчается уже въ Иліадѣ (*P. 51:* κόμαι Χαρίτεσσιν ὁμοῖαι) и, какъ извѣстно, употребляется даже прозаиками (*Cic. de Orat. I. 44, 197:* cum illorum Lycurgo et Dracone et Solone nostras leges confere. *Iustin. IV. 3:* facinus nulli tyranno comparandum).

[1]) Аѳетизу 9-го стиха П. мотивируетъ тѣмъ, что „crines Apollinis *plerumque in nodum* collecti sunt“, что слѣдовательно *постоянно* вѣтеръ ихъ „agitare“ не могъ: между тѣмъ требуется де въ данномъ случаѣ, аналогично другимъ примѣрамъ, указаніе на неизмѣнное явленіе природы; наконецъ „agitare“ слишкомъ де рѣзкое слово, когда рѣчь идетъ о волосахъ. Все это софизмы. Во первыхъ цѣлый рядъ скульптурныхъ памятниковъ и литературныхъ описаній доказываетъ, что весьма часто у Фива вовсе „crines-in nodum collecti“ не были (cf. *Stat. Silv. I. 2, 2, sq.:* „Cui, Paean, nova plectra moves *umeroque comanti* Facundum suspendis ebur?). Помимо того ясно, что, хотя *intonsus*, ἀκερσεκόμης и т. д., т. е. обычные эпитеты Аполлона, тождественными обороту „съ *распущенными* волосами“ считаться не могутъ, однако, чѣмъ длиннѣе волосы, тѣмъ легче ихъ себѣ представить распустившимися и тѣмъ заманчивѣе для художника „leni recreare vento sparsum odoratis umerum capillis“. Никакой слѣдовательно несообразности нѣтъ въ сопоставленіи „развѣваемости“ т. ск. волосъ Аполлона съ хищничествомъ волковъ и симптоматическимъ въ метеорологіи

на [1]). Конъектуры предлагались, между проч., Унгеромъ и Мадвигомъ. Первый читаетъ: „Dum pecori lupus et nautis infestus Orion, *Turbare et* hibernum mare Intonsosque *agitare it* Apollinis aura capillos". Такая догадка уже потому не годится, что ею приписывается Горацію Praesens Indicativi въ косвенной рѣчи, а ураганъ представляется, какъ бы *шажкомъ*, „отправляющимся"... на службу [2]). Мадвигъ ограничивается небольшимъ измѣненіемъ въ знакахъ препинанія вульгаты: запятую онъ ставитъ послѣ Orion и уничтожаетъ ее передъ „Intonsosque". Выходитъ такимъ образомъ (какъ и по эмендаціи Унгера, впрочемъ), что одна и таже „aura" развѣваетъ волосы Аполлона и волнуетъ моря, тогда какъ вся соль въ антитезѣ; кромѣ того Фиву нечего дѣлать, при дурной погодѣ, подъ открытымъ небомъ (обыкновенно вѣдь наоборотъ, онъ отъ нея скрывается) да и переходъ отъ моря къ волосамъ (при перечнѣ предметовъ, которые *буря* способна привести въ движеніе!) представляется нѣсколько страннымъ; вообще непосредственно предшествовавшее упоминаніе „враждебнаго морякамъ" созвѣздія дѣлаетъ эту „aura" совершенно излишнею.

И тутъ слѣдовательно приходится зáново пересматривать критически рукописное преданіе, чего, впрочемъ, по второму „усовершенствованному" изданію гг. Келлера и Гольдера никому предпринимать не совѣтуемъ. Въ своей editio minor ученые эти отнеслись еще менѣе объективно къ своей задачѣ, нежели въ первой. Трудъ ихъ, конечно, большой, почтен-

---

значеніемъ заходящаго Оріона. Прозаическимъ натурамъ стоитъ только, чтобы успокоиться, перевести картинное выраженіе поэта на будничный языкъ словами: „пока у Аполлона будутъ прекрасные волоса". Для всѣхъ же тѣхъ, которые не видятъ надобности замѣнять подобными сухими формулами оживленныя черты преданія, послѣднее, въ данномъ случаѣ, останется несомнѣнно подлиннымъ. (Иначе пришлось бы заподозрить напр. и стихъ Θеокрита V. 91: λιπαρὰ δὲ παρ' αὐχένα σείετ' ἔθειρα, который тоже стоитъ въ общемъ описаніи и можетъ быть доведенъ до абсурда аргументомъ, что „не всегда бываетъ вѣтрено"). Да въ сущности особенной литературной воспріимчивости и не требуется, чтобы прійти къ такому заключенію. Ужь на что Силéнъ существо грубо матеріалистическое, а вѣдь онъ даже, меланхолически вспоминая у Полифима о божественномъ воспитанникѣ своемъ, восклицаетъ не просто: „гдѣ Ты, мой кудрявый Бакхъ?" а „ὦ φίλος, ὦ φίλε Βακχεῖε, ποῖ οἰοπολῶν ξανθὰν χαίταν σείεις (Eurip. Cycl. 74 sq.). Что касается до глагола „agitare", то не видимъ, почему онъ здѣсь менѣе умѣстенъ, чѣмъ *c. III. 1. 24*: „Zephyris agitata Tempe", гдѣ, полагаемъ, рѣчь, какъ и здѣсь, идетъ о легкомъ дуновеніи.

[1]) Лерсъ и тутъ предположилъ „лакуну".

[2]) „Ire" о бурѣ дѣйствительно говорится иногда, но тогда выраженіе это употреблено абсолютно, а не съ неокончат. наклоненіемъ.

ный, но односторонній, подъ вліяніемъ узкихъ взглядовъ задуман[illegible] и на основаніи предвзятыхъ мыслей составленный. Въ изданіи 1864 г. напр., въ аппаратѣ къ анализуемому 7 стиху 8 эпода стояло еще: „et] in *u* ifestos *B*“, т. е. филологи узнавали, что въ Парижскомъ 7973 (или. т. н. Danielinus начала X в.). читается dum pecori *lupus in nautis*“, а въ древнѣйшемъ изъ нашихъ кодексовъ Горація, именно въ Бернскомъ 363, конца VIII в., описка *ifestos* исправлена на „imfevos Orion“ [1]). Въ изданіи 1878 г. приведенныя свѣдѣнія пропущены, какъ нѣчто неважное! Между тѣмъ эти, на первый взглядъ, дѣйствительно нелѣпые варіанты и даютъ намъ всѣ элементы для серьезной эмендаціи. Скомбинировавъ именно разночтенія „*innautis imfevos*“, мы уже неизбѣжно приходимъ къ правильной редакціи:

> Dum pecori lupus in*m*itis, *du*m saevos Orion
> Turbaret hibernum mare
> Intonsosque agitaret Apollinis aura capillos,
> Fore hunc amorem mutuum.

Къ „inmitis“ дополнять нужно „esset“, что особенно затруднительнымъ считаться не можетъ. Эллипсисъ verbi substantivi имѣется у Горація напр. *Epod. I. 9:* „an hunc laborem mente laturi (sc. sumus), decet qua ferre non molles viros“. Гораздо рѣзче мѣста, какъ *Stat. Silv. V. 1, 1 sqq.:* „Si manus aut similes docilis (sc. esset) mihi fingere ceras Aut ebur impressis aurumve animare figuris, Hinc, Priscilla, tuo solatia grata marito

---

[1]) Келлеръ явно счелъ надписанное *v* за поправку гласной въ послѣднемъ слогѣ и потому вниманія на него не обратилъ. Не раціональнѣе-ли однако предположить, что если данное прилагательное оканчивалось въ именит. падежѣ на *os*, то суффиксу этому, согласно латинской фонетикѣ, предшествовала тема на *v*, и не предусмотрительнѣе-ли (особенно въ виду несомнѣнной трудности нашего текста) испробовать, что выйдетъ, если, сообразно съ тѣмъ, принять надстрочное *v* за корректуру буквъ *st?* Вообще консерватизмъ требуетъ, какъ намъ кажется, прежде всего, чтобы не пренебрегали намеками, не говоримъ ясными, ибо степень ясности есть дѣло субъективное, а просто возможными, которые встрѣчаются въ писанныхъ за 1000 лѣтъ кодексахъ. Примѣромъ счастливыхъ результатовъ, къ которымъ удается прійти, если пользоваться подобными намеками стараго Bernensis, можетъ служить столь характерное чтеніе *tecta* libido“, возстановленное пр. Л. Миллеромъ во 2 сатирѣ I книги (v. 33), вмѣсто грязнаго безъ всякой пикантности выраженія вульгаты „taetra libido“, подозрительность котораго обусловлена и самою рѣдкостью слова „taeter“ у поэтовъ Августова времени.

Conciperem". *V. 3. 47 sqq.*: „Atque utinam fortuna mihi (sc. permitteret) dare Manibus aras... Illic et Siculi superarem dona sepulcri"... *Quintilian. Declam. XVIII. 12*: „Rogo, quid facturus, si pernegaverit?" и т. д.

„*Saevus* Orion" встрѣчается у Вергилія *Aen. VII. 719:* „Saevus ubi hibernis Orion conditur undis". Кстати сказать, сравненіе Гораціева мѣста съ этимъ стихомъ и съ другими параллельными показываетъ, что исключительно въ вульгатѣ нашего Эпода данная мысль выражена съ такою полнотой: „пока морякамъ враждебный Оріонъ будетъ мутить зимнее море". „Orionem esse turbatorem maris, замѣтилъ уже Пеерлкампъ, satis intelligitur ex eo, quod dicitur *nautis infestus*". Предлагаемою эмендаціею достигается устраненіе и этого „abundans ornatus" (выраженіе Мичерлиха)—иначе, впрочемъ, и, кажется, методичнѣе, нежели гиперкритикою.

XXVIII.

S. I. 3, 25 sqq.: Cum tua pervideas oculis mala lippus inunctis, Cur in amicorum vitiis tam cernis acutum, Quam aut aquila aut serpens Epidaurius?

Такъ какъ „pervidere" значить „проницать взоромъ, насквозь видѣть"[1]), то *прямое* пониманіе этого термина въ данномъ случаѣ приводитъ къ безсмыслицѣ. Поэтому защитники преданія издавна прибѣгаютъ тутъ къ *шутливому* его толкованію, „quasi vero magnam rem faceret, qui Oxymoron et Enallagen et cetera Grammaticorum emplastra quibuscumque ulceribus adhiberet!" (Bentl. ad h. l.) Предполагать здѣсь ὀξύμωρον тѣмъ болѣе неумѣстно, что противопоставленіе протазы вопросу главнаго предложенія основано вѣдь, между прочимъ, на *контрастѣ* оборота, въ которомъ стоитъ спорный глаголъ, съ выраженіемъ *acutum cernere.* Съ другой стороны варіантъ *praevideas* несомнѣнно ошибоченъ, означая только физическое и умственное предвидѣніе (дальнозоркость и дальновидность), а вовсе не замѣняя слова „praetervideas", какъ полагали одно время. Впрочемъ, еслибы указанное разночтеніе и могло имѣть смыслъ этого послѣдняго термина, то все таки нуждамъ текста оно бы не удовлетворяло[2]). Дѣло въ томъ, что нельзя ссылаться на мнимую параллель

---

[1]) Cic. *Fin. V. 16, 44:* intrandum est igitur in rerum naturam et *penitus,* quid ea postulet, *pervidendum.*

[2]) Послѣдующимъ опровергается и сочувственно упоминаемая иногда конъектура Мервиля „tua *praetereas* mala". Такая редакція встрѣчается впервые въ интерпретаціи чтенія „praevideas" у Бентли, который вполнѣ справедливо и смотрѣлъ на нее, какъ на глоссу. Прибавимъ, что эту глоссу (ложнаго варіанта!) защищаютъ цитатой изъ Теренція *Hecyr. 418*: „o fortunate,

отрывка: „Τί τἀλλότριον, ἄνθρωπε βασκανώτατε, Κακὸν ὀξυδορκεῖς, τὸ δ'ἴδιον παραβλέπεις;“ (ap. Plut. *Tranq. Animi c. 8*) Уже Бентли чувствовалъ, что у Горація соотвѣтствуютъ другъ другу въ обѣихъ частяхъ сравненія отнюдь не *cernis acutum* (ὀξυδορκεῖς) и нѣчто, вродѣ *praetervideas* (παραβλέπῃς, παρορῇς),—а скорѣе „*tam* .... *acutum, quam* .... *aquila*“ etc съ одной стороны и съ другой: „*oculis lippus inunctis*“, далѣе съ одной стороны „*cernis*“ и съ другой одинаково *объективное*, мы чуть ни сказали, одинаково *нейтральное* понятіе. Принявъ затѣмъ въ соображеніе, что къ такому же заключенію приводятъ насъ *схоліасты*, Бентли передъ вульгатой отдалъ предпочтеніе написанію: „Cum tua *tu videas* oculis mala lippus inunctis“. Если поправка эта, несмотря на вызвавшую ее правильную постановку вопроса, по очевидному сознанію самого автора ея [1]), не совсѣмъ убѣдительна, то вина, разумѣется, падаетъ на совершенно лишнее словечко *tu*, поставленное тутъ ради одного метра [2]). Для насъ слѣдовательно, которые соглашаемся съ премиссами Бентли, но отвергаемъ его выводы, задача критики состоитъ только въ замѣнѣ формы *videas* синонимомъ, способнымъ, безъ внѣшнихъ подпорокъ, наполнить зіяніе, образованное въ стихѣ устраненіемъ традиціоннаго *pervideas*. Задача эта, какъ намъ кажется, благополучно разрѣшается, если читать:

Cum tua per*cipi*as oculis mala lippus inunctis,
Cur in amicorum vitiis tam cernis acutum,
Quam aut aquila aut serpens Epidaurius?

Percipere animo, mente, pectore, auribus и т. д. употребляется всегда въ смыслѣ „воспринимать“ впечатлѣніе, причемъ качество, степень воспріятія узнается изъ приставленныхъ нарѣчій, обстоятельствъ и т. п. [3]).

---

nescis quid mali praeterieris, qui numquam es ingressus mare“, точно „избѣжать непріятности“ и „просмотрѣть недостатокъ“ одно и тоже! Ужь скорѣе въ духѣ послѣдняго можно бы рекомендовать: „Cum tua per*curr*as oculis mala“, за что, по крайней мѣрѣ, говорило бы *Hor. S. II. 5, 55*: „veloci percurre oculo“.

[1]) Въ томъ же примѣчаніи, не ограничившись, къ сожалѣнію, приведеннымъ комментаріемъ, Бентли переходитъ къ дальнѣйшему разбору мѣста и въ результатѣ получаетъ никуда уже не годную редакцію: „cum tua *praevideas* oculis *male* lippus inunctis“.

[2]) „*Tuamet* videas“ Бентли естественно не рискнулъ предложить.

[3]) *Lucr. II. 1030*: „percipito caeli clarum purumque colorem“ не значитъ вовсе „*всмотрись внимательно* въ блескъ небеснаго свода“, а просто „*посмотри* **на небо**“.

XXIX.

S. I. 6, 122 sqq.: „Ad quartam iaceo, post hanc vagor, aut ego (lecto Aut scripto quod me tacitum iuvet) unguor olivo (Non quo fraudatis inmundus Natta lucernis!): [125:] Ast ubi me fessum sol acrior ire lavatum (126:) Admonuit, fugio Campum lusumque trigonem.

Приводя 126 стихъ по первой рукѣ *древнѣйшаго Blandinius*, мы вовсе не намѣрены прибавить новую страницу ко многимъ, писаннымъ уже по поводу его разногласія тутъ съ чтеніемъ остальныхъ кодексовъ [1]): „Ast ubi me fessum sol acrior ire lavatum Admonuit, fugio *rabiosi tempora signi*". Со временъ Бентли, послѣдняя редакція справедливо признается почти всѣми издателями невозможною, и не къ чему увеличивать рядъ высказываемыхъ обыкновенно противъ нея аргументовъ [2]). Задача у насъ въ данномъ случаѣ другая. Какъ Бентли, такъ и нѣкоторые изъ ученыхъ, принявшихъ рекомендованный имъ варіантъ, считали необходимымъ произвести въ текстѣ его небольшое измѣненіе, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что „lusus trigon" въ смыслѣ „ludus trigonis" никоимъ образомъ сказать нельзя. Вполнѣ съ этимъ соглашаясь [3]), мы однако понимаемъ, что трудно удовлетвориться предложенными до сихъ поръ къ

---

[1]) Кромѣ *Готскаго В. 61*, въ которомъ стоитъ: *cāpū lusitqz trigonem* По непровѣренному, но заподозрѣнному во лжи свидѣтельству француза *Valart*, въ *Парижскомъ 9219* тоже встрѣчается варіантъ, ставшій впервые извѣстнымъ, благодаря Крукію.

[2]) Сводятся они, какъ извѣстно, къ слѣдующему: Горацій описываетъ свое ежедневное времяпрепровожденіе, тутъ же указывается на одинъ *каникулярный* періодъ; Горацій могъ бы только сказать, что скрывается отъ жары, но отъ *tempora* онъ, конечно, убѣжать не былъ въ состояніи; Горацій говоритъ, что *усталость* и пекущее солнце заставляютъ его идти купаться, но утомился-то онъ не отъ одного натиранія масломъ, да и ради самаго процесса натиранія едва-ли кто мазался въ Римѣ; наконецъ, допустивъ интерпретацію, наиболѣе скрашивающую безсмыслицу перечисленныхъ пунктовъ, мы все таки получаемъ только изреченіе: „когда мнѣ слишкомъ жарко становится, то я ищу прохлады". Какъ подобная черта можетъ выдаваться Гораціемъ за *особенность* въ его образѣ жизни, не вѣдаютъ, разумѣется, ни г. Гольдеръ, отстаивающій до-Бентлеевскую вульгату, ни тотъ мудрый человѣкъ, который въ XII томѣ „Гермеса", на стр. 501—503, съ тою же цѣлью пускаетъ въ ходъ поистинѣ фантастическую палеографію.

[3]) Аналогіи, вродѣ *Ball-Spiel*, *танцъ-классъ* и т. д. право же не убѣдительны. Попробуйте сказать: fugio lusum aleam, lusum calculos, lusum pilam! Даже такіе обороты, какъ „Ludicrum fuit equi pugilesque ex Etruria acciti" (Liv. I. 35) затрудняютъ толкователей.

настоящему мѣсту конъектурами. Лучшая между ними [1]) принадлежитъ Бентли; она гласитъ: „fugio Campum *nudumque* trigonem“. Главный недостатокъ ея, т. е. несообразность *такого* эпитета въ *такомъ* оборотѣ, бросается въ глаза: поэтъ перестаетъ играть отнюдь не потому, что желаетъ по скорѣе одѣться, ибо отъ платья ему только станетъ еще жарче; онъ напротивъ того, спѣшитъ окунуться въ воду, а уже тамъ, навѣрное, будетъ голымъ.

Но самый характеръ опроверженія эмендаціи Бентли наводитъ неизбѣжно на болѣе правильную догадку. Почему Горацій покидаетъ Марсово поле? Оттого, что онъ усталъ, что ему жарко и оттого наконецъ, что онъ *грязенъ*, въ маслѣ, пыли и поту: и эту-то грязь онъ, конечно, желаетъ прежде всего смыть. Отчего же, рядомъ съ *sol acrior* и *fessum*, въ числѣ мотивовъ къ „ire lavatum“ и къ „fugio Campum“ не упомянута нечистота? И не ясно ли, что упоминаніе ея, такъ долго крывшееся подъ крайне неудобнымъ здѣсь словомъ *lusum*, будетъ совершенно законно возстановлено, если исправить такимъ образомъ текстъ:

Ast ubi me fessum sol acrior ire lavatum
Admonuit, fugio Campum lu*te*umque trigonem.

Когда Марціалъ *XI. 47, 5 sq.* спрашиваетъ: „Cur Lacedaemonio *luteum ceromate corpus* Perfundit gelida Virgine?“, то даетъ онъ на то, по своему обыкновенію, обсценный отвѣтъ, до котораго намъ тутъ никакого дѣла нѣтъ. Настоящая цитата важна для насъ только потому, что и ею, между проч., доказывается цѣлесообразность приписаннаго выше Горацію выраженія [2]). Затѣмъ перенесеніе качества отъ играющихъ къ игрѣ въ подтвержденіяхъ не нуждается: *nitida*, *pinguis*, *uncta palaestra*, *tepidus trigon* и т. п. весьма извѣстныя сочетанія словъ.

XXX.

A. P. 119: „*Aut famam sequere aut sibi convenientia finge.* Scriptor Homeriacum si forte reponis Achillem, Impiger, iracundus, inexorabilis, acer Iura neget sibi nata, nihil non arroget armis. Sit Medea ferox invic-

---

[1]) „Lusumque *strigosum*“ Аница едва достойна упоминанія, а „*invisumque* trigonem“ Паули (неудачно составленная по S. I. 5, 49) противорѣчитъ смыслу; если онъ *не любитъ* игры въ мячъ, зачѣмъ же онъ въ него играетъ?

[2]) Ср. тоже „luteo Vulcano“, у Ювенала *X*, 132, о закоптѣлой кузницѣ: *Вейднеръ* къ этому мѣсту цитуетъ Вергиліевъ стихъ *Aen. VII. 26*: „Aurora in variis fulgebat lutea bigis“. Какова просодія! Бѣдная Аврора! бѣдный Вергилій! бѣдные учащіеся, читающіе комментаріи Вейднера къ римскимъ поэтамъ!

taque, flebilis Ino, Perfidus Ixion, Io vaga, tristis Orestes. (125) Siquid inexpertum scaenae committis et audes Personam formare novam, servetur ad imum, Qualis ab incepto processerit, et sibi constet. (128) *Difficilest proprie communia dicere;* tuque Rectius Iliacum carmen deducis in actus, Quam si proferres ignota indictaque primus. Publica materies privati iuris erit, si Non circa vilem patulumque moraberis orbem, Nec verbo verbum curabis reddere fidús Interpres, nec desilies imitator in artum, (135) Vnde pedem proferre pudor vetet aut operis lex".

Когда сюжетъ пьесы заимствованный, задачи драматурга получаютъ т. ск. консервативный, почти отрицательный характеръ, ибо сводятся къ тому, чтобы не испортить, не представить въ блѣдномъ или ложномъ свѣтѣ созданные чужою фантазіей образы. Зритель трагедіи, написанной, положимъ, на тему Иліады, является въ театръ съ готовыми и притомъ весьма конкретными требованіями; онъ постоянно сравниваетъ дѣйствующія лица съ соотвѣтственными прототипами эпоса и лишь только замѣтитъ, что въ сценической переработкѣ исказились или утратились какія нибудь существенныя черты оригинала, то естественно неудовлетворенъ. Такъ напр., при видѣ томнаго или упражняющагося въ діалектикѣ Ахилла, онъ разочарованно восклицаетъ: „да это тряпка, а не Гомеровскій Ахиллъ!" и достоинствами другого разряда, какъ бы они велики и многочисленны ни были, этотъ—капитальный, въ глазахъ публики—недостатокъ данной роли уже выкупить мало надежды [1]).

Совсѣмъ иначе представляется вопросъ, когда произведеніе вполнѣ самобытно. Въ такомъ случаѣ провѣряется, конечно, не *относительная* правдивость изображенныхъ характеровъ, не ихъ сходство съ извѣстными *литературными* образцами, а внутренняя, если можно такъ выразиться, ихъ документальность. И тутъ на первомъ планѣ должна быть у поэта *цѣлостность* нравственныхъ обликовъ. Остальныя качества опять таки имѣютъ второстепенное значеніе: искусное построеніе фабулы, бойкость діалога,

---

[1]) Глубина и практичность поданнаго тутъ Гораціемъ совѣта, какъ извѣстно, неоднократно обнаруживалась въ исторіи разныхъ литературъ. Возьмемъ хотя бы Расиновскую „Iphigénie en Aulide" и мы безъ труда поймемъ, что, несмотря на тонкій психологическій анализъ французскаго классика, на прекрасные стихи его и на общій столь симпатическій колоритъ произведенія, не нравится оно намъ главнымъ образомъ вслѣдствіе поминутнаго нарушенія въ немъ (особенно это касается роли Ахилла) комментированнаго выше правила „Посланія къ Пизонамъ". Замѣтимъ еще, что, послѣ всего сказаннаго, намъ нечего спеціально защищать чудесную конъектуру Бентли къ 120 стиху: „Homeriacum", вмѣсто „honoratum" рукописей.

сценичность отдѣльныхъ положеній—все это техника, усвоеніе которой пріобрѣтается опытомъ, и недостаточное знакомство съ нею принципіальнымъ препятствіемъ удачѣ еще не служитъ. Но коль скоро въ образѣ дѣйствій или свойствѣ и чередованіи психическихъ состояній выводимыхъ субъектовъ видны противорѣчія, то дѣло несомнѣнно проиграно. Причина понятна: если все сбивчивое, двусмысленное по существу своему недраматично и въ воображеніе не врѣзается, то явная непослѣдовательность въ описаніи типовъ подавно внушить къ послѣднимъ довѣрія, сдѣлать ихъ убѣдительными не можетъ; пропадаетъ стало быть иллюзія, т. е. основное условіе успѣха. И такъ, повторяемъ, прежде всего герои пьесы должны быть обрисованы мощною и вѣрною рукой. Только, разумѣется, способность проникнуть въ неизвѣданныя дотолѣ области человѣческой природы и затѣмъ извлечь оттуда потребные для своей цѣли элементы, способность сгруппировать эти элементы такъ, чтобы малѣйшія части гармонически сочетались, вдохнуть наконецъ жизнь въ созданный организмъ и сдѣлать его носителемъ высокаго драматическаго интереса—эта способность дана не каждому, и въ ней сказывается настоящее художественное творчество.

Кто слѣдовательно не чувствуетъ въ себѣ нужныхъ силъ, тому можно лишь посовѣтовать за трудную задачу не браться. Вѣрнѣе для него не выходить изъ колеи, проложенной великими геніями; вѣрнѣе черпать для своихъ трагедій содержаніе изъ Иліады, нежели вступать съ Гомеромъ въ конкурренцію. Постыднаго къ тому же ничего нѣтъ въ подобной утилизаціи классическихъ источниковъ. И въ предѣлахъ, намѣченныхъ миѳологіей и корифеями поэзіи, остается много свободнаго мѣста, гдѣ талантъ можетъ развернуться и своеобразность писателя высказаться: узкое подражаніе языку или пріемамъ предшественниковъ вовсе даже не желательно.

Мы въ предидущемъ, по возможности пространно, передали мысль данныхъ стиховъ Горація: во первыхъ, потому, что раціональность лаконической дилеммы: „aut famam sequere aut sibi convenientia finge“, какъ намъ казалось, обыкновенно комментаторами должнымъ образомъ не выясняется; во вторыхъ же для того, чтобы показать невозможность традиціонной редакціи 128 стиха: „Difficilest proprie communia dicere“, вмѣсто чего, очевидно, ожидается нѣчто діаметрально противоположное [1]), нѣчто,

[1]) Пеерлкампъ, со свойственнымъ его логикѣ радикализмомъ, такъ и предложилъ: „*Sed facile est* proprie communia dicere“. Прекрасное примѣчаніе его (p. 67 sqq.) необходимо перечитать, при разборѣ этого мѣста. У схоліастовъ и Ламбина всѣми оставленное теперь объясненіе: „communia—a nullo adhuc tractata—quae cuivis exposita sunt et in medio quodammodo posita“. По обыкновенію, желательный смыслъ ученые контрабандой вносили въ текстъ, вмѣсто того, чтобы открыто устранить препятствіе.

въ смыслѣ: „Difficilest *propriis* communia *vincere*“. Ибо несомнѣнно же вульгата можетъ только означать: „трудно излагать своеобразно популярные сюжеты“, а не: „трудно индивидуализовать отвлеченные типы“ [1]) или „трудно кстати высказывать общія мѣста“ [2]). Между тѣмъ, воздавая молодому Пизону похвалу (tuque rectius-deducis) за то, что онъ избралъ не такъ то легко выполнимую задачу, Горацій впадалъ бы въ немыслимое противорѣчіе со всѣми принципами Посланія и даже съ контекстомъ этихъ стиховъ.

Едва-ли мы поэтому ошибемся, предположивъ, что въ архетипѣ стояло непонятое переписчиками:

> Difficilest propri*eis* communia d*e*icere; tuque
> Rectius Iliacum carmen deducis in actus,
> Quam si proferres ignota indictaque primus.

Относительно дактилическаго употребленія слова „deiicere“ достаточно указать на параллельное мѣсто *S. I. 6, 39*: „Deicere de saxo civis“ и на аналогическіе случаи синицизы у Вергилія *E. III. 96:* „pascentes a flumine reice capellas“ и у Лукреція *IV. 1272:* „Eicit enim sulcum“. Что же касается смысла, то его требованія, какъ намъ кажется, настоящимъ чтеніемъ вполнѣ удовлетворены: „Трудно низвергнуть, вытѣснить продуктами собственной музы произведенія, ставшія достояніемъ всего образованнаго міра“. Такое замѣчаніе, конечно, весьма умѣстно тамъ, гдѣ отсовѣтывается драматическое новаторство.

---

[1]) Это самая распространенная въ настоящее время интерпретація (ее защищаетъ Лерсъ на стр. CCXI.): противъ нея уже Риббекъ (S. 219) замѣтилъ, что *dicere* и *fingere* выраженія [illegible] равносильныя; еще важнѣе однако было бы указать на нелѣпость силлоги[illegible]: „Если ты рискуешь создать новую роль, избѣгай противорѣчій въ обрисовкѣ ея: *но такъ какъ* индивидуализація общихъ типовъ трудна, *то* черпай изъ Гомера“. Точно логическое описаніе не можетъ отличаться безжизненностью! Точно Гомеровскія личности лишены индивидуальности, точно Горацій не напираетъ на то именно, чтобы драматургъ этой ихъ индивидуальности не испортилъ!

[2]) Такъ Риббекъ, очевидно, ни къ селу, ни къ городу; къ тому же его толкованіе потребовало *вставки цѣлаго стиха*.

ИЗВѢСТІЯ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ВЪ НѢЖИНѢ.

ТОМЪ IV.

Выпускъ I.

1879 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Оффиціальный отдѣлъ.

II. Неоффиціальный отдѣлъ.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (I. I. ЗАВАДЗКАГО).

1879.

Редакторъ Н. Гротъ.

Цѣна 75 коп.